

SLAVICA REVALENSIA

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

И. З. Белобровцева (Таллинн)

Н. А. Богомолов (Москва)

Майкл Вахтель (Принстон)

С. И. Гиндин (Москва)

А. А. Гиппиус (Москва)

Петер Гржибек (Грац)

Димитр Кенанов (Велико-Тырново)

И. П. Кюльмоя (Тарту)

Г. А. Левинтон (С.-Петербург)

М. Ю. Лотман (Таллинн / Тарту)

Н. Г. Охотин (С.-Петербург)

Е. А. Погосян (Эдмонтон)

Ф. Б. Поляков (Вена)

Эндрю Рейнольдс (Мэдисон)

Е. Н. Ремчукова (Москва)

Т. В. Скулачева (Москва)

Л. С. Флейшман (Стэнфорд)

Т. В. Цивьян (Москва)

Таллиннский университет

SLAVICA REVALENSIA

III

Издательство Таллиннского университета
Таллинн 2016

PERIODICA Universitatis Tallinnensis

Slavica Revalensia. Vol. III

Редактор: Григорий Утгоф

Корректоры: Анна Губергриц, Антон Кюналь

Оформление и верстка: Сирье Ратсо

В оформлении обложки использована репродукция картины
Аристарха Лентулова «Семейный портрет. Жена и дочь» (1919).
Ярославль, Ярославский художественный музей.

Авторское право: Авторы статей, 2016

Авторское право: Издательство Таллиннского университета, 2016

ISSN 2346-5824 (print)

ISSN 2504-7531 (online)

TLÜ Kirjastus

Narva mnt 25

10120 Tallinn

www.tlupress.ee

Отпечатано в типографии Pakett

СОДЕРЖАНИЕ

ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

I

А. Ю. Балакин (С.-Петербург). Еще о прагматике
и датировке пушкинских помет на второй части
«Опытов в стихах и прозе» К. Н. Батюшкова 9

Ф. Н. Двинятин (С.-Петербург). Мускус и камфора.
«Отъ меня вечоръ Леила...» А. С. Пушкина:
Структура текста и поэтическая традиция 29

П. Ф. Успенский (Москва). Некрасов и Боратынский:
Вокруг рецензии на «Дамский альбом», новых взглядов
на брак и двух любовных стихотворений 48

Ю. И. Красносельская (Москва). Идея аренды
в общественных начинаниях Льва Толстого 1857 г. 70

С. Н. Доценко (Таллин). Об источниках сказки
А. М. Ремизова «Султанский финик» 95

Л. Э. Найдич (Иерусалим). О понятии *фонема*
у О. Э. Мандельштама: Из комментария к статье
«О природе слова» 113

Г. Г. Суперфин (Бремен). Барклай иль Кутузов 122

II

М. Г. Сальман (С.-Петербург). К биографии Ю. Г. Оксмана
(По материалам Центрального государственного
исторического архива Санкт-Петербурга) 129

III

Е. В. Хаздан (С.-Петербург). Зубовский институт: (Пост)фольклор переходного времени.....	173
--	-----

КРИТИКА

Дарья Дорвинг, Елена Земскова, Мария Последова, Анна Рубцова (Таллин). Рец. на кн.: Антропология культуры: Вып. 5. К 85-летию академика РАН Вячеслава Всеволодовича Иванова.....	211
---	-----

Ф. Н. Двинятин (С.-Петербург), С. О. Леоненко (Беркли / С.-Петербург). Интертекстуальный анализ: Принципы и границы (Хроника конференции в Санкт- Петербургском государственном университете, 21–22 апреля 2016 года).....	224
--	-----

БИБЛИОГРАФИЯ

Кафедра русской литературы Таллинского педагогического университета: Материалы к библиографии (1993–1997)	245
Abstracts.....	254
Kokkuvõtted	259
Авторы этого выпуска.....	264
Авторам будущих выпусков.....	268

ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

I

ЕЩЕ О ПРАГМАТИКЕ И ДАТИРОВКЕ ПУШКИНСКИХ ПОМЕТ НА ВТОРОЙ ЧАСТИ «ОПЫТОВ В СТИХАХ И ПРОЗЕ» К. Н. БАТЮШКОВА¹

А. Ю. Балакин
(С.-Петербург)

I

Ниже пойдет речь о проблеме, которая владеет умами пушкинистов уже более ста лет. В разные годы выдвигались разные варианты ее решения, предлагались различные гипотезы, но ни одна из них не получила общего признания. Речь идет о том, каким временем следует датировать развернутые пометы Пушкина на принадлежавшей ему второй части книги Батюшкова «Опыты в стихах и прозе» (Батюшков 1817). Хотим предложить одну гипотезу и мы.

В 1894 году в статье «Пушкин о Батюшкове» Л. Н. Майков сообщил о находке экземпляра второй части «Опытов...» Батюшкова, который был испещрен пометами Пушкина, а в конце находилась пушкинская копия батюшковской элегии «Есть наслаждение и в дикости лесов...» (см.: Майков 1894: 528–555)². Майков сразу оценил важность этих помет и процитировал многие из них в своей статье, не ставя, однако, своей целью точного и полного их воспроизведения. По ряду признаков он предположил, что они возникли «не ранее второй половины 1826 года и, может быть, не позже 1828 г.» (Майков 1894: 533), однако комплексное их изучение с целью более точной датировки ученым предпринято не было.

¹ В основу статьи положен доклад, прочитанный на Международных научных чтениях в честь 75-летия В. Э. Вацура (ноябрь 2010 г.).

² С изменениями перепечатано: Майков 1895: 190–222; Майков 1899: 284–317.

Впоследствии пушкинский экземпляр с пометами пропал, но в начале 1930-х годов в Библиотеке Академии наук Л. Б. Модзалевский нашел принадлежавший Майкову экземпляр «Опытов...»³, на который тот почти с дипломатической точностью перенес пушкинские пометы. Этот экземпляр изучил В. Л. Комарович, посвятивший пометам большую статью в пушкинском томе «Литературного наследства» (см.: Комарович 1934: 885–904), а затем подготовивший их публикацию в 12-м томе академического Полного собрания сочинений Пушкина (этот том вышел в свет в 1949 году уже после смерти ученого; см.: Пушкин 1949)⁴. Комарович предположил, что пометы наносились в два приема: пять чернильных помет были сделаны в 1817 году, а остальные карандашные – осенью 1830 года⁵; копию же элегии он датировал 1819–1820 гг.

В 1974 году точку зрения Комаровича оспорила В. Б. Сандомирская, попытавшаяся поставить пометы в контекст творчества Пушкина и его отношения к Батюшкову в разные периоды жизни: «...ряд соответствий между произведениями Батюшкова и творческими замыслами Пушкина 1821–1824 гг., а также несомненная связь помет в “Опытах” с работой Пушкина по подготовке собрания своих стихотворений, план которого вполне сформировался в его сознании к концу 1824 г., позволяют нам датировать пушкинские пометы <...> 1821–1824 гг.» (см.: Сандомирская 1974: 35). Что же касается датировки записи элегии, то Сандомирская присоединилась к мнению Майкова (Сандомирская 1974: 20), который датировал ее 1826–1828 гг. – тем же временем, что сами пометы.

Через три года свою гипотезу о времени возникновения помет выдвинула И. М. Семенко – в статье, сопровождающей подготовленное ей издание «Опытов в стихах и прозе» в серии «Литературные памятники» (1977). Исследовательница предположила, что одна из помет переключается с дневниковой записью В. К. Кюхель-

³ Ныне хранится: ИРЛИ, ф. 244, оп. 6, ед. хр. 38.

⁴ Далее будет цитироваться с указанием страницы.

⁵ Эту датировку косвенно подтвердил И. Е. Бабанов, связавший одну из помет с идеями Г. Э. Лессинга, фигура которого была актуальна для Пушкина именно осенью 1830 г. (см.: Бабанов 1979: 170–171).

бекера от 28 апреля 1834 года. По ее логике, пушкинская запись является репликой в споре со своим бывшим лицейским приятелем, напомнив, что хоть Кюхельбекер и находился в то время в Петропавловской крепости, но состоял в переписке с Пушкиным и пересылал ему свои рукописи, а возможно, и части дневника. Предложив еще один косвенный аргумент, Семенко резюмировала: «Не исключено, таким образом, что пушкинские заметки сделаны после 1834 г.» (Семенко 1977: 491).

Спустя еще два года свою датировку предложила Р. М. Горохова (см.: Горохова 1979: 24–45). Она обнаружила перекличку одной из помет со статьей П. А. Плетнева «Разбор элегии Батюшкова “Умиравший Тасс”» (см.: Плетнев 1823: 210–227), опубликованной в третьем номере «Журнала изящных искусств» за 1823 год⁶. Исследовательница предположила, что едва ли Пушкин мог читать этот журнал на Юге, и скорее всего в его руки он попал уже в Михайловском. Исходя из этого было предложено исследовательнице датировать пометы концом 1824 – началом 1825 года.

В 1995 году к пушкинским пометам обратился В. А. Кошелев, предложивший взглянуть по-новому на их прагматику. Он писал: «Все исследователи (вне зависимости от того, каким временем датировали они эти пометы) исходили из того, что Пушкин делал на экземпляре “Опытов...” заметки “для себя”. Но, во-первых, все остальные дошедшие до нас заметки Пушкина на полях чужих сочинений <...> сделаны не “для себя”, а для авторов этих сочинений. <...> Во-вторых, при таком подходе оказывается неясной *целевая*

⁶ В библиотеке Пушкинского Дома хранится комплект этого журнала, присланный Плетневу его издателем В. И. Григоровичем. На последней странице названной статьи есть помета автора: «NB. Места, поправленные карандашом, переменены были Цензурою без воли сочинителя» (цензором журнала был А. И. Красовский); приводим здесь эти перемены для будущего издателя Плетнева-критика или историка русской цензуры: стр. 211, строка 3: Казалось, что неблагоклонная к нему судьба > Казалось, что враждебная судьба; стр. 215, строка 3: как холодная и отчасти странная мысль > как холодная мысль; стр. 217, строка 6: пересилить неблагоклонной к нему судьбы > пересилить враждебной судьбы; стр. 225, строки 28–29: Любовь непорочная не противоречит набожности > Любовь не противоречит набожности; стр. 227, строки 9–10: должна уступить *Умиравшему Тассу*. > в сравнении с *Умиравшим Тассом* ученическое произведение.

направленность большинства помет. Какой смысл “для себя” делать пометы типа: “прекрасно”, “вяло”, “лишний стих”, “неудачный перенос”, “ошибка мифологическая”, “галлицизм” и т. д.? Такого рода замечания <...> в контексте собственно пушкинской целенаправленности явно бессмысленны, и смешно предполагать, что Пушкин исправляет Батюшкова затем, чтобы в собственных стихах избежать подобных ошибок» (Кошелев 1995: 98). Ученый выдвинул гипотезу, что большая часть помет сделана молодым Пушкиным для самого Батюшкова, по его просьбе, перед его отъездом в ноябре 1818 года из Петербурга в Неаполь. Другая часть помет сделана, по его предположению, в 1824–1825 гг., когда Пушкин, услышав о помешательстве Батюшкова и остро переживая эту потерю перво-классного поэта для литературы, перечитывал его стихи.

И наконец в 2003 году большую статью проблеме датировки помет посвящает О. А. Проскурин. Подвергнув критике (зачастую очень резкой и несправедливой) концепции Майкова, Комаровича, Гороховой и Кошелева (но не упомянув о Семенко), он в целом присоединяется к мнению Сандомирской, пытаясь локализовать предложенную ею датировку. При этом исследователь соглашается с замечанием Кошелева о важности ответа на вопрос: зачем и для кого Пушкин делал эти пометы. Сам Проскурин отвечает на этот вопрос так: «Пометы Пушкина на полях “Опытов” представляются нам *репликами и аргументами* в одесских спорах о Батюшкове с ведущими поэтами-“батюшковьянцами” – Раичем и Туманским. Сама демонстративная резкость некоторых помет объяснима только полемическим контекстом: скажем, указания на погрешности и шероховатости стиха Батюшкова могли быть вызваны неумеренными похвалами батюшковской “гармонии”, педантичная фиксация грамматических ошибок – восторгами по поводу совершенства языка батюшковской поэзии, констатация логических противоречий и несообразностей – восхищением композиционным мастерством, и т. д. <...> Скорее всего, пометы были результатом уже имевших место споров и выступали аргументами для их продолжения. Несомненно при этом, что обобщающие, оценочные комментарии под текстами предназначались не “для себя”, а для чтения посторонним глазом –

на это указывают коммуникативная модальность некоторых из них <...>. Следовательно, мелкие пометы на полях, каково бы ни было их первоначальное назначение, тоже становились предметом чтения и, таким образом, могли стать известны и за пределами одесского круга. Разница между записями карандашом и чернилами свидетельствует о том, что записи делались не в один прием. Но никаких эстетических оснований относить комментарии к разным периодам творческого пути Пушкина <...> у нас нет: вероятная дистанция между ними – не годы, а дни или даже минуты» (Проскурин 2003: 265–266). Следуя этой логике, и сопоставив ряд помет с пушкинским творчеством 1822–1823 гг., Проскурин датировал пометы августом – первой половиной сентября 1823 года, «то есть временем от окончательного переезда Пушкина в Одессу (и прибытия туда Туманского) до отъезда Раича в Москву» (Проскурин 2003: 266). О копии батюшковской элегии он не упоминает и, соответственно, никак ее не датирует, полагая, очевидно, – как и все предыдущие исследователи – что ее появление на пушкинском экземпляре «Опытов» никак не связано с остальными пометами.

Предлагая датировку помет, каждый из исследователей смотрел на них (включая копию элегии) не как на единый палеографический комплекс, а как на «собрание пестрых глав», слабо связанных друг с другом смыслом и логикой. Те их фрагменты, которые мешали той или иной концепции, либо не комментировались, либо объявлялись случайными и несущественными. Нам же хочется попытаться показать, что они все взаимосвязаны, подчинены единой логике, делались в одно время и с одной целью.

2

Попробуем охарактеризовать пометы, разбив их на несколько групп.

Первую составят оценки того или иного стихотворения, записанные, как правило, после текста, в нижней части страницы – всего их три десятка⁷. К этой группе примыкает другая – односложные

⁷ Это пометы: «Весьма дурные стихи» (257), «Вообще мысли пошлые, а стихи не довольно живы» (258), «Прекрасный перевод» (259), «Одна из лучших элегий

в большинстве своем пометы такого же характера, относящиеся к той или иной строчке, обороту или периоду. Эта группа самая многочисленная, а разброс оценок колеблется от «какая дрянь» (270) и «как плоско!» (275) до «гармония» (268) и «прекрасно!» (267).

Следующая группа – это подчеркивания без каких-либо оценок (хотя в отдельных случаях Пушкин явно отмечает неудачные рифмы); кроме подчеркивания отдельных слов и строк сюда же надо поместить и отчеркивания на полях целых строф.

Особняком стоит группа помет, которыми Пушкин не только указывает на неудачное, по его мнению, место, но предлагает, как его исправить. Так, отмечая крестиком заглавие «Надежда», он предлагает: «Точнее бы *Вера*» (257), подчеркивая в строке «Цвела невинностью близь матери твоей» последнее слово, он ставит на полях «своей» (260), рядом со строкой «*И жребий* с трепетом читает» пишет «Должно быть: свой жребий» (261); это и пометы «Невежество непростительное!» (266), «Библиизм неуместный» (267), «*Te Deum laudamus*, а по нашему должно бы *Царю небесный*» (279) и ряд других.

В отдельную группу объединим вычеркивания – как отдельных строф, так и больших периодов (иногда сопровождаемые пометами

Б.<атюшкова>» (260), «Стихи замечательные по счастливым усечениям – мы слишком остерегаемся от усечений, придающих иногда много живости стихам» (261), «Прелесть кроме первых 4» (262), «Прелесть и совершенство – какая гармония!» (262), «Есть чувство» (263), «Прелесть» (263), «По чувству, по гармонии, по искусству стихосложения, по роскоши и небрежности воображения – лучшая элегия Батюшкова» (263), «Не стоит ни прелестной прозы Парни, ни даже слабого подражания Мильвуа» (265), «Вся элегия превосходна – жаль, что перевод» (267), «Сильное, полное и блистательное стихотворение» (268), «писано в молодости поэта. Самое слабое из всех стихотворений Б.<атюшкова>» (272), «Это стихотворение дышет каким-то упоением роскоши, юности и наслаждения – слог так и трепещет, так и льется – гармония очаровательна» (274), «Преглупая пьеса» (274), «Прекрасно, достойно блестящих и небрежных шалостей фр.<анцузского> остроумия – и везде язык поэзии» (276), «Как неудачно почти всегда шутит Б.<атюшков>! Но его *Видение* умно и смешно» (276), «Цель послания не довольно ясна; недостаточно то, что выполнено прекрасно» (276), «Цирлих манирлих. С Д. Давыдовым не должно и спорить» (277), «Вот Бат.<юшковск>ая гармония» (279), «Переведенное острословие – плоскость» (279), «Конец прекрасен. Но плана никакого нет, цели не видно – всё вообще холодно, растянуто, ничего не доказывает и пр.» (283), «Лучшее стихотворение поэта – сильнейшее, и более всех обдуманное →» (283), «прелесть!» (284) и некоторые другие.

«Лишнее»): из элегии «Мечта» Пушкин вычеркивает 27 строк, из «Моих пенат» – 11, из «Любви в челноке» – 16, из «Счастливица» – 44, плюс полностью зачеркивает пять эпиграмм⁸. Самому радикальному сокращению подвергается «Странствователь и домосед» – из него вычеркивается в совокупности свыше ста строк из 383-х.

Последнюю группу составят заметки историко-литературного и мемуарного характера; их меньше всего, но они наиболее известны и чаще всего цитируются. Пушкин отмечает, какие стихи нравились самому Батюшкову (263), какие ценил Вяземский (265), какие осуждал Дмитриев (262), над какими иронизировал Катенин (270); сюда же можно отнести также указания на источники переводов, подражаний и цитат⁹, разночтения с предыдущими публикациями¹⁰ и пометы атрибуционного характера¹¹.

На экземпляре «Опытов» есть еще одна серия помет, о которой упомянул только Комарович: «Уже оглавление <...> имеет тут, почти перед каждым заглавием, особую помету карандашом: черточку или нолик; без всякого знака оставлено (может быть по недосмотру) только заглавие “Переход через Рейн, 1814”; из остальных же отмечены ноликами: “Дружество”, “Веселый час”, “Судьба Одиссея”, “На смерть супруги К-на”, “К П-ну”, “Хор для выпуска благородных девиц Смольного монастыря” и “Сон воинов”, т. е. все те пьесы, которые не имеют заметок Пушкина; заглавия остальных отмечены сбоку черточками» (Комарович 1934: 886). Похожими пометами Пушкин снабдил список своих стихотворений, составленный в 1828 году, только кроме кружочков и черточек там есть плюсы и тильды (Рукою Пушкина 1997: 178–179): как доказал Б. В. Томашевский, этими пометами он разносил свои стихи на определенные группы. Еще раз подчеркнем: ноликами Пушкин отме-

⁸ Возможные мотивы зачеркивания эпиграмм проанализированы в статье: Кошелев 2005.

⁹ «Неудачное подражание Millevoeye» (263); «Подр.<ажание> Ломоносову и Torrismondo» (267); «Стих Муравьева» (277); «Подражание Парни, но лучше подлинника, живее» (277) и пр.

¹⁰ «Было прежде: чаш пролитых вином – точнее» (262); «Было прежде: белым снегом» (265).

¹¹ «Это не Батюшк<ова>, а Блуд<ова>, и то перевод» (279).

тил только семь не самых выдающихся стихотворений Батюшкова из почти семи десятков, вошедших в «Опыты»; причем только те, которые не удостоились внимания владельца книги – как благосклонного, так и неблагосклонного, и было бы странно предполагать, что эти пометы явились следствием каких-то эстетических споров.

Как видим, большинство пушкинских помет имеют отнюдь не полемический, а скорее редакторский характер: зачем для полемических целей вычеркивать неудачные строки и целые фрагменты, отмечать разночтения, предлагать свои исправления, указывать в оглавлении стихотворения, оставшиеся без замечаний? Кроме того, нельзя не обратить внимание, что Пушкин оставляет пометы только на второй, стихотворной части «Опытов», игнорируя прозаическую, хотя в его экземпляре обе части были «переплетены в одну книгу» (Майков 1894: 533). Но ведь если б он действительно спорил с поэтами-«батюшковцами», то нашел бы пищу для полемических суждений и в батюшковских статьях. И совершенно естественно, что Пушкин как редактор не счел нужным ни править стиль Батюшкова-прозаика, ни спорить с его суждениями.

Интересно сравнить пушкинские пометы на экземпляре «Опытов» с его редакторскими замечаниями на рукописи стихотворения П. А. Вяземского «К ним», предназначавшегося для «Литературной газеты» (Рукою Пушкина 1997: 110–111). Если положить рядом эти два текста, то нельзя не увидеть типологическую схожесть пушкинских помет. Так, в строчке Вяземского «Меня прожгла незримою стрелою» Пушкин заключает в скобки последние два слова и пишет на полях: «лишнее»; на экземпляре «Опытов» в скобки заключена строка «Наследственным добром свои насытя взоры», а рядом на полях также стоит «лишнее» (280). Отчеркнув на полях несколько строк стихотворения Вяземского, Пушкин пишет на полях «прекрасно»; такие же пометы нередки на полях «Опытов» (258, 266, 268, 272 и др.). Две строки Вяземского Пушкин подчеркнул, вероятно, отметив как неудачные; подобными подчеркиваниями пестрят страницы пушкинского экземпляра сборника Батюшкова. Даже помета у одной строки «NB Княгиня <В. Ф. Вяземская> права, что морщится» очень

напоминает пушкинские отсылки к мнению других лиц о тех или иных строках Батюшкова¹².

К мысли о редакторском характере помет наиболее близко подошла Семенко, писавшая: «Пушкин выступает как нелюбезный рецензент, озабоченный при этом интересами автора; более того, он правит местами текст, зачеркивает длинноты, куски текста, которые считает “вялыми”. Происходит как бы повторная подготовка текстов “Опытов” к печати» (Семенко 1977: 487)¹³. Спустя десять лет то же повторит и Н. Н. Зубков: «Пушкин сделал то, на что не решились, несмотря на просьбу автора, ни Жуковский, ни Вяземский, ни даже Гнедич, – отредактировал сборник, последовательно и тщательно» (Зубков 1987: 337).

Особого разговора заслуживает копия элегии «Есть наслаждение и в дикости лесов...» История текста этого стихотворения подробно изучена, здесь обозначу ее пунктиром. Недоработанный батюшковский перевод 178 и половины 179 строф из IV песни «Странствований Чайльд-Гарольда» состоял из 17 строк; в таком виде его узнают друзья поэта. В конце 1827 года при подготовке очередного выпуска альманаха «Северные цветы» текст редактируется (предположительно Пушкиным и / или Жуковским – см.: Харджиев 1992: 6; Вацууро 1994: 163–165; Пильщиков 2013: 118): последние пять строк отбрасываются, вследствие чего стихотворение приобретает завершенный вид, в шести строках производятся замены¹⁴. Именно в таком виде эти стихи попали на страницы «Северных цветов на 1828 год». Кроме того, сохранилась их идентичная с печатным текстом наборная

¹² Ср. также пушкинские поправки на рукописях стихов А. А. Дельвига (Рукописи Пушкина 1937: 271–274).

¹³ Однако, Семенко была убеждена, что поэт делал пометы исключительно для себя, поэтому резюмировала: «Что было стимулом для нового, столь внимательного и придирчивого чтения Пушкиным “Опытов”, остается все же неясным» (Семенко 1977: 492).

¹⁴ «Ты сердцу моему дороже» на «Для сердца ты всего дороже»; «С тобой, владычица, я властен забывать» на «С тобой, владычица, привык я забывать»; «И то, что был, когда я был моложе» на «И то, чем был, как был моложе»; «С тобой я в чувствах оживаю» на «Тобою в чувствах оживаю»; «Их выразить язык не знает стройных слов» на «Их выразить душа не знает стройных слов»; «И как молчать о них, не знаю!» на «И как молчать об них, не знаю».

рукопись, выполненная самим Пушкиным (Рукою Пушкина 1997: 479–480).

Теперь взглянем на текст, записанный Пушкиным на нахзаце его экземпляра «Опытов». Майков не стал полностью его копировать, обозначив только разночтения с текстом «Северных цветов», которых два: вместо «Есть наслаждение и в дикости лесов» – «Есть наслаждение и в сумраке лесов», и вместо «Для сердца ты всего дороже» – «Для сердца моего дороже»; остальной текст, очевидно, совпадал с опубликованным. Отметим, что оба приведенные варианта не восходят и к первоначальному батюшковскому тексту, то есть являются самостоятельными. Из вышесказанного неизбежно следует вывод, что пушкинская копия не могла появиться раньше конца 1827 года, то есть Пушкин записал элегию либо одновременно с публикацией, либо уже после нее. Но зачем Пушкину понадобилось записывать элегию в принадлежащую ему книгу Батюшкова, когда у него либо уже был, либо вот-вот должен был появиться экземпляр «Северных цветов» с ее публикацией, которую он сам же и готовил? С какой целью и для кого была сделана эта запись?

3

Перенесемся в 1833 год.

Хотя с момента выхода «Опытов в стихах и прозе» прошло шестнадцать лет, их тираж к этому году едва ли разошелся: в газетах 1820-х годов время от времени появлялись объявления об их продаже¹⁵. Но несмотря на это кто-то из друзей Батюшкова задумывает переиздание его наследия. Этот замысел был реализован летом 1834 года, когда из печати вышло два тома под заглавием «Сочинения в прозе и стихах» и пометой «Издание второе» (цензурное разрешение – 19 октября 1833 г.). До нас не дошло никаких сведений, кто был инициатором этого издания и кто готовил его к выходу в свет¹⁶. Б. В. Томашевский утверждал,

¹⁵ См., в частности: Санкт-Петербургские ведомости. 1825. № 86. 27 окт. Приложение.

¹⁶ Цензурные документы не проясняют этот вопрос, а ставят новые: согласно записи в цензурной ведомости, в цензуру оригинал книги (издание 1817 года плюс рукописные

что «издание было подготовлено к печати Н. И. Гнедичем, но вышло в свет после его смерти» (Томашевский 1948: 335), однако не привел никаких документов или аргументов, доказывающих это утверждение. Согласно мнению В. А. Кошелева, в подготовке издания 1834 года принимал участие Д. Н. Блудов (см.: Кошелев 2005: 88), но документально это также не подтверждается.

Присмотримся к «Сочинениям в прозе и стихах» и попробуем определить, кто мог приложить руку к их появлению на свет.

«Сочинения» в основном повторяют структуру и состав «Опытов», но есть важные дополнения и перестановки. Во второй, стихотворной части, было добавлено несколько опубликованных к тому времени стихотворений (как появившихся в печати после 1821 года, так и опубликованных ранее, но не вошедших в «Опыты»), а одно помещено впервые¹⁷. Также была произведена перестановка: замыкавшие книгу стихотворения «Умиравший Тасс» и «Беседка муз» были перенесены – первое в начало раздела «Элегии», открывающего книгу, второе стало замыкать этот раздел. Кроме того была полностью перепечатана брошюра «О греческой антологии», представляющая собой одноименную статью С. С. Уварова, в текст которой были интерполированы стихотворные переводы Батюшкова¹⁸.

В первой, прозаической части на первое и второе места книги были перенесены из ее конца статьи «Нечто о морали, основанной

дополнения) предоставил книгоиздатель А. Ф. Смирдин (тем не менее, спустя год книгу выпустил его конкурент И. И. Глазунов). Согласно той же ведомости, оригинал издания одобрил А. Л. Крылов, хотя на обороте титульного листа «Сочинений в стихах и прозе» стоит фамилия А. В. Никитенко; остались пустыми графы, предназначенные для отметок о том, когда и кому был возвращен одобренный к печати экземпляр (см.: РГИА, ф. 777, оп. 27, ед. хр. 197, л. 44об. – 45; за эту справку благодарю Ольгу Макаревич).

¹⁷ Опубликовано под заглавием «Отрывок из Элегии» с пометой «Начала сей пизсы не отыскано» и первой строкой точек (Батюшков 1834: 75); данная публикация остается единственным источником текста этого стихотворения, поскольку рукописные источники не разысканы (в последних изданиях печатается под заглавием «Элизий»).

¹⁸ Анонимный рецензент «Библиотеки для чтения» в кратком отклике на выход книги специально отметил это: «Новое издание творений умного и столь справедливо любимого писателя, отлично красивое и достойное имени автора. Оно сверх того умножено его Антологиею, которая некогда была напечатана для друзей, в числе только пятидесяти экземпляров» (Библиотека для чтения. 1834. Т. 5. № 8. Отд. VI. С. 1).

на философии и религии» и «О лучших свойствах сердца», а также добавлен раздел «Письма и отрывки» (т. е. отрывки из писем). Здесь было помещено восемь писем; семь из них были напечатаны ранее, а одно публиковалось впервые. Нет сомнений, что редактор книги получил его из рук адресата, и что тот, следовательно, прекрасно знал о готовящемся издании.

Этот человек некогда был одним из ближайших друзей Батюшкова, а по выходе «Опытов» написал на них восторженную рецензию. Поэт посвятил ему лестное послание, а его труды неоднократно упоминал, сопровождая самыми высокими оценками. К 1833 году он стал влиятельным и могущественным сановником, управляющим Министерством народного просвещения, а затем и министром. Мы вправе предположить, что именно он мог вспомнить своего старого друга, столь рано и столь трагически покинувшего литературу, и выступить с идеей достойно издать его литературное наследие. Этим человеком был Сергей Семенович Уваров.

Конечно, инициаторами издания могли выступить и другие сочувственники Батюшкова: в 1833 году в Петербурге находились, в частности, Д. Н. Блудов и А. И. Тургенев, осенью из заграничного путешествия вернулся В. А. Жуковский. Но никаких следов их участия в издании 1834 года нет, хотя каждый из них располагал рукописными материалами Батюшкова, которые несомненно украсили бы его собрание сочинений¹⁹, а также мог указать на анонимные и псевдонимные публикации поэта в журналах 1800–1810-х годов. Отбор для нового издания опубликованных до 1821 года текстов удивляет: оно было дополнено лишь публикациями из «Вестника Европы» за 1810 год и «Драматического вестника»²⁰, хотя

¹⁹ Укажем, в частности, что у Блудова находилась тетрадь авторизованных копий сочинений Батюшкова, отразивших последние авторские изменения текста, а у Жуковского – экземпляр «Опытов» со значительной авторской правкой. Списками стихотворений Батюшкова (а в том числе и неопубликованных) располагал и Тургенев.

²⁰ Подавляющее большинство материалов в «Драматическом вестнике» публиковалось без подписей авторов или переводчиков, и на авторство Батюшкова мог указать только очень осведомленный человек. Фактически это был журнал, издававшийся кругом А. Н. Оленина (редактор – А. А. Шаховской), к которому в то время был близок Уваров. Это еще один аргумент в пользу того, что он имел отношение к

Батюшков публиковался и в «Цветнике», и в «Северном вестнике», и в «Журнале российской словесности», и в «Сыне отечества». К началу 1830-х годов отношения Уварова с Блудовым, Тургеневым и Жуковским были уже далеко не дружескими, и они вполне могли устраниваться от участия в предпринятом им издании.

Сам Уваров, разумеется, не мог осуществлять редакционно-техническую работу по изданию, у него должен был быть помощник. А поскольку «Сочинения в стихах и прозе» были подготовлены на самом высоком для того времени уровне, то стоит думать, что этот человек был не новичком в книжном деле и обладал как вкусом к изданию книг, так и необходимыми профессиональными навыками. Всеми этими качествами в полной мере обладал непосредственный подчиненный Уварова (более того – его протеже), профессор Санкт-Петербургского университета Петр Александрович Плетнев.

Уже в 1820-е годы Плетнев приобрел в пушкинском кругу славу внимательного и добросовестного издателя. Он подготовил к печати сочинения В. Л. Пушкина (1822) и В. А. Жуковского (1824), которые с технической стороны получали самые положительные оценки современников²¹, а позднее стал издателем книг Пушкина и одним из ближайших к нему лиц. К тому же Плетнев был горячим поклонником поэзии Батюшкова и в своих статьях 1820-х годов посвятил ему немало восторженных строк.

Как упомянуто выше, впервые на смысловую близость некоторых помет Пушкина к плетневскому разбору «Умиравшего Тасса» Батюшкова обратила внимание Р. М. Горохова. Исследовательница также указала на перекличку пометы Пушкина «звуки италианские! Что за чудотворец этот Батюшков» с фразой из статьи Плетнева «Письмо к графине С. И. С. о русских поэтах» (1825): «Игривость Парни и задумчивость Мильвуа, выражаемые какими-то *Италианскими* звуками, дают только понятие об искусстве Батюшкова» (Плетнев 1825: 38); известно, что в январе 1825 года в Михайловском Пушкин внимательно прочел эту статью и высказал

изданию 1834 года (о «Драматическом вестнике» см.: Сводный каталог 2000: 76–77, там же указана основная литература вопроса).

²¹ См., например: Русский инвалид. 1823. № 39. 16 февр.

критические суждения в недошедшем до нас письме к ее автору (см.: Вацуро 1987: 4–7). «Трудно сказать, – писала Горохова, – было ли это случайным совпадением оценок или Пушкин как бы воспользовался определением Плетнева. Менее вероятно, что Плетнев опирался на слова Пушкина» (Горохова 1979: 38). Мнение Гороховой оспорил Проскурин; по его мнению, Плетневу стала известна формула Пушкина и он повторил ее в статье, таким образом позиционируя себя как пушкинский единомышленник. На вопрос, каким путем петербуржец Плетнев мог узнать о содержании помет на книге одессита Пушкина, Проскурин предпочитает не отвечать: «Трудно сказать, воспроизвел ли их сам Пушкин в каком-нибудь из писем Плетневу (они сохранились далеко не полностью) или Плетнев узнал их каким-то иным путем» (Проскурин 2003: 266).

Между тем, среди пушкинских помет есть одна, прямо полемизирующая с суждением Плетнева. Разбирая «Умиравшего Тасса», Плетнев цитирует его монолог и затем высказывает следующее суждение: «Поэтическое повествование, не отступая от исторического, должно иметь свой характер, свои красоты, свою цель» (Плетнев 1823: 219)²². Пушкин одну строку из этого же фрагмента элегии отмечает крестиком и рядом записывает: «Добродушие историческое, но не поэтическое» (284).

Если сравнивать пушкинские пометы с другими высказываниями Плетнева о Батюшкове, то нельзя отделаться от впечатления, что Пушкин спорит с ними, корректируя оценки, используя при этом его же лексику. Плетнев пишет о русском языке: «Ему вредят, его обезображивают неправильные усечения слов <...>. До времен Жуковского и Батюшкова все наши стихотворцы <...> подвержены были сему пороку...» (Плетнев 1822: 308). Пушкин находит у Батюшкова стихотворение с усечениями и не соглашается со своим младшим другом: «Стихи замечательные по счастливым усечениям – мы слишком остерегаемся от усечений, придающих иногда много живости

²² Ср. другое суждение Плетнева: «...поэзия имеет свои виды, отличные от истории. Поэт не смеет только переменять то, что составляет сущность исторического лица, т. е. его характер. Но частности жизни всегда в его распоряжении» (Плетнев 1885: 143; из статьи «Орлеанская Дева» Шиллера в переводе Жуковского», 1824).

стихам» (261). «Состав его пьес всегда бывает обдуман строго; ход их ясен и свободен» (Плетнев 1822: 314), – утверждает Плетнев; Пушкин не соглашается, указывая на композиционные недостатки ряда стихотворений («Конец прекрасен. Но плана никакого нет, цели не видно – всё вообще холодно, растянуто, ничего не доказывает и пр.» – 283), а у «Перехода через Рейн» отмечает: «Лучшее стихотворение поэта – сильнейшее, и более всех обдуманное –» (283). Плетнев пишет, что Батюшков в стихах своих исполнен «движения, силы и ясности (главных достоинств стихотворного слога, по его же словам)» (Плетнев 1822а: 24); Пушкин находит эти стихи: «Сильное, полное и блистательное стихотворение» (268), «Сильные стихи» (273) и уже цитированное выше «Лучшее стихотворение поэта – сильнейшее, и более всех обдуманное –» (283). «Но сколько прелести во всей этой картине!» – пишет Плетнев о стихотворении «Мой гений» (Плетнев 1825: 39); Пушкин снижает пафос своего товарища: «Прелесть кроме первых 4» (262). «У него каждый стих дышит чувством», – восторгается Плетнев (Плетнев 1825: 38); «Есть чувство» (263) – охлаждает Пушкин, находя его только в одном стихотворении, «В день рождения Н.».

Все вышесказанное наводит на мысль, что пометы Пушкина предназначались для Плетнева, который приступил к подготовке нового издания сочинений Батюшкова и обратился к Пушкину с просьбой помочь ему в этой работе, высказать свои суждения о составе будущего сборника, отметить неудачные стихи и сократить длинноты. И Пушкин выполнил эту просьбу, буквально следуя своим же словам, с которыми некогда обращался к Плетневу же, готовившему его первый стихотворный сборник: «Только не подражайте изданию Батюшкова – исключайте, марайте с плеча» (Пушкин 1937: 153). Это предположение позволяет, на наш взгляд, наиболее удовлетворительно объяснить смысл появления всех без исключения помет, которые нанес на свой экземпляр Пушкин. Тут мы видим и правку заведомо неудачных, по мнению поэта, мест, и мотивированные рекомендации по редакции или исключению того или иного стихотворения, и историко-литературные заметки, которые Пушкин делал скорее всего потому, что видел в Плетневе

будущего биографа Батюшкова и хотел снабдить его материалом. Именно практическими редакторскими нуждами объясняется и появление на нахзаце «Опытов» батюшковской элегии с разночтениями по сравнению с первой публикацией: Пушкин немного поправил текст, который несомненно был известен Плетневу, и указал на свои поправки. Этот же характер имеют и пометы на оглавлении «Опытов»: как нам кажется, кружочками Пушкин отметил те стихотворения, которые предлагал исключить сразу, без обсуждения. Переключки же и скрытая полемика со статьями Плетнева о Батюшкове свидетельствуют о том, что перед работой Пушкин освежил их в памяти.

Среди помет есть одна, которая, как кажется, дает *terminus ante quem*: «Я не видал элегии, давшей Б<атюшко>ву повод к своему стихотворению, но сравните *Сетования Тасса* поэта Байрона с сим тощим произведением» (283). Здесь речь идет о байроновской поэме “The Lament of Tasso” (1817), знакомство Пушкина с которой отразилось, в частности, в стихотворении «Труд» (1830)²³. Обратим внимание на необычный перевод первого слова названия поэмы: поэт употребил нечастое для своего словаря слово «сетование» вместо напрашивающихся «жалоб» – именно так название этой поэмы закрепилось впоследствии в русском книгоиздании. Однако именно под заглавием «Сетование Тасса» поэма была впервые переведена на русский язык В. Трубниковым: в журнале «Славянин» в 1827 году был опубликован фрагмент (Славянин 1827), а в 1833 году в «Литературных прибавлениях к “Русскому инвалиду”» появился полный перевод (ЛПРИ 1833). Если интерес Пушкина к первому изданию неочевиден, то второе он несомненно читал и на перевод байроновской поэмы не мог не обратить внимание. Разумеется, поэтические достоинства перевода Трубникова были невысоки, к тому же Пушкин был знаком с поэмой и ранее. Однако мы не сомневаемся, что нанося помету, он неосознанно или сознательно воспроизвел заглавие уже опубликованного русского перевода. Отметим также, что в том же 1833 году Пушкин употребил то же ироническое опре-

²³ Об этом см.: Пушкин 2016: 229–232 (примеч. А. С. Бодровой).

Эта жемчужина кончено нити
 своей чаббе — и не видать
 жемчуга, давшей бы полагать
 из своего совершенства, но
 сравнить Сотоманис
Мама поэта Байрана

УМИРАЮЩІЙ ТАССЪ,

ЭЛЕГІЯ.

Ов еминъ поэзіи прини
 веденіи. Тассъ — бини
 лоботою и велии согра-
 товни, а жите, крои
 славободіи и доброты
 нис (см. зами). негн
 не видю. Это умирающіи
 К. А. — а не то рхвато

*

Страница экземпляра «Опытов в стихах и прозе» К. Н. Батюшкова, принадлежавшего Л. Н. Майкову.

деление «поэт Байрон» в черновиках поэмы «Езерский» (Пушкин 1948: 417)²⁴.

Если же наша гипотеза имеет право на существование, то остается ответить на вопрос, почему пушкинские замечания остались неучтенными в издании 1834 года? Возможно, дело было в разнице взглядов на творчество Батюшкова: для литератора Пушкина это был живой собеседник, волею судеб не успевший тщательно подготовить к печати собрание своих сочинений; Плетнев же, вероятно, смотрел на наследие впавшего в безумие поэта как филолог, стараясь представить его публике с дипломатической точностью: для него это был уже «литературный памятник». Не исключено также, что в редакционный процесс мог вмешаться и Уваров, отношения которого с Пушкиным с весны 1834 года стали едва ли не враждебными. До открытия каких-либо документальных свидетельств обо всем этом можно только гадать. Но в любом случае мы уверены в том, что на экземпляре второй части «Опытов в стихах и прозе» Батюшкова оставил свои пометы не Пушкин-полемист, а Пушкин-редактор.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бабанов И. Е. 1979. «Покровенная голова Агамемнона». – Русская литература. № 4. С. 169–172.
- Батюшков К. Н. 1817. Опыты в стихах и прозе Константина Батюшкова. Часть II: Стихи. СПб.: В типографии Н. Греча.
- Батюшков К. Н. 1834. Сочинения в прозе и стихах Константина Батюшкова. Изд. 2-е. Ч. 2. СПб.: В типографии И. Глазунова.
- Вацуρο В. Э. 1987. «Опыт прямодушия»: Из истории литературно-критических воззрений Пушкина. – Литературное обозрение. № 2. С. 4–7.
- Вацуро В. Э. 1994. Последняя элегия Батюшкова: К истории текста. – Вацуро В. Э. Записки комментатора. СПб.: Академический проект. С. 150–166.
- Зубков Н. Н. 1987. Опыты на пути к славе. – Зорин А. Л., Зубков Н. Н., Немзер А. С. «Свой подвиг свершив...». М.: Книга.

²⁴ За это указание благодарю И. А. Пильщикова.

- Горохова Р. М. 1979. Пушкин и элегия К. Н. Батюшкова «Умиравший Тасс»: (К вопросу о заметках Пушкина на полях «Опытов» Батюшкова). – Временник Пушкинской комиссии. 1976. Л.: Наука. С. 24–45.
- Комарович В. Л. 1934. Пометки Пушкина в «Опытах» Батюшкова. – Литературное наследство. Т. 16–18. М.: Журнально-газетное объединение. С. 885–904.
- Кошелев В. А. 1995. В предчувствии Пушкина: К. Н. Батюшков в русской словесности начала XIX века. Псков: Издательство Псковского областного института усовершенствования учителей.
- Кошелев В. А. 2005. О феномене намеренной «дубиальности». – *Tusculum Slavicum: Festschrift für Peter Thiergen*. Zürich: Pano. S. 87–95.
- ЛПРИ 1833. Трубников В. Сетование Тасса: Поэма Лорда Байрона. (Посвящено В-ре Н-вне Фон-Дервиз). – Литературные прибавления к «Русскому инвалиду». 1833. № 52. 1 июля. С. 411–416.
- Майков Л. 1894. Пушкин о Батюшкове. – Русский архив. № 4. С. 528–555.
- Майков Л. Н. 1895. Историко-литературные очерки. СПб.: Издание Л. Ф. Пантелеева. С. 190–222.
- Майков Л. Н. 1899. Пушкин: Биографические материалы и историко-литературные очерки. СПб.: Издание Л. Ф. Пантелеева. С. 284–317.
- Пильщиков И. 2013. «Есть наслаждение и в дикости лесов...» К. Батюшкова (предыстория и эдиционная судьба). – Хрестоматийные тексты: Русская педагогическая практика XIX в. и поэтический канон. Тарту: University of Tartu Press. С. 106–124. (Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. [Вып.] IX).
- Плетнев П. А. 1822. [Из «Общей характеристики русских поэтов»]. – [Греч Н. И.] Опыт краткой истории русской литературы. СПб.: В типографии Н. И. Греча. С. 307–314.
- Плетнев П. А. 1822а. Антологические стихотворения «Муза» и «К уединенной красавице». – Труды высочайше утвержденного Вольного общества любителей российской словесности. Ч. 19. С. 17–32.
- Плетнев П. А. 1823. Разбор элегии Батюшкова «Умиравший Тасс». – Журнал изящных искусств. № 3. С. 210–227.
- Плетнев П. А. 1825. Письмо к графине С. И. С. о русских поэтах. – Северные цветы на 1825 год, собранные бароном Дельвигом. СПб.: Изд. И. Слëниным, [1824]. С. 3–80.
- Плетнев П. А. 1885. Сочинения и переписка / Изд. Я. Грот. Т. 1. СПб.: Типография Императорской Академии Наук.

- Проскурин О. А. 2003. Пометы Пушкина на полях «Опытов в стихах» Батюшкова: Датировка, функция, роль в литературной эволюции. – Новое литературное обозрение. № 6 (64). С. 251–283.
- Пушкин А. С. 1937. Полн. собр. соч. Т. 13: Переписка. 1815–1827. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР.
- Пушкин А. С. 1948. Полн. собр. соч. Т. 5: Поэмы. 1825–1833. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР.
- Пушкин А. С. 1949. Полн. собр. соч. Т. 12: Критика. Автобиография. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР.
- Пушкин А. С. 2016. Соч.: Комментированное издание / Под. общ. ред. Д. М. Бетэа. Вып. 3: Стихотворения: Из «Северных цветов» 1832 года. М.: Новое издательство.
- Рукописи Пушкина 1937. Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме: Научное описание / Сост. Л. Б. Модзалевский и Б. В. Томашевский. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР.
- Рукою Пушкина 1997. Рукою Пушкина: Выписки и записи разного содержания. Официальные документы / Отв. ред. Я. Л. Левкович, С. А. Фомичев. Изд. 2-е, переработанное. М.: Воскресенье.
- Сандомирская Б. В. 1974. К вопросу о датировке помет Пушкина во второй части «Опытов» Батюшкова. – Временник Пушкинской комиссии. 1972. Л.: Наука. С. 16–35.
- Сводный каталог 2000. Сводный каталог сериальный изданий России (1801–1825). Т. 2: Журналы (Г–Ж). СПб.: Издательство РНБ.
- Семенко И. М. 1977. Батюшков и его «Опыты». – Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе / Изд. подготовила И. М. Семенко. М.: Наука. С. 433–492. («Литературные памятники»).
- Славянин 1827. Трубников В. Отрывок из поэмы лорда Байрона: *Сетование Тасса*. (Посвящается М. П. Т.). – Славянин. 1827. Ч. 2. Кн. 26. С. 468–473.
- Томашевский Б. В. 1948. Список основных изданий сочинений Батюшкова. – Батюшков К. Н. Стихотворения / Вступительная ст., ред. и примечания Б. В. Томашевского. Л.: Советский писатель. С. 335–338. («Библиотека поэта». Малая серия. 2-е изд.).
- Харджиев Н. И. 1992. «Есть наслаждение и в дикости лесов...» – Литературная газета. 23 сент. № 39 (5416). С. 6.

МУСКУС И КАМФОРА. «ОТЪ МЕНЯ ВЕЧОРЪ ЛЕИЛА» ПУШКИНА: СТРУКТУРА ТЕКСТА И ПОЭТИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ

Ф. Н. Двинятин

(С.-Петербург)

Отъ меня вечоръ Леила
Равнодушно уходила.
Я сказалъ: постой! куда?
А она мнѣ возразила:
Голова твоя сѣда.
Я насмѣшницѣ нескромной
Отвѣчалъ: всему пора!
То, что было мускусь темной,
Стало нынче камфора.
Но Леила неудачнымъ
Посмѣялася рѣчамъ
И сказала: знаешь самъ,
Сладокъ мускусь новобрачнымъ,
Камфора годна гробамъ.

(Пушкинъ 1841: 155;

ср. Пушкин 1948: 440)

Стихотворение написано в 1836 году (или в самом конце 1835), и, как известно с 1936 года, восходит к французской книге Жозефа Агуба. Посвятивший специальное исследование стихотворению и его соотношению с оригиналом М. В. Строганов пишет:

Стихотворение «От меня вечоръ Леила» является довольно точным (как это обычно у Пушкина) переложением-переводом одной из арабских песенок Агуба (1795–1832), довольно известного французского ученого-ориенталиста, переводчика и оригинального поэта. Араб по происхождению, Агуб частью сочинил эти песни сам, частью заимствовал из арабского фольклора и

перевел на французский язык, как было принято у французов, прозой. Сам он отнес эти произведения к жанру устной арабской поэзии мауал (maouale) и характеризовал его следующим образом: «Существует среди прочих у арабов песнь, мало знакомая в Европе, которая имеет одновременно и эротический, и элегический характер, то приближаясь к французскому романсу, то приобретая анакреонтическую окраску. Эта песнь называется мауал, и происхождение ее относится к временам Бармесидов. Она обычно написана народным языком и состоит только из одной строфы. Несмотря на маленький объем (развитие сюжета здесь кажется невозможным), арабские мауалы имеют вполне законченный смысл: это маленькие картины, набросанные часто небрежно, но в них дышит вся наивность примитивной поэзии. Воспоминание, жалоба, послание, желание, иногда простая мысль достаточны для сюжета мауала. Исполняемая арабами в сопровождении медленной и выразительной мелодии, она способна передать очарование красивого голоса, самые патетические и самые нежные оттенки которого она использует». В том же предисловии, где Агуб так характеризует жанр песни, к которому он обращается, указывается также и на сходство этого жанра с анакреонтической поэзией, весьма существенное для автора и ставшее существенным и для Пушкина.

Интересующая нас песня помещена под номером VI, но для нашего анализа необходимо привести и предшествующую ей песню V (даем перевод, стараясь быть максимально близкими к подлиннику):

V

О погонщик, который гонит перед собой этих проворных верблюдов! Если ты проведешь эту ночь возле обители Леилы, передай ей мои нежные сожаления и скажи ей особо на том безмолвном языке, которым скорбь наделяет наши глаза, скажи ей: «Не бойся, о Леила, что наши судьбы близятся к концу и что время кончится для нас прежде, чем одна ночь счастья соединит тебя с твоим другом».

VI

Она приподнялась. «Останься», – я говорю ей. Она отвечает: «У тебя появилась седина». – «Увы! – воскликнул я. – Это случилось не сегодня, что камфора была прежде мускусом». – «Ты верно говоришь, – возразила мне она. – Но видно, ты не знаешь, что мускус служит для праздников Гименея, меж тем как камфора хороша лишь для погребения» (Строганов 1995: 170).

К важным замечаниям Строганова об имени *Леила* и о связи разбираемого стихотворения с анакреонтической традицией еще предстоит вернуться.

Французский оригинал:

Elle se levait: Assieds-toi, lui dis-je; elle répond: Les cheveux blancs ont paru. – Hélas! m'écriai-je, ce qui n'est aujourd'hui que du camphre était autrefois du musc. – Tu dis vrai, me répliqua-t-elle, mais ce que tu parais ignorer, c'est que le musc sert aux fêtes de l'hyménée, tandis que le camphre n'est bon que pour les sépultures (Agoub 1835: 15–16).

В средоточии предлагаемого разбора этого стихотворения – слова и ключевые концепты *мускус* и *камфора*. Они входят в богатое лексическое и концептуальное поле *благовония*, которое рассматривается тут почти исключительно в аспекте филологического, а не историко-ольфакторного анализа. Причем речь в данном случае идет – что не всегда осознается читателями и комментаторами стихотворения – об особой, «маркированной» связке двух благовоний и, возможно, о некоем поворотном моменте в освоении этой связки всей русской поэтической традицией.

Позиции, занимаемые в стихотворении ключевыми словами *мускус* и *камфора*, неразрывно связаны со всей поэтической структурой текста, и поэтому их рассмотрение должно быть предварительно хотя бы самым кратким описанием этой структуры (среди образцовых разборов пушкинских стихотворений – Белый 1910: 396–428; Бобров 1918: 188–209; Щерба 1923: 13–56; Жирмунский 1977: 39–45; Пумпянский 2000: 197–209; Якобсон 1987: 181–197; Лотман 1972: 144–168; Гаспаров 1997: 9–20; 58–65, 88–99; Жолковский 2005: 46–49; 526–527 и др.).

Перед нами текст нарративный и в значительной степени диалогический (можно было бы сказать, что лирическое, эпическое и драматическое начала представлены в нем чуть ли не в равной степени). Повествователь / лирический субъект рассказывает о своем диалоге с женщиной (предположительно и даже вероятно молодой, предположительно и даже вероятно своей недавней возлюбленной), в прошедшем времени, мотивированном двояко, как рассказ о событиях вчерашнего дня и собственно как нарративное прошедшее, в то время как реплики оформлены преимущественно в презенсе, к которому примыкает императив (а ретроспективная реплика героя с глаголами в прошедшем времени *было* – по смыслу это плюсквам-перфект – и *стало* укоренена в диалогическом настоящем деиктическим наречием времени *нынче*). Четыре реплики (по две) героя и героини занимают почти половину (несколько меньше) объема текста.

Стихотворение написано четырехстопным хореем. Графические строфы не выделены, но рифмовка и семантико-синтаксическое членение позволяют говорить о делении текста на три строфоида по модели 5+4+5: AAbAbCdCdEffEf. В двух строках (3 и 8) представлена полноударная (I) форма X4, в пяти II (1, 5, 7, 12, 14), в трех IV (6, 9, 13), в четырех VI (2, 4, 10, 11). Ударность первого икта ~36%, второго 100%, третьего – 50%.

М. Л. Гаспаров, подробно разобравший семантические окраски пушкинского X4, помещает это стихотворение в такой контекст:

Начиная с 1828–1829 гг. эпические произведения все больше теснят лирику в 4-стопном хорее и все более отчетливо несут национальную, т. е. экзотическую (для нейтральной традиции легкой поэзии) окраску, порой перекидываясь ею и в лирику. Таких национальных колоритов – не считая основного, русского, – можно различить пять.

Первый – восточный: первая проба – в лирике «Вертоград моей сестры...» (1825, ср. восточный фон в «Талисмане», 1827); кульминация – в «Делибаше» и, в скрещении с русским колоритом, в «Доне» («...пьют уже донские кони Арпачайскую струю») и в «Был и я среди донцов...»; поздний отголосок, в скрещении с античным

колоритом, в «Подражании арабскому» («Отрок милый, отрок нежный...») и в «От меня вечер Леила...» Восточные стилизации в русской поэзии не имели метрических предпочтений; у Пушкина они подсказаны античной и русской народной традицией. Как известно, поэма о Тазите тоже первоначально была начата 4-стопным хореем. Заметим, однако, что в «Подражаниях Корану», где Восток у Пушкина предстает в наиболее чистом виде – без вина, без любви, без античных и русских ассоциаций – поэт ни разу не пользуется 4-стопным хореем (Гаспаров 1990: 9; ср.: Гаспаров 1999: 199–200).

К особо важному для данного разбора сопоставлению с «Вертоградом...» еще предстоит вернуться.

В вокалической решетке стихотворения 40 ударных гласных (если считать все ударения знаменательных слов, стоящих на иктах, включая односложные). В них ожидалось бы, таким образом, исходя из средней пропорции, приблизительно 12 А, по 8 О, Э и И/Ы, а также 4 У. На самом деле эти соотношения смещены: в тексте 24 ударных А, 5 О, 6 И/Ы, 4 У и только 1 Э. Таким образом, доля А увеличена вдвое, до 60% всех ударных гласных текста – главным образом, за счет уменьшения доли Э (сведенной почти к нулю) и отчасти О. В последней строфе доля А особенно велика: 11 из 13 (кроме А, только одно И и одно У). Любопытно также распределение ударного А по позициям в строке: в первых ударных слогах всех строк А занимают 11 позиций из 14, в последних – 9 из 14, а в средних – только 4 из 12. Это положение, в частности, эмблематизируется употреблением противопоставленных символов *камфора* и *мускус*: в то время как *камфора* с ее ударным А один раз начинает строку и один раз ее оканчивает, *мускус* с его ударным У оба раза упоминается в середине строки (в двух последних строках это начальное положение *камфоры* и срединное *мускуса* нейтрализовано тем, что ударные гласные обоих слов падают на один и тот же второй икт, что возможно благодаря конечному ударению в трехсложном *камфора* и начальному в *мускус*). Противопоставление А и гласных верхнего ряда, У и И, поддерживает на звуковом уровне два ведущих смысловых противопоставления текста: во-первых,

мускус (ударное У) – *камфора* (ударное А), во-вторых, *Леила* (ударное И) – *я* (формы *я* bis, *меня* – ударное А): отнесенный к одному полюсу комплекс *я / камфора* символизируется одним и тем же А. Консонантные повторы, которые могут быть такими яркими и завораживающими в других текстах А. С. Пушкина (ср.: Брик 1919; Брюсов 1923: 48–62; Иванов 1930: 94–105; Гербстман 1964: 178–192; многочисленные разрозненные замечания Набокова и мн. др.), здесь, кажется, почти не представлены; ср., однако, *НаСМешНицъ НеСкроМНой* и, может быть, *каМфоРа Годна ГРобаМ*. Что же касается семантизации отдельных звуков, то, возможно, стоит обратить внимание на Л, которое, за исключением двух случаев, встречается в тексте либо в имени героини, где представлено дважды, либо в качестве показателя прошедшего времени.

Актуализирована в тексте и «грамматика поэзии» (Якобсон 1983: 462–482). Стихотворение довольно глагольное. Доля глагольных форм в нем в слоговом исчислении составляет приблизительно 27,6% (29 из 105 слогов). Из 100 русских стихотворений, обчисленных по этому показателю в специальной работе (предварительная публикация: Двинятин 2013: 232–234) – от Ломоносова до Бродского, кратких и пространных, медитативных и нарративных – бóльшая доля глагольности зафиксирована только в 10, а меньшая, соответственно, – в 90. В то же время превышение средней доли глагольности не слишком значительно: на 30%, если отсчитывать от усредненной доли глаголов по ста стихотворениям. Увеличенная доля глаголов «вытесняет» из текста не субстантивные слова (собственно имена существительные и субстантивные местоимения) и не адъективно-адвербиальные слова (собственно имена прилагательные, непредикативные причастия, адъективные местоимения и наречия), доли которых довольно точно соответствуют средним, а служебные части речи. Доля слоговых предлогов, союзов, частиц, междометий в среднем бывает равна 9–10%, а в анализируемом стихотворении она равна 3,8%: три соединительных (или присоединительных) союза *а*, *но*, *и* и предлог *отъ*.

Из граммем имени (и местоимения), безусловно, обращает на себя внимание дательный падеж. Преобладающим в тексте

формам именительного падежа в области косвенных падежей противопоставлено всего 7 употреблений; одно из них – предложный родительный *от меня*, а остальные 6 – беспредложные дательные (*мнѣ, насмѣшницѣ, всему, неудачнымъ... рѣчамъ, новобрачнымъ, гробамъ*). Таким образом, рассматриваемое стихотворение – редкий пример «дативного» текста; в нем нет прямых дополнений (а также несогласованных определений и предложно-падежных обстоятельств), зато богато представлены дополнения косвенные. Если же учесть, что дательный – самый редкий падеж русской речи (~5%), то роль его в этом тексте предстанет еще более значимой.

В подсистеме глагола преобладает прошедшее время. На один случай диалогического настоящего (*знаешь*) и один случай такого же речевого, диалогического императива (*постой*) приходится 8-элементная серия нарративных претеритов: *уходила – сказала – возразила – отвѣчалъ – было – стало – посмѣялася – сказала*. Дательный падеж имени и местоимения и прошедшее время глагола, две самых выделенных и серийных граммемы текста, трижды объединяются в тесные связки: *мнѣ возразила, насмѣшницѣ отвѣчалъ, неудачнымъ посмѣялася рѣчамъ* – по одному разу в каждой из трех строф, и каждый раз предваряя одну из трех реплик (в первых двух случаях – модель «адресат речи + глагол речи», в третьем – она же, ослабленная в каждом из двух элементов).

Более напряженным оказывается в структуре стихотворения противопоставление глаголов по виду. В каждой из трех строф есть глаголы как совершенного, так и несовершенного вида. Если форма *уходила* представляет собой довольно обычную имперфективную экспозицию нарратива, то несовершенный вид в *отвѣчалъ*, по-видимому, отнюдь не стоит понимать как замедление темпа или переход на более близкую к ситуации точку зрения. По данным «Словаря языка Пушкина», у Пушкина всего 7 форм глагола *отвѣтить*, включая 5 в будущем времени (в котором *отвѣчу* существенно отличается от *буду отвѣчать*), и только 1 в прошедшем (и то – в выпущенной главе «Капитанской дочки»); при этом у него 642 формы глагола *отвѣчать* (СЯП III: 201–202). Можно сказать, что в качестве глагола речи в ремарке реплики Пушкин

знает только *отвѣчалъ*. Такое распределение характерно и для других авторов пушкинской эпохи. На 100 случаев *отвѣчалъ* и подобных во «Фрегате Надежде», «Аммалат-Беке» и «Лейтенанте Белозоре» А. А. Бестужева-Марлинского приходится только одно *отвѣтилъ бы*; на приблизительно 320 случаев *отвѣчалъ* в «Юрии Милославском» и «Рославлеве» М. Н. Загоскина – ни одного *отвѣтилъ* (встречающиеся в современных переизданиях «Рославлева» 3 или 4 формы *ответил* – все результат ошибки); на более 200 форм *отвѣчалъ* в «Ледяном доме» и «Басурмане» И. А. Лажечникова – ни одной *отвѣтилъ*; по данным «Лермонтовской энциклопедии», у Лермонтова 11 *отвѣтитъ* и 335 *отвѣчать*; в «Семейной хронике» и «Детских годах Багрова-внука» С. Т. Аксакова ни одной формы *отвѣтилъ* и т. д. Формы типа *отвѣтилъ* начинают периодически встречаться в текстах на рубеже 1850–1860-х годов, и, например, у Ф. М. Достоевского уже при переходе от «Преступления и наказания» (1866) к «Идиоту» (1868) выходят на первое место (тогда как И. А. Гончаров, И. С. Тургенев и Л. Н. Толстой упорно сохраняют верность формам типа *отвѣчалъ*). Первый большой текст, в котором удалось зафиксировать преобладание форм типа *отвѣтилъ* над формами типа *отвѣчалъ* – «Петербургские трущобы» В. В. Крестовского (1864–66).

Лексический состав текста можно представить как поляризованный и распределенный между полюсами местоимений (*меня, я bis, она, мнѣ, твоя, всему, то, что, сам*) и имен (собственно имя *Леила* и имена веществ *мускус* и *камфора*, все дважды). К первому примыкает местоименное наречие *куда* и близкие слова с наиболее общими значениями (*пора, нынче; сказалъ, сказала; знаешь...*). Редких и уникальных слов почти нет (ср. суждение В. В. Виноградова: «Простота выражений и лаконическая быстрота смысловых переходов с предельной остротой обнаруживаются в стихотворении “От меня вечер Леила” (1835). Все в стиле этого стихотворения, кроме образов мускуса и камфоры, целиком складывается из выражений и слов живой разговорной речи. Но новая и неожиданная комбинация их порождает глубокие и экспрессивно-насыщенные лирические образы». – Виноградов 1941: 266–267). *Вечер* довольно характерно

для Пушкина: по данным «Словаря языка Пушкина», встречается 24 раза, в том числе 15 – в стихотворных произведениях (СЯП I: 254). *Мускус* и *камфора* за пределами этого стихотворения (то есть фактически до него, ибо оно само относится к самому последнему периоду жизни и творчества поэта) не упоминаются у Пушкина ни разу (СЯП II: 309; 675).

Лексический повтор играет своеобразную, не всегда для него характерную роль выделения и суммации фабулы: из повторяющихся слов можно собрать своего рода сжатый пересказ текста: *я сказалъ: Леила, мускусъ... камфора... Леила сказала мнѣ... [про] меня: мускус... камфора...* (если учитывать корневой повтор, в первую половину можно добавить *насмѣшницѣ*, а во вторую – *посмѣялася*). Среди лексико-семантических полей могут быть выделены «время», «речь», «эмоции», но каждое из них охватывает сравнительно небольшое количество слов.

Смысловым фокусом стихотворения, его символическим и семантическим средоточием оказывается противопоставление *мускуса* и *камфоры*. Они упоминаются по два раза, каждый раз в связке-антитезе, в контраверзных репликах героев. Рассказчик упоминает их как символы противопоставленных цветов, черного и белого. Оба эти цвета, однако, не называются в тексте напрямую, заменяясь затемняющими и смягчающими противопоставление полу-синонимами: упоминание *камфоры* предваряет и подготавливает атрибут *стыда*, а *мускус* назван *темной*. *Насмѣшница* героиня в своем возражении подменяет символику: *мускус* и *камфора* характеризуются как благовония с традиционной сферой применения: *мускус* – эротической, *камфора* – погребальной. Два центральных символа противостоят друг другу метрически или композиционно (позиции внутри строк – по краям строк), акцентологически (начальное – конечное ударение), фонически (ударные У – А), грамматически (мужской – женский род).

Мускус и *камфора*, причем обычно именно в связке и противопоставлении – традиционные образы и символы исламской поэтической традиции. Именно в этом стихотворении Пушкин совершает интимный и значимый прорыв в область подлинных и узнаваемых

ресурсов восточной лирики и поэтического нарратива, и прежде всего – благодаря освоению парного символа, одного из ключевых, с обоими его основными значениями. На этот раз Пушкин в каком-то смысле брал из первых рук, от носителя традиции; усвоение облегчалось почти родным для него французским языком-посредником. Типичная для наших дней фигура француза арабского происхождения предстала Пушкину в лице Агуба еще в 1836 (1835?) году. С одной стороны, можно различить своеобразную иронию истории в том, что конкретным источником восприятия стала поздняя арабская традиция в ее почти низовых формах: ведь, казалось бы, «ближе» была Персия, с уже прославленными в Европе, упоминаемыми и перерабатываемыми Пушкиным Саади и Хафизом, дополнительно отмеченная обстоятельствами судьбы и гибели А. С. Грибоедова, к тому же актуализированная для Пушкина арзрумским путешествием. «Ближе» был и тюркский мир, знакомый Пушкину и по крымской поездке, с ее обильными откликами в его творчестве, и по турецким и отчасти тифлисским впечатлениям того же путешествия в Арзрум, и по уральским (башкирским) эпизодам пугачевского цикла. Всего треть века спустя в состав империи войдут среднеазиатские земли, и для русского читателя и литератора, особенно советской эпохи, главным исламским востоком станет мир Хивы, Бухары и Самарканда (ср. упоминание *бухарцев* в ЕО, 7, XXXVIII, 9), Тимура и Насреддина, тюркских и особенно персидских поэтов средневековья. С другой стороны, важно отметить, что эта, казалось бы, более «дальняя» арабская Африка как раз «своя» для Пушкина в плане его генеалогического мифа: русский африканец берет у французского араба.

Противопоставление *мускуса* и *камфоры* действительно характерно и значимо для поэзии исламского региона. Например, во взятой почти наугад (но не совсем) «Пятернице» Алишера Навои, написанной на насыщенном иранизмами чагатайском поэтическом тюрки («староузбекском»), оно встречается не менее 19 раз (подсчеты по текстам, приведенным на электронном ресурсе navoi.natlib.uz, дата обращения 20.12.2015; источник ресурса – 20-томное академическое издание Навои, Тошкент: Фан, 1987–2003):

4 раза в «Смятении праведных»: Ul yuz o'lub dahrg'a *kofurbez*, Ustida ul zulf bo'lub *mushkrez*. Oqu qaro uzra berib ishtihor, *Mushk* ila *kofurini* laylu nahor; Charxki dahr uzra edi *mushkrez*, Bo'ldi hamul *mushk* uza *kofurbez*; Tu'masi zulmat, vatani nur uza, *Mushk* sochib safhai *kofur* uza. 5 раз в «Фархаде и Ширин»: Tabiat septi chun *mushk* uzra *kofur*, Yana *kofur mushk* o'lmoq ne maqdurg'!; Jahong'a *mushk* sersa shomi dayjur, Qilib ravshan falakdek sham'i *kofur*; Kamand o'lmayki, ikki shomi dayjur, Aroda farq etib bir xatti *kofur*. Bo'lub me'jarda ul *mushki* siyahtob, Qaro shomiki yorqay oni mahtob; Chiqordi noma asbobini Shopur, Murakkab aylamakka *mushku kofur*; Sochidin bo'lsa yulmoq birla mahjur Ki, Chinda bo'lsa *mushk* o'rnida *kofur*. 3 раза в «Лейли и Меджнуне»: *Mushkum* bu xatoda bo'ldi *kofur Kofur* ila *mushkum* o'ldi benur; Gah quds uza ul choqin sochib nur, Tun *mushkiga* to'kar erdi *kofur*; Qey jonima qibla, qiblama nur, *Mushkung* bo'lub emgakimda *kofur*. 2 раза в «Семи планетах»: Subhi shanbaki, shomi dayjuriy, Yuziga hulla yopti *kofuriy*, Qasri *mushkinga* qo'ydi yuz Bahrom, Ichgali *mushkbo'* g'azol ila jom; Yuzi sajjoda uzra matlai nur, *Mushkining* charx aylabon *kofur*. 5 раз в «Стене Искандера»: Vale *mushk* uza abri *kofurbez*, Jahon uzra yakdast *kofurrez*; Yana sandalu ud xarvorlar, Hamul *mushku kofur* anborlar; Ketur soqiy, ul ko'zguni ro'baro'y Ki, *kofurtab'* o'lg'ayu *mushkbo'y*; Dabiri raqamsanji farxundaroy, Bu nav' o'ldi *kofur* uza *mushksoy*; Yuzung koj ila qilmasang *mushkrez*, Soching birla *mushk* uzra *kofurbez*. Это только прямые соположения мускуса и камфоры. В «белой» вставной истории в «Семи планетах» камфора упоминается не менее 27 раз. Часто *kofur* 'камфора' называется в тесной звуко-смысловой связке с *kafan* 'саван': *kafan aro kofur* и подобные.

Использование пары *мускус – камфора* в средневековой персидской поэзии восходит по крайней мере к первым ее классикам, Рудаки и Фирдоуси.

«Самовольно» беря из соседнего стихотворения Агуба и вставляя в это (где у Агуба героиня безымянна) имя Лейлы, Пушкин дополнительно усложняет – вольно или невольно – игру смыслов и противопоставлений, многократных уже в оригинале. Пушкин мог знать или не знать ночную, темную этимологию имени Лейла, но

смысловая структура текста явно восприимчива к введению этой дополнительной ночной семантики. Упоминание *мускуса* и *камфоры* как черного и белого часто используется для иносказательного противопоставления дня и ночи. Героиня с ночным именем отстаивает черный и ночной мускус как юный и эротический, обвиняя белую дневную камфору в седине и близости к смерти. Обычное соотношение «день – жизнь, ночь – смерть» заменяется обратным.

В принципе для Пушкина такие сдвиги характерны. Образец их, например – стихотворение «Виноград» (1824). В нем, например, «увядание», трактуемое отрицательно, хоть и не приурочено напрямую к весне (*увядших... с... весной*, скорее всего, означает ‘увядших тогда, когда весна прошла’), однако связывается, соотносится с ней, а осени сопоставлено положительное «созревание» (увядание и созревание имеют общую сему ‘поздняя часть цикла претерпеваемых изменений’). Более того, виноград, *отрада осени*, сравнивается с перстами *девы молодой*, и, благодаря этому, *молодая дева* сама соотнесена не с весной, а с осенью (при наличии устойчивой связки «молодость – весна»), и с виноградом, а не розами (при наличии связки «девушка – роза»). Таким образом, если семантическая структура текста, заданная важнейшими противопоставлениями, содержит оппозицию *весна – осень* (поддержанную оппозициями *розы – виноград*, *розы – виноград*, *жалеть – мил*, *увядшие – созревший*), то мотивное окружение, можно сказать, чуть ли не целиком посвящено разного рода корректировкам, смягчениям и инверсиям этой исходной модели: да, осень сменила весну, но, не говоря уже о том, что сам центральный образ стихотворения – это именно дар осени, виноград, но еще и: (а) весна связывается, хоть и косвенно, не с расцветом, а с увяданием; (б) противопоставляются не начало процесса и его итог, а два итога, увядание и созревание, и, конечно, в пользу осеннего созревания; (в) с молодостью и красотой соотнесена осень, а не весна (к анализу «Винограда» см.: Бобров 1918: 188–209; Мерлин 1995: 107–111).

Упомянутое М. Л. Гаспаровым другое пушкинское «восточное» стихотворение, написанное четырехстопным хореем – «Вертоград мой сестры...» – перекликается с рассматриваемым благодаря

упоминанию благовоний: *нардъ, алой и киннамонъ* (Пушкинъ 1829: 57). Очевидно и основное историко-культурное различие: *нардъ, алой и киннамонъ* – благовония библейские, а *мускусъ и камфора* – не-библейские. Если, разрабатывая сюжет «девушка пеняет на седину и старость героя», можно было опираться на совпадения с анакреонтикой, то в случае *мускуса и камфоры* опираться на буквальные совпадения с библейской традицией никак нельзя. Однако совпадения общего плана, несомненно, есть: короткие связки и чуть более пространные списки благовоний в библейской традиции включают наборы эротические и погребальные. Набор эротических благовоний с положительными коннотациями приводится как раз в тех стихах Песни песней, которые перефразирует Пушкин: *нард и шафран, аир и корица со всякими благовонными деревьями, мирра и алой со всякими лучшими ароматами* (Песн 4: 14), с отрицательными – в словах блудницы из Книги притч Соломоновых: *спальню мою надушила смирною, алоем и корицею* (Притч 7: 17). Главные гробовые благовония принесены для погребения Спасителя Никодимом: *состав из смирны и алая, литр около ста* (Иоан 19: 39). Уже из этих перечней видно, наборы и составы пересекаются и отчасти нейтрализуются: так, *мирра / смирна* и *алоз* упомянуты во всех трех очень разных случаях (если имеется в виду одно и то же *алоз*, что может оспариваться; обозначение, во всяком случае, одно и то же). Совпадения, разумеется, неполные: дары волхвов на Рождество включают *ладан / ливан и смирну / мирру*, но не *алоз*; погребальный состав Никодима – *смирну / мирру* и *алоз*, но не *ладан / ливан*, в благовониях женщины из Притч к *смирне / мирре* и *алоз* добавлена *корица / киннамон*, а Пушкин, отбирая из пространного списка в Песне песней, оставляет *алоз* и *корицу / киннамон*, но не *смирну / мирру*, а *нард*. На этом фоне многозначная и многофункциональная пара *мускус & камфора* выглядит очень прочной, почти жесткой, и таким же четким и жестким распределение в ней обрядовых и бытовых функций.

Вообще же лексико-семантическая группа (или поле) «благовония», как и некоторые другие серии предметных наименований, вовлеченных в поэтическую традицию, обнаруживает сложное,

многомерное устройство, основой которого являются многочисленные асимметрии (в понимании С. О. Карцевского: Карцевский 1965: 85–93) межъязыкового, денотативного, грамматического, фонетического и графического типов. По типу использования в первую очередь противопоставляются курения и притирания; библейским благовониям противопоставлены восточные «новые»; разное значение может быть у слова *алоз* / *алой*; одно вещество может обозначаться как *ладан* и *ливан*, как *мирра* и *смирна*, как *аир* и *трость*, как *корица* и *киннамон* и т. д.; еще сложнее сходство и различие *корицы-киннамона* и *кас(с)ии*; разные формы слов фиксируются в случае *алой* / *алоз*, различное написание и ударение – в случае *камфора* / *камфара* и др.

Стихотворение, кажется, действительно почти неизбежно должно было восприниматься на фоне анакреонтической традиции (о русской анакреонтике см.: Drage 1962: 110–134; Schenk 1972; к линии анакреонтической оды может восходить и система повторов, см. о ней: Гуковский 2001: 137–150), прежде всего – тех стихотворений, в которых постаревший лирический герой анакреонтики беседует на любовные и околоромантические темы с молодыми девушками. Прежде всего это оды XI (*Λέγουσιν αἱ γυναῖκες...*) и XXXIV (*Μὴ με φύγῃς ὁρώσα...*). Первую перелагал еще М. В. Ломоносов (*Мнѣ дѣвушки сказали: Ты дожилъ старыхъ лѣтъ...*, публ. 1771), затем Н. А. Львов (*Мнѣ дѣвушки сказали: Ты старѣ, Анакреонѣ...*, публ. 1794) и Г. Р. Державин (*Мнѣ дѣвушки шептали: Ты старѣ и сѣдѣ и лысѣ...*, публ. 1804) – все трое воспользовались Я3, а не Х4; ее же, как напоминает Строганов, Пушкин цитирует в раннем (1815) стихотворении «Гроб Анакреона» (как раз Х4). Во второй юность и старость с ее сединой уподоблены соответственно розам и лилиям: *ῥοα, κὰν στεφάνοισιν / ὅπως πρέπει τὰ λευκά / ῥόδοις κρίνα πλακέντα* – Приятно розы видѣть Сѣ лилеями вѣ вѣнкѣ в уточненном переводе Львова (Львовъ 1794: 177). Таким образом, будущей «восточной» и благовонной контрастной паре символов юности и старости *мускус* – *камфора* здесь соответствует античная и цветочная пара *роза* – *лилия* (камфора и лилия объединены белизной-сединой старости) – та самая, которую Пушкин разыгрывает в одном из известнейших

ранних стихотворений – «Розе» того же, что и «Гроб Анакреона», 1815 года. В фундаментальной статье М. П. Алексеева, посвященной «Розе» (Алексеев 1972: 326–377) и символике розы и лилии, ссылки на этот контекст Анакреона – Львова как будто нет.

Однако главное значение Н. А. Львова как переводчика Анакреона для понимания того, как резонирует в разбираемом стихотворении поэтическая традиция, кроется в другом. М. В. Строганов справедливо обращает внимание на переложение LVI оды (*Портѣдѣли, побѣдѣли. Кудри – честь главы моей...*), предпринятое Пушкиным в 1835 (см.: Строганов 1995: 172) – т. е. практически тогда же, когда написано и «От меня вѣчор Леила...»: именно благодаря примечательному мотиву седины эти два стихотворения объединены не только временем написания, и анакреонтическая перспектива «Леилы» расширяется. Но это (чего как будто не делает Строганов) побуждает обратиться к переводу той же LVI оды Львовым: *И виски уж постѣдѣли, Голова моя бѣла...* Как кажется, именно строку Львова *Голова моя бѣла*, в первую очередь благодаря явным анакреонтическим параллелям к разбираемому стихотворению, нужно считать главным источником пушкинской строки *Голова твоя съѣда* – французский оригинал *Les cheveux blancs ont pari* не требует такой грамматической и лексической формы строки.

Обращаясь к имени героини разбираемого стихотворения, М. В. Строганов пишет:

Наконец, в 1830 г. в Болдине Пушкин упоминает Леилу в стихотворении «Заклинание»:

О, если правда, что в ночи,
Когда покоятся живые,
И с неба лунные лучи
Скользят на камни гробовые,
О, если правда, что тогда
Пустеют тихие могилы –
Я тень зову, я жду Леилы:
Ко мне, мой друг, сюда, сюда!

(III: 246)

Связь этого упоминания Леилы с именем Байрона тоже вполне очевидна: «Заклинание» написано в тот же день, что и «Стамбул гяуры нынче славят», где само слово «гяур» восходит к одноименной поэме Байрона. Главной же героиней «Гяура» является Леила. Следует также учесть, что «Заклинание» обращено к некой женщине, любовные чувства к которой Пушкин связывает с периодом южной ссылки. А именно тогда, в этот период, Пушкин переживает бурное увлечение Байроном, и именно тогда, в 1821 г., он начал переводить на русский язык «Гяура»... (Строганов 1995: 171).

Однако, как кажется, нерв байроновской параллели – самой по себе безусловной – тут несколько иной. Леила для Пушкина – не просто имя одной из Байроновских героинь, элемент байронического ономастикона (о байроновской Леиле см. Жирмунский 1978: *passim*); он, скорее всего, учитывает связанный с нею сюжетный мотив, причем ключевой: явление тени Леилы не забывшему ее и испытывающему угрызения совести возлюбленному:

I saw her, friar! and I rose
 Forgetful of our former woes;
 And rushing from my couch, I dart,
 And clasp her to my desperate heart;
 I clasp—what is it that I clasp?
 No breathing form within my grasp,
 No heart that beats reply to mine,
 Yet, Leila! yet the form is thine!
 And art thou, dearest, changed so much
 As meet my eye, yet mock my touch? – и т.д. (1283–1292).

Байроновская по происхождению Леила – одна из нитей пушкинского мотивного узла «погибшая [не без вины героя] возлюбленная», вместе с Инезой из «Каменного гостя», Русалкой, героиней стихотворений, обращенных к Амалии Ризнич и некоторых других. Ориентальность и утрата сближают ее с героиней стихотворения о мускусе и камфоре.

Фоническая близость могла вызвать ассоциации и с сентименталистским условным именем *Ли́ла*, использовавшимся, вслед за

К. Н. Батюшковым и другими, и молодым Пушкиным («Лиле», 1819, Х4: *Ты смѣешься надо мной*, и др.).

Одной из целей этого разбора было еще раз наметить основные области, наиболее важные разделы монографического поэтического анализа. Это особенно касается имманентной части: стих, фоника, но прежде всего поэтическая грамматика и лексический состав, чему нередко уделяется внимание меньшее, чем следовало бы (ср. Двинятин 2015: 300–316). Другой – обратить внимание на частое положение дел, когда даже при наличии несомненного, главенствующего источника обсуждаемого текста, поэтическая традиция оплетает этот текст множеством дополнительных связей, параллелей, контекстов и резонансов. В лучших работах отмечаются такие дополнительные связи в области подтекстов или стиховой организации, но лексическая и грамматическая составляющие поэтической традиции пользуются меньшим вниманием. Обозначение «поэтическая традиция», как представляется, предпочтительно в том числе и тем, что позволяет сразу обозначить явление и в диахронии и в панхронии: с одной стороны, как историю, эволюцию, развитие (тут ближайшим аналогом были бы наименования вроде *историческая поэтика*), с другой стороны – как фонд, тезаурус, систему (и тут аналогом было бы наименование *поэтический язык*): таким образом, обозначение «поэтическая традиция» в числе прочего может быть охарактеризовано как попытка объединить и/или нейтрализовать понятия «историческая поэтика» (поэтических текстов) и «поэтический язык» (без привязки к определенному синхронному срезу).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Алексеев М. П. 1972. Споры о стихотворении «Роза». – Алексеев М. П. Пушкин. Сравнительно-исторические исследования. Л.: Наука. Ленинградское отделение. С. 326–377.
- Белый А. 1910. «Не пой, красавица, при мне...» А. С. Пушкина (Опыт описания). – Белый А. Символизм. М.: Мусажет. С. 396–428.
- Бобров С. П. 1918. Описание стихотворения Пушкина «Виноград». – Пушкин и его современники: Материалы и исследования. Вып. XXIX/XXX. Пг.: Типография Российской Академии Наук. С. 188–209.

- Брик О. М. 1919. Звуковые повторы – Поэтика. Сборники по теории поэтического языка. III. Пг.: 18-ая государственная типография. С. 58–98.
- Брюсов В. 1923. Звукопись Пушкина. – Печать и революция. Кн. 2. С. 48–62.
- Виноградов В. В. 1941. Стиль Пушкина. М.: Государственное издательство художественной литературы.
- Гаспаров М. Л. 1990. Семантический ореол пушкинского четырехстопного хорея. – Пушкинские чтения: Сборник статей. Таллинн: Ээсти раамат. С. 5–14.
- Гаспаров М. Л. 1997. Избранные труды. Т. II: О стихах. М.: Языки русской культуры.
- Гаспаров М. Л. 1999. Метр и смысл: Об одном из механизмов культурной памяти. М.: Издательство РГГУ.
- Гербстман А. И. 1964. Звукопись Пушкина. – Вопросы литературы. № 5. С. 178–192.
- Гуковский Г. А. 2001. Об анакреонтической оде. – Гуковский Г. А. Ранние работы по истории русской поэзии XVIII века / Под ред. В. М. Живова. М.: Языки русской культуры. С. 117–156.
- Двинятин Ф. Н. 2013. Распределение основных морфологических классов слов в русском поэтическом тексте – Русский формализм (1913–2013). Международный конгресс к столетию русской формальной школы. Тезисы докладов / Под ред. Вяч. Вс. Иванова и И. А. Пильщикова. М.: Институт славяноведения РАН. С. 232–234.
- Двинятин Ф. Н. 2015. «Ты пробуждаешься, о Байя, из гробницы...» Батюшкова сорок лет спустя. – Антропология культуры. Вып. 5. М.: Институт мировой культуры МГУ. С. 300–316.
- Жирмунский В. М. 1977. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л.: Наука. Ленинградское отделение.
- Жирмунский В. М. 1978. Байрон и Пушкин. Л.: Наука. Ленинградское отделение.
- Жолковский А. К. 2005. «Я вас любил» Пушкина: Инварианты и структура. – Жолковский А. К. Избранные статьи о русской поэзии: Инварианты, структуры, стратегии, интертексты. М.: РГГУ. С. 46–49; 526–527.
- Иванов Вяч. И. 1930. К проблеме звукообраза у Пушкина. – Московский пушкинист. Кн. 2. С. 94–105.
- Карцевский С. О. 1965. Об асимметричном дуализме языкового знака. – Звегинцев В. А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях: 3-е изд. Ч. 2. М.: Просвещение. С. 85–93.

- Лотман Ю. М. 1972. А. С. Пушкин. «Ф. Н. Глинке», «Зорю быют... из рук моих...». – Ю. М. Лотман. Анализ поэтического текста: Структура стиха. Л.: Издательство «Просвещение». Ленинградское отделение. С. 144–168.
- Львовъ Н. А. 1794. Стихотвореніе Анакреонта Тійскаго. Перевельъ ****
**** [Н. А. Львов]. СПб.: Типографія Корпуса чужестранныхъ едино-
верцовъ.
- Мерлин В. [В.]: 1995. Роза и виноград. – Временник Пушкинской комиссии. Вып. 26. СПб.: Наука. С. 107–111.
- Пумпянский Л. В. 2000. Об оде Пушкина «Памятник». – Пумпянский Л. В. Классическая традиция. М.: Языки русской культуры. С. 197–209.
- Пушкинъ А. С. 1829. Стихотворенія Александра Пушкина. Вторая часть. СПб.: Въ типографіи Министерства Народнаго Просвѣщенія.
- Пушкинъ А. С. 1841. Сочиненія Александра Пушкина. Т. IX. СПб.: Въ типографіи И. Глазунова и К°.
- Пушкин А. С. 1948. Полн. собр. соч.: В 16-ти тт. Т. 3. Ч. 1: Стихотворения 1826–1836. Сказки. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР.
- Строганов М. В. 1995. О стихотворении Пушкина «От меня вечор Леила». – Пушкин: Исследования и материалы. Т. 15. СПб.: Наука. С. 168–175.
- СЯП. 2000. Словарь языка Пушкина: В 4-х тт. / Отв. ред. В. В. Виноградов. 2-е изд., дополненное. М.: Азбуковник.
- Щерба Л. В. 1923. Опыты лингвистического толкования стихотворений. 1. «Воспоминание» Пушкина. – Русская речь: Сборники статей. [Вып.] I. Пг.: Изд. Фонетического института практического изучения языков. С. 13–56.
- Якобсон Р. О. 1983. Поэзия грамматики и грамматика поэзии. – Семиотика / Сост. Ю. С. Степанов. М.: Радуга. С. 462–482.
- Якобсон Р. О. 1987. Стихи Пушкина о деве-статуе, вакханке и смиреннице. – Якобсон Р. Работы по поэтике. М.: Прогресс. С. 181–197.
- Agoub, J. 1835. *Mélanges de littérature orientale et française*. Par J. Agoub; avec une notice sur l'auteur par m. de Pongerville. Paris: Werdet.
- Drage, Cl. 1962. The Anacreontea and 18th-Century Russian Poetry. – The Slavonic and East European Review. Vol. 41. No. 96. P. 110–134.
- Schenk, D. 1972. Studien zur anacreontische Ode in der russischen Literatur des Klassizismus und der Empfindsamkeit. Frankfurt a. M.: Athenäum.

НЕКРАСОВ И БОРАТЫНСКИЙ: ВОКРУГ РЕЦЕНЗИИ НА «ДАМСКИЙ АЛЬБОМ», НОВЫХ ВЗГЛЯДОВ НА БРАК И ДВУХ ЛЮБОВНЫХ СТИХОТВОРЕНИЙ¹

П. Ф. Успенский

(Москва)

Стихотворения Е. А. Боратынского практически никогда не воспринимались литературоведами как потенциальный фактор влияния на зрелую поэтику Н. А. Некрасова. Подобная точка зрения закономерна: Боратынский – во многом благодаря взглядам В. Г. Белинского – не перешел в послепушкинскую эпоху как значимое литературное явление². Несмотря на ряд изданий, способствующих популяризации наследия Боратынского (подборка стихов в № 1 «Современника» за 1854 г., отдельное издание его стихов 1869 г.), до эпохи символизма поэт не был канонизирован в литературном поле (см.: Винокур 2002; Гельфонд 2012, с указанием литературы).

¹ Автор признателен М. С. Макееву, М. Ю. Степиной, А. М. Березкину и А. С. Бодровой, с которыми обсуждалась данная работа. Статья подготовлена в рамках гранта РГНФ, проект 16-34-01060 (a2).

² Впрочем, отношение Белинского к поэту пушкинской поры было не столь однозначным: хотя он весьма критично отнесся к антипрогрессивным и пессимистичным стихам Боратынского, критик все же оценил дарование поэта и восхитился некоторыми «удивительными стихотворениями». Не имея возможности подробно описывать отношения Белинского к Боратынскому, сошлемся на ряд работ: Венгеров 1904: 626–637; Иванов-Разумник 1916; Баратынский 1936, 1: 354, 357; Гинзбург 1997: 83–87.

Приведем также остроумное замечание С. А. Венгерова, согласно которому «именно Белинский-то и создал Баратынскому крупную литературную репутацию» (Венгеров 1904: 634). Едва ли соображения о «крупной литературной репутации» справедливы, однако с учетом важности мыслей Белинского для современников и следующих поколений стоит признать, что фоновое присутствие Боратынского как неактуального поэта в литературном пространстве второй половины XIX в., возможно, способствовало его канонизации символистами.

Некрасов с его пристальным вниманием к поэзии первой трети XIX в., очевидно, интересовался поэтом больше³, чем его современники, считавшие, что Боратынский, «темный и неразвившийся, стал себя выказывать людям и сделался чрез то для всех чужим и никому не близким» (Гоголь 1952: 385–386), а к тому же был еще, по словам В. П. Боткина, и «пьяницей» (Некрасов 1981–2001, 14.: 195). Об этом интересе свидетельствуют не только упоминания Боратынского в прозе и критике, но и тот факт, что в ранних стихах Некрасова периода сборника «Мечты и звуки», в таких стихотворениях как «Встреча душ», «Горы», «Час Молитвы», «Сердцу» (1839), не раз находили отзвуки поэзии Боратынского (см.: Некрасов 1981–2001, 1: 651, 653, 661, 662).

Более интересными представляются случаи влияния Боратынского на зрелое самостоятельное творчество Некрасова. Эта историко-литературная проблема практически не рассматривалась, и мы можем упомянуть лишь несколько сделанных наблюдений. Так, критик «Отечественных записок» полагал, что «Муза» (1852) Некрасова «напоминает <...> отчасти» стихотворение Боратынского «Не ослеплен я музою моею...» (Отечественные записки 1854, IV: 39)⁴. А. М. Березкин отмечал, что «Уныние» Некрасова (1874) восходит к традиции русской элегии первой половины XIX в. и несет на себе влияние «Осени» Боратынского⁵. По мнению того же исследователя, отраженная во «Вступлении к песням 1876–77 годов» тема преодоления страданий тела «могучей силой вдохновенья» может быть преемственно связана со стихотворением Боратынского «Болящий дух врачует песнопенье...»; Некрасов развивает исходный тезис – для него «творчество способно стать средством преодоления не только душевных, но и физических страданий» (Березкин 2008: 27). К этим наблюдениям стоит добавить, что, работая над

³ Стоит отметить, что в библиотеке Некрасова была книга «Стихотворения Евгения Баратынского» (М., 1835) – экземпляр с надписью: «И. Панаев» (Литературное наследство 1949: 367–368).

⁴ По-видимому, статья принадлежит перу С. С. Дудышкина. Выражаем признательность А. М. Березкину за указание предполагаемого автора. См. также: Летопись жизни Некрасова 2006: 434.

⁵ Доклад в МГУ на Некрасововедческом семинаре МГУ-ИРЛИ 16 апреля 2010 г.

поэмой о М. Н. Волконской, Некрасов выписал для себя первые четыре строки из стихотворения Боратынского «Княгине З. А. Волконской» (см.: Мельгунов 1980: 192).

К этому небольшому списку мы можем добавить еще одно наблюдение. Мы бы хотели обратить внимание на послание Некрасова «<А. Е. Мартынову>» (1859), которое начинается как вариация стихотворения поэта пушкинской поры:

Со славою прошел ты полдороги,
Полпоприща ты доблестно свершил,
Мы молим одного: чтоб даровали боги
Тебе надолго крепость сил.

(Некрасов 1981–2001, 2: 51)

Сквозь приведенные строки просвечивает известнейшее стихотворение Боратынского:

Желанье счастья в меня вдохнули боги:
Я требовал его от неба и Земли
И вслед за призраком, манящим издали,
Жизнь перешел до полдороги.

(Боратынский 2002: 40)

В стихах Некрасова и усеченная четвертая строка (Я4), и рифма «боги» – «полдороги», и семантика половины жизненного пути (восходящая к началу «Божественной комедии» Данте) однозначно указывают на влияние Боратынского. Более того, некрасовское «полпоприща», по-видимому, являются семантическим развитием финала стихов Боратынского: «Отныне с рубежа на *поприще* гляжу / И скромно кланяюсь прохожим» (Боратынский 2002: 40).

Обратимся теперь к прозаическому наследию Некрасова. В нем высказываний о Боратынском также немного. Если в «Петербургских дачах и окрестностях» (1844) поэт только иронично перифразировал строку из стихотворения «На смерть Гёте» (Некрасов 1981–2001, 12₁: 94, 402)⁶, то в атрибутированной Некрасову

⁶ Подчеркнем, что это стихотворение было отмечено Белинским как замечательное: Белинский 1953–1959, 1: 325.

рецензии того же года «Учебная книга русской словесности или избранные места из русских писателей в прозе и стихах <...> изданная Н. Гречем» автор уже иронизирует над характеристиками поэта, данными в книге:

Баратынский известен небольшими романтическими поэмами и стихотворениями лирическими, в которых выражается *нежное чувство* изящными стихами»... *Нежное чувство?*.. Итак, Баратынский – поэт нежного чувства?.. А мы, признаемся, считали его поэтом мысли, преимущественно перед многими русскими поэтами. Как же мы ошибались!.. Вот точно так же ошибаемся мы, должно быть, и в князе Шаликове, почитая его поэтом нежного чувства: вероятно он-то и есть поэт мысли, поэт думы пылливой и глубокой, беспрестанно силившейся высказаться и не на минуту не покидавшей поэта! (Некрасов 1981–2001, 12₂: 59; 308)

В 1850 г. в письме Некрасова к А. Н. Майкову, в котором содержится предложение «написать о каком-нибудь поэте», Боратынский перечисляется через запятую наряду с В. Г. Бенедиктовым, Н. М. Языковым, А. А. Дельвигом и А. И. Подолинским (см.: Некрасов 1981–2001, 15₂: 136). Несомненно, это отражает интерес Некрасова к поэзии первой трети XIX в. и свидетельствует о желании оценить роль в литературе «русских второстепенных поэтов».

Важная роль отведена Боратынскому в рецензии Некрасова на «Дамский альбом» («Современник». 1854. № 1; см. ниже). Наконец, нельзя не обратиться к уже упомянутой подборке стихов Боратынского в некрасовском журнале (1854. № 10). Публикация продолжала ряд статей «Современника», посвященных забытым поэтам, и способствовала новому осмыслению поэтического наследия первой трети XIX в. Хотя основная роль в издании подборки стихов Боратынского принадлежала Тургеневу, очевидно, что ее появление не было возможно без согласия Некрасова, поддержавшего инициативу публикатора (см.: Бодрова, Велижев 2009: 119–147).

Остановимся подробнее на еще одном, вероятно, спорном случае творческого диалога Некрасова и Боратынского.

В № 1 «Современника» за 1854 г. была опубликована рецензия без подписи, озаглавленная как «Дамский альбом, составленный из отборных страниц русской поэзии. С десятью рисунками, гравированными в Лондоне. СПб., 1854». Этот текст, написанный в конце 1853 г., был убедительно атрибутирован Некрасову (см. подробнее: Некрасов 1981–2001, 11₂: 334–335). В комментариях уже отмечалось, что рецензия связана с мыслями издателя «Современника» о русских второстепенных поэтах. Саму же рецензию можно рассматривать как небольшой очерк истории русской поэзии первой половины XIX в. Однако эти темы в настоящей статье развиваться не будут; ниже мы ограничимся лишь некоторыми наблюдениями над композицией рецензии, отдавая предпочтение основному сюжету, связанному с Боратынским.

Одна из самых примечательных особенностей рецензии на «Дамский альбом» заключается в том, что в ней Некрасов целиком привел «Признание» Боратынского («Притворной нежности не требуй от меня...»; 1823, 1832–33 гг.; в статье стихотворение озаглавлено «Послание»)⁷, а следом за этой републикацией полностью процитировал свое стихотворение – «Когда из мрака заблужденья...» (1845)⁸. Текст Боратынского при этом

⁷ Здесь Некрасов употребляет заглавие, используемое в рецензируемой антологии Дамский альбом 1854: 129.

⁸ Соседство текстов отмечалось в научной литературе (см.: Некрасов 1987: 465), однако никакого объяснения этому факту еще не было дано.

Строго говоря, Некрасов цитирует свой текст не сразу после «Признания» Боратынского, а после небольшой вставки: «Это одно из лучших стихотворений Баратынского... // Таким образом, перебирая «Дамский альбом» от первой страницы его, вопрошающей: // Зрел ли ты певец Тииский... <цитируется 4 строки> до последней, на которой напечатано следующее стихотворение: // Когда из мрака заблужденья...<цит. до конца>» (Некрасов 1981–2001, 11₂: 111–112). В данном случае мы считаем возможным пренебречь подобной вставкой: сильные смысловые позиции в статье организуются полностью процитированными текстами, а не короткими цитатами. Вообще, в третьей части статьи образуется система из четырех стихотворений: «Розы» Мятлева, «Холодное признание» Бенедиктова, «Послание» <так!> Боратынского и «Когда из мрака заблуждения...» Некрасова. Мы будем специально рассматривать только последнюю пару, а к тексту Бенедиктова обратимся ниже. Произведение Мятлева нами рассматриваться не будет. Стихотворение Некрасова, приведенное в рецензии, отличается от текста, представленного в «Дамском альбоме» (см.: Дамский альбом

сопровождался такими комментариями: 1) до стихотворения: «Большое удовольствие доставило нам встреченное в альбоме стихотворение г. Баратынского “Послание”, которое как-то прежде ускользало от нашего внимания при чтении Баратынского» и 2) после стихотворения: «Это одно из лучших стихотворений Баратынского...» (Некрасов 1981–2001, 11₂: 110–111).

Странное соседство двух стихотворений в рецензии ставит несколько вопросов. Почему Некрасов так высоко оценил стихотворение Баратынского? Почему «Признание» и «Когда из мрака заблужденья...» соседствуют в статье? Какие литературные цели преследовал Некрасов, публикуя два стихотворения рядом?

Самый простой и при этом верный ответ на первый вопрос заключается, по-видимому, в следующем: Некрасову понравилось «Признание» Баратынского потому, что это одна из лучших элегий в русской поэзии. Именно так ее оценил Пушкин в письме к А. А. Бестужеву (1824): «Баратынский прелесть и чудо; “Признание” – совершенство. После него никогда не стану печатать своих элегий...» (Пушкин 1937: 84). Однако думается, что в любовной элегии Баратынского Некрасов мог увидеть нечто большее.

Напомним вкратце содержание «Признания». Разочарованный в любви поэт обращается к своей возлюбленной, анализируя причины любовного охлаждения: «И пламень мой, слабая постепенно, / Собою сам погас в душе моей». Заверяя возлюбленную, что он «не пленен красавицей другою», и что его душа желает любви, но вновь любить он не будет, лирический герой начинает моделировать свое будущее, представляя, как изберет себе «подругу без любви», подаст ей руку на обдуманный брак и как они соединяет «не сердца, а жребии». Избрав новый путь, поэт прощается со своей бывшей возлюбленной. Стихотворение заканчивается известной сентенцией: «Невластны мы в самих себе, / И, в молодые наши леты, / Даем поспешные обеты, / Смешные может быть всевидящей судьбе...» (Баратынский 2002: 63).

1854: 256–258). См. также: Некрасов 1981–2001, 112: 334–335. О возможных причинах изменения строфы – см. ниже.

И. Л. Альми отмечала, что Боратынский в этом стихотворении отказывается от романтической трактовки разочарованного героя: «Перед нами точно зафиксированный *процесс* охлаждения чувства. Любовь погасла не из-за каких-то романтических причин <...>. Она задушена будничными обстоятельствами будничной жизни. <...> Подчеркнуто объективно рисуя картину будущего своего брака без любви, герой “Признания” ощущает себя виновным не только перед той, которую сейчас оставляет, но и перед той, “невинной, преданной, быть может, лучшим сном”, с которой в будущем соединит “жребий”, но не “сердце”» (Альми 1961: 43–44).

Согласно точке зрения И. М. Семенко, «у Боратынского несчастная любовь изображена как следствие душевной изолированности людей, невозможности одному человеку понять чувства другого. Переживания каждой личности располагаются в своей особой плоскости, и эти плоскости несовместимы. <...> По Боратынскому, счастье невозможно, а души человеческие далеки друг от друга. Соединяются не “сердца”, а “жребии”» (Семенко 1970: 239–240).

Важно отметить, что Боратынский рассматривает и любовное разочарование, и брак без любви в свете борьбы человека с всевидящей судьбой. «Но ожидающее его спокойное будущее отнюдь не кажется ему желанным, он воспринимает возможное примирение с судьбой как полную победу судьбы, как отказ от лучшего в самом себе, как слияние с обывательской толпой» (Альми 1961: 44). Брак без любви предстает как поступок, совершенный от безысходности.

Приведенные цитаты из работ филологов отражают стремление к более или менее объективному пониманию текста. Однако едва ли мы можем полагать, что Некрасов воспринимал стихотворение Боратынского в том же ключе, что и литературоведы. Более того, думается, Некрасов в смысловом или даже идеологическом плане радикально переосмыслил некоторые строки «Признания» в силу того, что придерживался новых взглядов на любовь и институт брака. Поэтому, прежде чем вернуться непосредственно к текстам, мы должны сделать еще одно отступление, связанное с историей идей.

К тому времени, когда Некрасов напечатал в своей рецензии стихотворение Боратынского, в обществе складывалась новая концепция любви и института брака. Как правило, рождение новых идей связывается с 1850–1860 гг., а главная роль глашатая свободных взглядов отводится Н. Г. Чернышевскому (см., например: Щукин 2002: 140–150). Ментальный феномен заключался в том, что ряд людей, чаще всего интеллигенты-разночинцы, стали воспринимать любовь более реалистично и рационализированно. При этом нас будет интересовать именно их восприятие, т. е. мы не будем задаваться вопросом, насколько эти новые идеи идеалистичны или романтичны по своей сути. Рассматриваемому явлению посвящена монография И. А. Паперно (см.: Паперно 1996), и далее мы будем в основном опираться на ее монографию.

В новом понимании любовных отношений⁹ можно выделить две тенденции, которые, конечно, переплетались между собой: № 1) стремление к свободным формам любви, которое привело к возникновению нескольких тройственных союзов (среди которых видное место занимает треугольник, сформированный И. И. Панаевым, А. Я. Панаевой и Некрасовым)¹⁰.

Другая тенденция (№ 2) заключалась в изменении представлений о браке по расчету. В. Г. Белинский еще в 1838 г. писал М. А. Бакунину:

⁹ Напомним, что новые воззрения на отношения между полами вызваны, по-видимому, отталкиванием от взглядов на возвышенную любовь в философских кружках 30-х гг. XIX в., в том числе – в кружке Станкевича, и увлечением взглядами Жорж Санд (см.: Паперно 1996: 54–58; Щукин 2002: 141–142).

¹⁰ Здесь уместно упомянуть сложные взаимоотношения А. И. Герцена, его жены Наталии Александровны и немецкого поэта Г. Гервега, причем, инициатором тройственного союза и носителем новых идей оказалась Наталия Александровна. Через несколько лет в жизни Герцена любовный треугольник повторился: Герцен – Н. А. Тучкова-Огарева – Н. П. Огарев. Однако если в конце 1840-х – начале 1850-х гг. Герцен скорее отрицал новую идеологию, во всяком случае, применительно к себе и своей жене, то во второй половине 1850-х гг. он сам становится носителем новых идей. См., впрочем, письмо Герцена Огареву конца 1856 г.: Герцен 1954–1965, 26: 62–63. Можно упомянуть и любовный треугольник, образованный Н. В. Шелгуновым, Л. П. Шелгуновой и М. И. Михайловым (см.: Паперно 1996: 125–127).

Идеальный человек, не встречая нигде своей идеальной женщины, потому что ее нигде нет, приходит в отчаяние и уверяется, что грязная и пошлая действительность есть истинная действительность. <...> Обыкновенно он женится на судомойной тряпке, и часто еще без всяких выгод для обеспечения жизни; <...> Он не понимал действительности, не понимал, что не всем суждено любить (т.е. *влюбиться*), быть любимым и жениться по любви, <...> но он не понимал и того, что выход есть совсем не противоположность, что, кроме пошлого расчета, есть еще расчет человеческий, имеющий в виду удовлетворение лучшей стороны своей человеческой природы, что рассудок не есть единственный выход из состояния чувств, но что то и другое может действовать в ладу, не мешая одно другому (Белинский 1953–1959, 11: 286).

Обратим внимание, что, не отрицая случаев брака, вызванных к жизни лишь умственными построениями, критик предлагает – на его взгляд – новый путь, который оказался продуктивным для целого ряда интеллектуалов.

И. Паперно отмечает, что «брак по расчету (не имевший ничего общего с материальной выгодой) был сознательной и желательной позицией, лишенной отрицательных коннотаций» (Паперно 1996: 93). Он часто совершался для избавления женщины от тирании родителей (в таком случае брак обеспечивал свободу слабому полу) или же для спасения женщины падшей (по-видимому, помимо идеи спасения тут проявлялась также идея воспитания и развития)¹¹. По-видимому, в этом же ключе можно воспринимать совместную жизнь Некрасова с Зинаидой Николаевной (Ф. А. Викторовой): согласно ряду источников, род ее занятий до знакомства с поэтом не вызывает сомнений; Некрасов же, в свою очередь, старался ее просвещать; венчание, состоявшееся незадолго до смерти поэта, по-видимому, мотивируется его желанием обеспечить возлюбленной дальнейшее

¹¹ Так, например, мотивацией брака Чернышевского (1853 г.) было спасение репутации Ольги Сократовны. В свете указанной тенденции можно воспринимать увлечение Добролюбова Терезой Карловной Гринвальд и намерение поэта жениться на ней. См. о цикле любовных стихотворений в связи с этим увлечением: Вдовин 2007: 74–88.

существование и укрепить ее статус, поскольку в окружении Некрасова Зинаида Николаевна имела не самую лучшую репутацию (см.: Степина, *в печати*).

Таким образом, и биография Некрасова, и жизненные обстоятельства его современников, позволяют сделать вывод, что поэт также был носителем новых взглядов на любовь и на институт брака. В свете этого мы можем считать, что ключевыми для Некрасова оказались следующие строки из «Признания» Боратынского:

Кто знает? мнением солюся я с толпой;
Подругу, без любви, кто знает? изберу я.
На брак обдуманый я руку ей подам
 И в храме стану рядом с нею
Невинной, преданной быть может лучшим снам,
 И назову ее моею,
И весть к тебе придет; но не завидуй нам:
Обмена тайных дум не будет между нами,
Душевым прихотям мы воли не дадим:
Мы не сердца под брачными венцами,
Мы жребии свои соединим...

Прощай. Мы долго шли дорогою одною:
Путь новый я избрал, путь новый избери...

(Боратынский 2002: 62–63)

Эти строки, скорее всего, были не только оценены с эстетической точки зрения, но и кардинально переосмыслены: вероятно, подобный сценарий не воспринимался Некрасовым как негативный, а, согласно новому взгляду на институт брака, виделся скорее жизнеобещающим, если не сказать – желательным. В самом деле, идея соединения жребиев, а не сердец соответствовала новым представлениям о браке, и предпочтение сердца жребию Боратынским в восприятии Некрасова могло полностью перевернуться в пользу жребия.

По-видимому, важными для Некрасова были строки, в которых поэт обращался к своей возлюбленной: «Путь новый я избрал, путь новый избери; / Печаль бесплодную рассудком усмири...».

Действительно, в этих словах Боратынского видна некоторая неоднозначность: с одной стороны, все стихотворение посвящено тому, как лирический герой мысленно сливается «мнением с толпой», совершает в уме поступок, являющийся полной победой судьбы над человеком. С другой стороны, гипотетическое будущее, описанное в этих строках, предстает как сознательно выбранный путь, причем само слово «путь», связанное скорее с идеей миссии, как бы легализует подобный проект будущего, дает ему право на существование и воплощение. Характерна, как кажется, и апелляция именно к рассудку у Боратынского: смоделированное героем будущее является плодом ума, интеллектуальным построением, и именно рациональной оценки ситуации герой требует от своей возлюбленной. Как мы видим, текст Боратынского даже при попытке более или менее объективного прочтения содержит в себе смысловую неоднозначность. Для Некрасова же, по-видимому, она трактовалась в пользу его идеологии.

В приведенном выше фрагменте элегии есть место, противоречащее новой концепции любви. Это строка, описывающая невесту: «невинная, преданная, быть может, лучшим снам». Противоречит новым представлениям и предостережение Боратынского – «Но не завидуй нам!». Думается, однако, что в данном случае общая модель была важнее частных, и при важности общей темы подобные противоречащие смысловые элементы могли игнорироваться. Мы полагаем, таким образом, что Некрасов воспринял это стихотворение как поэтизацию брака по расчету, придав ему современное значение.

Итак, помимо того, что «Признание» – замечательные стихи, Некрасов, радикально их переосмыслив, увидел в них созвучные настроения и идеи и воспринял их как своеобразный манифест, написанный еще в пушкинскую эпоху¹².

¹² Соответственно, в восприятии элегии произошел, по всей вероятности, очень сильный смысловой сдвиг. Если у Боратынского «брак обдуманный» – это норма, то, что приписывает человеку «толпа», то для «новых людей» брак по расчету – это, наоборот, вызов общепринятым социальным нормам.

В свете сказанного легко объяснить тот факт, что «Признание» и «Когда из мрака заблуждения...» непосредственно соседствуют в статье. Стихотворение Некрасова как будто тематически продолжает элегию поэта пушкинской поры, но продолжает не так, как понимал ее сам Боратынский, а так, как она, вероятно, была прочитана Некрасовым – как позитивная жизненная программа.

«Когда из мрака заблужденья...» также является обращением, но уже к падшей женщине с предложением стать «хозяйкой» в доме лирического героя. Важно, что в стихах Некрасова ни слова не говорится о любви, поэт поддерживает падшую женщину участием и, пользуясь словами Боратынского, призывает «соединить их жребии». Некрасов говорит о темном прошлом героини, которую опутал порок; по сути, она не виновата в происходящем, лирический герой обращается к ней «дитя несчастья!» и приписывает ей «болезненно-пугливую душу» (прилагательное «пугливая» как характеристика души возлюбленной близко по значению к слову «невинная», как характеризует Боратынский свою гипотетическую жену). В некрасовском тексте вина возлагается на толпу, которая убеждает женщину, что она пала: «Толпы бессмысленному мненью / Ужель и ты покорена?». Лирический герой частично разделяет точку зрения социума, когда в шестой строке произносит слово «порок» («Тебя опутавший порок...»; ср.: «Кто знает? Мнением сольюсь я с толпой...»), но рассказ героини убеждает его в невинности женщины.

Стихотворения, конечно, не похожи. Но при всем их различии, в сознании Некрасова они могли объединяться как тексты, поэтизирующие новые представления о любви. Их соседство в статье заставляет читателя увидеть в них нечто общее. Публикуя их рядом, Некрасов создает такой контекст для своего стихотворения, что мы (как и читатели «Современника») должны читать «Когда из мрака заблужденья...» в свете текста Боратынского. Стихотворение Некрасова предстает, в таком случае, как развитие и углубление элегии поэта пушкинской поры. В «Когда из мрака заблужденья...» опускается тема брака, что, по-видимому, объясняется новым мировоззрением: в свободных формах любви в браке нет специаль-

ной надобности, за исключением случаев спасения женщины. Однако в Некрасовском тексте имплицитно присутствует идея объединения судеб (жребиев) героев. Поэт идет дальше Боратынского: если автор «Признания» поэтизирует, в общем-то, распространенную жизненную модель, обогащая ее рефлексией и тем самым как бы легализуя ее, то Некрасов для основной темы стихотворения выбирает уже нетривиальные жизненные обстоятельства. «Невинная и преданная лучшим снам» героиня Боратынского превращается в другом стихотворении в женщину с порочным прошлым, жертву обстоятельств, сохранившую при этом чистую душу.

В связи с этим представляет интерес тот факт, что Некрасов в рецензии не просто перепечатал текст своего стихотворения, но внес изменения в 4-ю строфу. В «Дамском альбоме» мы читаем: «Я разделял твои мученья, / Я горячо тебя любил, / И жалкой мыслью отчужденья, / Клянусь, на миг не оскорбил!..» (Дамский альбом 1854: 257)¹³. В рецензии же эти строки были заменены следующими: «Мне луч божественный участья / Весь темный путь твой осветил. / Я понял всё, дитя несчастья, / Я всё простил и позабыл!» (Некрасов 1981–2001, 11₂: 112). Очевидно, что в новом варианте Некрасов отказывается от темы любви и допускает большую эмоциональную дистанцированность: если в тексте «Дамского альбома» поэт употребляет лишь лексику, связанную со сферой чувств, то в тексте рецензии он моделирует интеллектуальное осознание происходящего, а акцент переносится с разделения чувств на понимание. Думается, что изменение строфы могло быть напрямую связано с текстом Боратынского, точнее, с желанием создать единое смысловое поле обсуждаемых стихотворений: слова о любви из предыдущего варианта звучали бы в контексте «Признания» диссонансом и выстраивали бы другое соотношение текстов, в котором Боратынский не воспринимался бы как важный поэт, который еще в свое время «предвосхитил» актуальные в эпоху Некрасова жизненные сценарии.

¹³ См. не вполне точное воспроизведение этих строк: вместо «И жалкой мыслью» – «Но жалкой мыслью» (Некрасов 1981–2001, 12₂: 334).

Итак, по мысли поэта, «Когда из мрака заблужденья...» должно было читаться в контексте стихотворения Боратынского. Дополнительное тому доказательство – приведенное перед текстом «Притворной нежности не требуй от меня...» и высоко оцененное Некрасовым «Холодное признание» Бенедиктова. Это стихотворение тематически связано с произведением Боратынского. Оно также является обращением к возлюбленной и в нем идет речь об охлаждении чувства. В фокусе «Холодного признания» мы видим ту же ситуацию любовного разочарования, однако, в отличие от психологического анализа Боратынского, она связывается лишь со взрослением героя («Я пережил дней юношеских жар») и описывается скорее набором метафорических оппозиций.

Примечательно, что написанное позже стихотворение Бенедиктова (1837) в рецензии предшествует тексту Боратынского. Это можно объяснить внутренней логикой статьи, однако нельзя не отметить, что подобная последовательность текстов и связывает их между собой, и выделяет «Притворной нежности не требуй от меня...» как стихи, принципиально по-другому разрешающие ситуацию охлаждения чувства¹⁴.

Вторгаясь в область психологических объяснений, любопытно предположить, что именно спровоцировало Некрасова сопоставить в рецензии свое стихотворение с элегией Боратынского. Если верить воспоминаниям А. В. Дружинина, вскоре после выхода «Дамского альбома...» на квартире Некрасова собрались литераторы –

Один из них с наслаждением прочитал стихи, о которых говорится <«Когда из мрака заблужденья...». – П. У.>. Другой подивился тому, как могла эта прелестная вещь до сих пор оставаться в неизвестности, третий осведомился об имени автора, четвертый

¹⁴ Нам можно возразить, что последовательность текстов вызвана их расположением в «Дамском альбоме». Действительно, стихи Бенедиктова напечатаны прежде стихов Боратынского (Дамский альбом 1854: 68–69, 129–131). Думается, однако, что в данном случае расположение стихов в книге соответствовало замыслу рецензента. Отметим, что вариант стихов Бенедиктова в «Дамском альбоме» сильно отличается от канонического. См.: Бенедиктов 1939: 64. Подробное текстологическое сопоставление текстов не входит в задачу настоящей статьи.

сказал: «Таких стихов не может написать никто, кроме Пушкина». Тогда только сам автор, налицо находившийся в комнате, поблагодарил друзей своих за похвалу и внимание. Конечно, похвала, до такой степени непредвиденная и неподготовленная, имеет свою сладость, но мы не ручаемся в том, что г. Некрасов, даже под влиянием понятного удовлетворения, в глубине души не упрекнул своих товарищей за всю случайность их позднего одобрения (Дружинин 1987: 261).

Если этот эпизод действительно произошел (в нем вызывает некоторое сомнение незнание имени автора стихотворения, тогда как некрасовский текст впервые был напечатан в № 4 «Отечественных записок» за 1846 г.), то очень соблазнительно предположить зависимость между разговором в гостиной и текстом рецензии (комплименты, уравнивающее поэтическое мастерство Пушкина и Некрасова, могли повлиять на литературное самосознание Некрасова и подтолкнуть его к публичному, но не прямому, сопоставлению своего творчества с поэзией первой трети XIX в.).

Впрочем, нельзя исключать вероятности того, что, сочиняя «Когда из мрака заблуждения...», Некрасов уже ориентировался на пушкинскую эпоху. Для допущения такой мысли достаточно предположить, что, сопоставляя в тексте рецензии свое стихотворение и элегию Боратынского, Некрасов прямо назвал источник «Когда из мрака заблужденья...». Иными словами, достаточно предположить, что связь между двумя стихотворениями возникла не во время чтения «Дамского альбома» и работы поэта над рецензией, а значительно раньше, в момент сочинения «Когда из мрака заблужденья...» (в рецензии же, в таком случае, связь текстов была только проговорена).

В самом деле, необходимо обратить внимание на комментарии младшего поэта. Согласно его свидетельству, «Притворной нежности не требуй от меня...» он раньше не знал, точнее – это стихотворение «как-то прежде ускользало от нашего внимания при чтении Баратынского». Между тем, маловероятно, что Некрасов не читал или не знал этих стихов: «Признание» – одна из самых известных элегий Боратынского. Она была напечатана и в собрании

стихов 1835 г. (которое было в библиотеке Некрасова), и в «Дамском альбоме» 1844 г. Неопределенность первого некрасовского комментария («как-то <...> ускользало»), который не согласуется с категоричностью второго – «Это одно из лучших стихотворений Баратынского» – позволяет усомниться в словах Некрасова, который в раннем творчестве испытал влияние как Боратынского, так и других поэтов первой половины XIX в. Скорее всего, «Признание» он знал¹⁵.

Некрасов мог прочитать стихотворение Боратынского и осмыслить его приблизительно так, как мы пытались реконструировать, значительно раньше, чем в конце 1853 г. В таком случае, мы можем предположить, что обсуждаемая нами преемственность стихотворения «Когда из мрака заблужденья...» по отношению к «Притворной нежности не требуй от меня...» не была сконструирована Некрасовым во время написания рецензии, а возникла за несколько лет до этого, около 1845 г., когда и было сочинено некрасовское стихотворение.

Действительно, в это время, как следует хотя бы из текста обсуждаемого стихотворения, Некрасов уже разделял новые взгляды на любовные отношения. Как показала в одном из докладов М. Ю. Степина, текст «Когда из мрака заблужденья...» имеет биографический подтекст и, по-видимому, связан с А. Я. Панаевой (Софийская 2010: 267–268). Отрицание традиционного института брака и увлечение новыми веяниями могло прийти к поэту от Белинского, который, как уже отмечалось, в вопросе о браке по расчету считал, что «кроме пошлого расчета есть еще расчет человеческий, имеющий в виду удовлетворение лучшей стороны своей человеческой природы» (Белинский 1953–1959, 11: 286).

Необходимо упомянуть несколько конкретных историй, обсуждавшихся в обществе и, вероятно, некоторым образом повлиявших на концепцию стихотворения «Когда из мрака заблужденья...». Это, прежде всего, любовная связь Н. Х. Кетчера с далекой

¹⁵ Кажется, нашу гипотезу подтверждает тот факт, что это стихотворение в рецензии на «Стихотворения» Боратынского было выделено Белинским как «замечательное» (что, скорее всего, было известно Некрасову); см.: Белинский 1953–1959, 1: 325.

от культуры девушкой-сиротой, воспитанницей старообрядческого скита, ярко описанная в «Былом и думах» (см.: Герцен 1954–1965, 9: 234–237); ср.: Некрасов 1987: 465). Возможно, первая жена Огарева в некоторой степени разделяла новые взгляды¹⁶. В данном случае мы можем говорить и о браке Белинского (1843 г.). П. В. Анненков вспоминал: «Женившись, Белинский не отказался, однако ж, от своих воззрений на *сродство душ* и *стремлений* как на единственный элемент, узаконяющий брачное состояние, и сознавался, что в его собственном браке недоставало идеального повода и отсутствовало поэтическое настроение. Он высказывал это мнение, не стесняясь, и перед всеми громко и часто...» (Анненков 1989: 341–342; Щукин 2002: 142).

Важно, что некоторые современники не различали конкретных носителей новых мнений и рассматривали их как социальный круг во главе с известным критиком: «...Все общество пропитано каким-то ребячески циническим взглядом на семью и на отношения к женщине – которым хвастают, в главе стоит Белинский, но в нем цинизм уж не ребячество и имеет глубокий смысл. Это общество издает “Современник”» (Письмо А. А. Бакунина П. А. Бакунину от 3 марта 1847 г.; Литературное наследство 1950: 188). Ср. также взгляд изнутри писательского сообщества: «писатели высказывали большое сочувствие к женскому вопросу тем, что старались опоэтизировать падших женщин, “Магдалин XIX века”, как они выражались» (Панаева 1986: 114). Биографические обстоятельства Некрасова 1840-х гг. в таком случае являются вариацией общего идеологического сдвига.

Как кажется, в этом контексте предположение, что Некрасов еще в середине 1840-х гг. воспринял стихи Боратынского в искаженной перспективе, не лишено оснований. В таком случае, возможно, что

¹⁶ См. аккуратное свидетельство Герцена: «Ее растрепанные мысли, бессвязно взятые из романов Ж. Санда, из наших разговоров, никогда ни в чем не дошедшие до ясности, вели ее от одной нелепости к другой, к эксцентричностям, которые она принимала за оригинальную самобытность, к тому женскому освобождению, в силу которого они отрицают из существующего и принятого *на выбор*, что им не нравится, сохраняя упорно все остальное» (Герцен 1954–1965, 9: 14–15). О предвзятости по отношению к М. Л. Огаревой см.: Герцен 1954–1965, 2: по ук.

прочитанное и переосмысленное в свете новых идей стихотворение Боратынского не только было высоко оценено Некрасовым раньше, но и повлияло на замысел стихотворения «Когда из мрака заблужденья...».

Влияние, конечно, было непрямым, как мы видим, в тексте нет словесных перекличек и реминисценций. Но элегия Боратынского могла послужить Некрасову примером поэтизации «не-поэтической темы». Вполне вероятно, что, сочиняя «Когда из мрака заблужденья...», Некрасов держал в голове «Признание» Боратынского и воспринимал этот текст как своего рода поэтический прецедент, отразивший (или предвосхитивший) новые идеологические сдвиги.

Здесь, конечно, надо указать, что стихотворение Некрасова, хотя и имеет некоторый биографический подтекст, все же достаточно условно и напрямую с биографией поэта не связано. Точнее было бы сказать, что жизненные обстоятельства поэта индуцировали появление «Когда из мрака заблужденья...», стихотворения, в котором Некрасов старался отразить новую идеологию любви. Соответственно, речь не идет о браке с Панаевой и о том, что гипотетические представления об этом браке были каким-нибудь образом связаны с переосмысленными стихами Боратынского; речь идет исключительно о том, что, если Некрасов уже в середине 1840-х гг. осмыслял элегию Боратынского в новом ключе, то и «Когда из мрака заблужденья...» он мог воспринимать как развитие и углубление «Признания». Таким образом, в свете всего сказанного, мы бы хотели предположить, что «Притворной нежности не требуй от меня...» является одним из источников стихотворения «Когда из мрака заблужденья...»¹⁷.

¹⁷ Исходный вариант 4-й строфы, приведенный выше, в некоторой степени уменьшает правомерность подобной гипотезы. Однако думается, что, несмотря на то, что изначально Некрасов моделирует сильную эмоциональную включенность героя в лирическую ситуацию, мы не должны забывать о поэтизации непоэтической темы в целом. Общий замысел «Когда из мрака заблужденья...» отражает идеологические представления нового времени, в которых варьируются брак с расчетом в понимании Белинского, связь с женщиной другого социального происхождения (в том числе, и с проституткой) и тройственные союзы. Стихотворение Некрасова в

Вне зависимости от того, верна наша гипотеза или нет, очевидно, что, публикуя стихотворения вместе, Некрасов преследовал определенные литературные цели. В чем они заключались? Как кажется, имеет смысл рассмотреть две противоположные версии, которые, тем не менее, могут дополнять друг друга. С одной стороны, стихотворение Некрасова является как бы финальным аккордом сконструированной в рецензии триады. «Когда из мрака заблужденья...» призвано оттенить стихи предыдущей эпохи и показать выход из проблемы, актуальной для предыдущего поэтического поколения и разрешенной в нынешнем. В таком случае, тексты Бенедиктова и Боратынского необходимы лишь для создания контраста, на фоне этих стихов «Когда из мрака заблужденья...» должно видеться тематически новаторским текстом. Автор рецензии на «Дамский альбом» наследует взглядам Белинского, сведшим на нет литературную репутацию Бенедиктова и подчас весьма критично высказывающегося о стихах Боратынского. Вообще, такое построение вполне согласуется с тенденцией рецензии разделять поэтические эпохи, однако высокая оценка стихов Боратынского кажется в таком случае не совсем мотивированной.

Думается, однако, что замысел Некрасова заключался в том, чтобы актуализировать в современной ему эпохе стихи поэта пушкинской поры. Поэт делает это не декларативно, а незаметно, с помощью нестандартного построения рецензии. На наш взгляд, аккуратные оценки Некрасова, его стремление не только оценить интересный текст, но и процитировать его целиком (как апелляция к вкусам читателей), вызваны некоторой противоречивостью его мнения: с одной стороны, он как бы находится в русле новой литературы и, в том числе, разделяет взгляды Белинского; с другой – по-видимому, ценность некоторых поэтических текстов для него важнее, чем мнение «неистового Виссариона». Необходимо отметить,

первоначальном варианте комбинирует некоторые элементы указанных вариантов. Элегия Боратынского, в таком случае, все равно могла восприниматься поэтом как поэтический прецедент, поскольку заключала в себе как минимум один из элементов (обдуманный брак) нового взгляда на любовь.

что оценки критика, хотя и были в некоторых случаях резкими, но все же содержали признание поэтических достоинств Боратынского (что, вероятно, позволяло автору рецензии на «Дамский альбом» писать о своих эстетических предпочтениях). Обсуждаемое стихотворение Боратынского критик называл «замечательным», хотя оно, с его точки зрения, оставляет такое же впечатление, «как дуновение уст на стекле зеркала: оно легко и скоропреходяще» (Белинский 1953–1959, 1: 325–326). По-видимому, для Некрасова – не столько как критика, сколько, прежде всего, как поэта – поэтический дискурс оказывается более значимым, чем критический, а стихи Боратынского – более сложными и интересными, чем было принято считать в то время.

В свете сказанного, рецензию на «Дамский альбом» можно воспринимать как своего рода создание контекста для попытки реактуализации Боратынского, которая произойдет в № 10 «Современника» того же, 1854, года (см.: Бодрова, Велижев 2009: 119–147).

Таким образом, мы можем полагать, что рецензия Некрасова, в которой создается интересный литературный контекст, в том числе актуализирующий наследие Боратынского для современной эпохи, встраивается в ряд статей, посвященных второстепенным поэтам и является одной из первых попыток изменить сложившееся отношение к поэту пушкинской поры.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Альми И. Л. 1961. Элегии Е. А. Баратынского 1819–1822. – Ленинградский государственный педагогический институт им. А. И. Герцена: Ученые записки. Т. 219 (Вопросы истории русской литературы). Л.: [б. и.].
- Анненков П. В. 1989. Литературные воспоминания. М.: Правда.
- Баратынский Е. А. 1936. Полн. собр. стихотворений: В 2-х тт. / Ред., комментарии и биографическая ст. Е. Купреяновой, И. Медведевой. Т. 1. М., Л.: Советский писатель.
- Белинский В. Г. 1953–1959. Полн. собр. соч.: В 13-ти тт. М.: Издательство Академии наук СССР.
- Бенедиктов В. Г. 1939. Стихотворения / Вступительная ст., ред. и примечания Л. Я. Гинзбург. Л.: Советский писатель.

- Березкин А. М. 2008. Авторские построения поэтических сборников Некрасова. – Некрасовский сборник. [Вып.] XIV. СПб.: Наука.
- Бодрова А., Велижев М. 2009. И. С. Тургенев – издатель Баратынского, или русские второстепенные поэты в 1854 г. – Тыняновский сборник. Вып. 13: Двенадцатые, тринадцатые, четырнадцатые Тыняновские чтения. М.: Водолей. С. 119–147.
- Баратынский Е. А. 2002. Полн. собр. соч. и писем. Т. 2. Ч. 1 / Ред. О. В. Голубева, А. Р. Зарецкий, А. М. Песков. М.: Языки славянской культуры.
- Вдовин А. 2007. Из биографического комментария к «гринвальдским» стихотворениям Н. А. Добролюбова. – Озерная текстология. Труды IV летней школы на Карельском перешейке по текстологии и источниковедению русской литературы. Поселок Поляны (Уусикирко) Ленинградской области: Петербургский институт иудаики. С. 74–88.
- Венгеров С. А. 1904. Примечания. – Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 12-ти тт. / Под ред. и с примечаниями С. А. Венгерова. Т. VII. СПб.: Типография „Общественная польза“.
- Винокур Г. О. 2002. Баратынский и символисты / Републикация, предисловие и примечания С. Г. Бочарова. – К 200-летию Баратынского: Сборник материалов научной конференции, состоявшейся 21–23 февраля 2000 г. М.: ИМЛИ РАН.
- Гельфонд М. М. 2012. «Читателя найду в потомстве я...»: Баратынский и поэты XX века. М.: Биосфера.
- Герцен А. И. 1954–1965. Полн. собр. соч.: В 30-ти тт. М.: Издательство Академии наук СССР.
- Гинзбург Л. Я. 1997. О лирике. М.: Интрада.
- Гоголь Н. В. 1952. В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность (1846). – Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: В 14-ти тт. Т. 8. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР.
- Дамский альбом. 1854. М.: Издание книгопродавца К. Круга.
- Дружинин А. В. 1987. Стихотворения Н. Некрасова. – Некрасов Н. А. Стихотворения 1856 / Изд. подготовила И. И. Подольская. М.: Наука.
- Иванов-Разумник Р. В. 1916. Поэзия бестрагичного и трагического (Белинский о Майкове и Баратынском). – Иванов-Разумник Р. В. Сочинения. Т. V. Пг.: Прометей. С. 170–176.
- Летопись жизни Н. А. Некрасова. 2006. В 3-х тт. Т. 1. СПб.: Наука.
- Литературное наследство 1949. Т. 53/54: Н. А. Некрасов. Кн. III. М.: Издательство Академии наук СССР.

- Литературное наследство 1950. Т. 56: В. Г. Белинский. Кн. II. М.: Издательство Академии наук СССР.
- Мельгунов Б. В. 1980. Из материалов к декабристской теме в архиве Некрасова. – Некрасовский сборник. [Вып.] VII. Л.: Наука.
- Некрасов Н. А. 1981–2001. Полн. собр. соч. и писем: В 15-ти тт. Л. – СПб.: Наука.
- Некрасов Н. А. 1987. Стихотворения 1856 / Изд. подготовила И. И. Подольская. М.: Наука.
- Отечественные записки 1854. Т. ХСIII. Отд. IV (Журналистика). СПб.: В типографии Королева и К°.
- Паперно И. 1996. Семиотика поведения: Николай Чернышевский – человек эпохи реализма. М.: Новое литературное обозрение.
- Панаева А. Я. 1986. Воспоминания. М.: Правда.
- Пушкин А. С. 1937. Полн. собр. соч.: В 16-ти тт. Т. 13: Переписка. 1815–1827. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР.
- Семенко И. М. 1970. Поэты пушкинской поры. М.: Художественная литература.
- Софийская М. Ю. 2010. Некрасовский семинар и первые некрасовские чтения в Пушкинском Доме. – Русская литература. № 1. С. 256–268.
- Степина М. Ю. Некрасова Зинаида Николаевна. – Энциклопедия «Некрасов и его окружение». СПб.: Наука (в печати).
- Щукин В. Г. 2002. Блеск и нищета «позитивной эротологии» (к концепции любви у Н. Г. Чернышевского). – Вопросы философии. № 1. С. 140–150.

ИДЕЯ АРЕНДЫ В ОБЩЕСТВЕННЫХ НАЧИНАНИЯХ ЛЬВА ТОЛСТОГО 1857 г.

Ю. И. Красносельская

(Москва)

Взаимосвязь философско-религиозных идей Л. Н. Толстого и художественных мотивов и образов его ранних произведений кажется толстоведам чем-то бесспорным¹; зависимость же его хозяйственных начинаний от «духовных» исканий еще требует внимательного изучения. Предметом нашего рассмотрения в настоящей статье будет один из примеров подобной зависимости: мы продемонстрируем, как анализ неудачных практических начинаний Толстого второй половины 1850-х гг. позволяет тем не менее выявить общую философскую идею, определяющую его поведение и мировосприятие в это время, и прояснить его политическую позицию.

I

Основой для наших построений стало наблюдение о сходстве – на первый взгляд, чисто внешнем – двух проектов Толстого, вынашиваемых им практически синхронно: оба относятся к осени 1857 г. Это, во-первых, проект аренды у Н. А. Некрасова журнала «Современник», а во-вторых – проект лесонасаждения по всей России и в виде опыта в Тульской губернии.

О первом мы узнаем из письма А. А. Фета В. П. Боткину от 29 ноября 1857 г.: «Еще план Толстого. Он хочет тебе писать о своем негодовании на редакцию Современника, которая увлеклась в свою очередь губительным для художества полицейским направлением Щедрина с братией. Это убьет вкус и занавозит головы публики.

¹ Из числа наиболее авторитетных исследований можно выделить: Густафсон 2003; Орвин 2006; Medzhibovskaya 2008.

Поэтому Толстой мечтал купить Современник, оставить в нем Островского, Тургенева, себя, забрать еще меня и передать тебе его чисто художественную редакцию, отстраняющуюся от всяких нехудожественных целей. Он уверен, что успех был бы и моральный и вещественный – именно потому, что последний стоял бы на втором плане. Фактически <?>: искусство для искусства: но увы! это только прекрасная химера, ты верно не возьмешь на себя этого труда. Только одного я не понимаю, для чего Толстой хочет, чтобы этот журнал был именно Современник, переведенный в Москву, за который надо платить прежнему редактору ежегодно 3 *тысячи*, да теперешним, как они хотят, по 3, итого 9-ть. Была бы живая мысль, а будет ли она прикрыта тем названием или другим, это все равно» (Литературное наследство 2008: 238).

Напомним, что это письмо пишется в эпоху стремительного и уже необратимого идеологического размежевания внутри «Современника». Толстой в это время сближается со сторонниками «чистого искусства» – А. В. Дружининым, Боткиным, Фетом и пытается бороться с радикализацией журнала, в котором он в 1852 г. блистательно дебютировал и в котором в 1857 г. тон задавал уже ненавистный ему Н. Г. Чернышевский. В настоящей работе нас будет интересовать хозяйственно-финансовая сторона этой борьбы, а именно конкретные шаги Толстого по переводу «Современника» «на себя»². Видимо, планы выкупа журнала носили не совсем умозрительный характер, коль скоро Толстой даже обсуждал с Некрасовым и И. И. Панаевым цену сделки³. Цифры, приводимые Фетом, кажутся вполне достоверными: в 1846 г. Некрасов и Панаев взяли журнал в аренду у П. А. Плетнева с обязательством уплачивать по 3 тыс. руб. ежегодно. Такая же сумма фигурирует и в толстовском проекте уплаты «прежнему редактору»;

² О проекте выкупа «Современника» см. также: Краснов 1976: 115–126; Литературное наследство 2008: 165–166; Мельгунов 1984: 178–188.

³ 21 декабря 1857 г. Е. Я. Колбасин, сообщая Тургеневу об идее Толстого и Фета издавать в Москве новый журнал, указывал, что об этом он узнал тоже от Некрасова. См.: Тургенев и круг «Современника» 1930: 343.

такую же, что вполне логично, потребовали для себя и редакторы «теперешние».

Таким образом, Толстой предполагал даже не столько купить «Современник», сколько взять его в долгосрочную аренду. Слово «купить» в письме Фета обусловлено, скорее всего, тем, что после заключения договора Некрасов с Панаевым переставали бы контролировать направление «Современника», как не контролировал его Плетнев, и превращались из полноправных редакторов в номинальных. Надежда на возможность такой сделки диктовалась, вероятно, тем, что осенью 1857 г. слухи о «падении» «Современника» и охлаждении к нему Некрасова и правда ходили в литературских кругах. Намерение Некрасова издавать новое популярное издание – газету «Правда» – было воспринято как желание отказаться от той «серьезной» литературной программы, которую проводил «Современник». 5 (17) ноября 1857 г. Боткин сообщал Фету: «Современник решительно беднее и слабее всех: судя по этому я думаю, что в будущем году подписка на него должна сильно уменьшиться. Вероятно, чувствуя это, Некрасов и заводит себе новый журнальчик, который будет несравненно более по его средствам, нежели Современник» (Литературное наследство 2008: 224).

Заметим, что, когда спустя десятилетие Некрасов будет обдумывать прекращение журнала или передачу его молодым сотрудникам (см.: Макеев 2009; Мельгунов 1984: 178–188), он выдвинет сходные условия аренды у него «Современника»:

«Я готов передать “Современник” с арендную платою по 9 т<ысяч> руб<лей> сер<ебром> в год, с тем что арендатор берет на себя долг журнала, а я устраниюсь от личного участия как по редакции, так и по изданию журнала.

Через десять лет арендатор освобождается от всякой платы мне и издает журнал исключ<ительно> в свою пользу.

Кроме означен<ных> 9 т<ысяч> арендатор должен принять на себя обязательство по контракту с г. Плетневым, т.е. просто контракт будет переведен на арендатора, который обяжется мне выплачивать г. Плетневу ежегодно 3 т<ысячи> руб<лей> с<еребром>» (Некрасов 1997: 255–256).

Бесспорно, толстовский план захвата журнала и идеологически, и экономически отличался от плана Ю. Г. Жуковского, М. А. Антоновича и Г. З. Елисеева (см.: Макеев 2009: 180), да и требования Некрасова к этому времени существенно возрастут (9 тысяч вместо прежних 3). И все же этот проект свидетельствует о расположении Некрасова к арендной форме передачи журнала другим лицам (по крайней мере, на первое десятилетие) и косвенно подтверждает, что какие-то переговоры с Толстым в 1857 г. действительно имели место.

Второй проект был еще более масштабным. Поскольку нам уже приходилось писать о нем, то, отсылая за более полной характеристикой к своей старой работе и другим исследованиям по данному вопросу (см.: Брынзов 1992: 200–205; Красносельская 2008; Семенов 1954; Costlow 2003: 91–118), напомним вкратце историю его создания и основные положения. Он был задуман, очевидно, в сентябре 1857 г. (см.: Толстой 1937: 218), а спустя месяц Толстой уже сообщает о нем Боткину и Тургеневу: в письме от 21 октября 1857 г. он пишет, что «затеял большое предприятие с казной касательно лесов, которое очень занимает меня» (Толстой 1949: 233). На другой день Толстой приезжает в Петербург, чтобы представить составленный им проект лесонасаждения в Министерство государственных имуществ. Очевидно, что именно во время этого недолгого визита в Петербург и должен был состояться разговор с Некрасовым относительно аренды «Современника». В дневнике Толстого этого времени о встречах с Некрасовым, министром государственных имуществ М. Н. Муравьевым и его товарищем А. А. Зеленым говорится, что называется, «через запятую»:

22 октября – «Утро к Министру, видел Зеленого и почему-то смутился. К Некрасову, тяжел».

23 октября – «Опять Зеленый. Дело туго идет. <...> Обедал у Некрасова» (Толстой 1937: 160–161).

В чем же состоял толстовский проект, который, судя по дневнику, ему не удалось убедительно представить в Петербурге? Согласно ему, один из отделов лесного хозяйства – «лесонасаждение или обсеменение», в настоящий момент состоящий в ведомстве

правительства, передавался в аренду вольным промышленникам. По мнению Толстого, это позволило бы сделать эту убыточную при государственном владении отрасль рентабельной. Предприниматель, получая под залог вырубленные участки с остающимися на них пнями на срок от 7 до 9 лет, обязывался очистить землю и засадить ее саженцами, после чего сдать обратно в казну (Толстой 1935d: 259–261). Для начала Толстой предлагал провести такой эксперимент в рамках Тульской губернии начиная с 1858 г. и в продолжение 18 лет (т. е., очевидно, двух десятилетий).

Этот проект озадачил друзей Толстого даже больше, чем план перекупки «Современника». П. В. Анненков в письме И. С. Тургеневу от 16 ноября 1857 г. остроумно и точно комментировал его: «На днях уехал отсюда Толстой, пробыв недельку. <...> Он приезжал показывать знатым господам свой проект заселения всей России лесами, причем для опыта просит отдать ему в аренду одну четверть ее» (Анненков 2005: 61).

Таким образом, описанные проекты оказывались сходными не только в экономическом отношении – их роднила и характерная для Толстого грандиозность. Не удивительно, что и судьба их оказалась печально сходной – проект аренды «Современника» был оставлен, а проект лесонасаждения, рассмотренный в январе 1858 г. Специальным Комитетом по Лесной части МГИ, отклонен (см.: Гусев 1938: 264).

Однотипность и синхронность «арендаторских» замыслов заставляет задуматься о возможных причинах обращения Толстого к такой форме экономических отношений. Лежащее на поверхности объяснение состоит в том, что, хотя недостатка в амбициозных планах общественного переустройства у Толстого никогда не было, в 50-е гг. у него не было и реальных возможностей для их осуществления. Жалобы на безденежье не раз звучат в дневнике 1857 г.: так, в сентябре Толстой активно занимается хозяйством и даже приобретает участок казенного леса, но тем не менее отмечает стесненность в средствах (см.: Толстой 1937: 155–158; Толстой 1949: 224). Когда в начале 1858 г. он предложит Боткину издавать уже особый, совершенно новый журнал в духе чистого искусства,

утверждая, что «деньги для издания дадим все – Тургенев, вы, Фет и я и т. д.» (Толстой 1949: 249), его приятели отреагируют скептически: как заметит Дружинин, «наш круг не трудолюбив, а денег приходится ему занять у французского короля...» (Толстой 1978: 276). Это, конечно, делало форму аренды чего бы то ни было более привлекательной по сравнению с обычной покупкой. Во-вторых, собственно покупка интересующих Толстого объектов могла быть невозможной: государство могло быть не заинтересовано в передаче «четверти» казенных лесов в частные руки⁴, а Некрасов (да и Плетнев) – в действительном отказе от приносящего доход и пользующегося успехом журнала⁵.

Однако поскольку Толстому в целом свойственно находить для своих поступков какую-то концептуальную – обычно религиозную – мотивацию, возникает соблазн подумать над тем, не лежит ли таковая и в основе данных проектов. Соответственно, закономерен вопрос об идеологическом и «философском» смысле арендной формы экономических отношений, о том, корреспондирует ли с идеей аренды определенный тип отношения к жизни или политических убеждений?

В поисках ответа кажется естественным обратиться к той области российской экономики середины XIX в., в которой чаще всего могли реализовываться основанные на аренде отношения или, точнее, применительно к которой вопрос об аренде ставился чаще всего. Мы имеем в виду землепользование, ведь в эпоху подготовки крестьянской реформы земельный вопрос становится самым злободневным, так что суждения по этой теме не могли быть объективны: они так или иначе выдавали идеологические предпочтения судящего. Правда, экономические взгляды могли

⁴ Вопрос о политике МГИ в сфере лесопользования требует специального рассмотрения. На самом деле, Муравьев допускал возможность приватизации казенной собственности, однако его планы в полном объеме осуществлены не были.

⁵ Вообще вопрос о «доходности» «Современника» достаточно сложен: М. С. Макеев, обратившись к анализу конторских книг журнала, доказывает его скрытую убыточность, однако связывает ее не с отсутствием или недостатком подписчиков, а с «нерациональной» финансовой политикой самого Некрасова как редактора (см.: Макеев, *в печати*).

корреспондировать с политической платформой весьма причудливым образом: еще Эйхенбаум, рассуждая о позиции Толстого по крестьянскому делу, отмечал, что политический консерватизм мог соседствовать с экономическим либерализмом (см.: Эйхенбаум 2009: 282), но сам факт пусть даже сложной корреляции бесспорен. Проанализировав, насколько предпочтение арендной формы взаимоотношений с, условно говоря, деловыми партнерами и государством маркировало идеологию арендатора, мы затем обратимся к хозяйственной практике Толстого в деревне и проанализируем ее под тем же углом. Это, в свою очередь, снабдит нас более надежным инструментом для оценки его арендаторских проектов, позволит выявить ту общую модель, которая лежит в их основе.

2

Два самых часто обсуждаемых (в том числе, когда речь идет о Толстом)⁶ сценария решения земельного вопроса – это, конечно, освобождение «с землей» и «без земли». Первый традиционно считается «прогрессивным», второй – «ретроградным». И тот, и другой вроде бы не предполагают аренды земли: в первом случае она передается крестьянам, во втором – остается у помещика. Однако, обратившись к специальным историческим исследованиям, мы увидим, что в действительности ситуация была гораздо более своеобразной и запутанной⁷.

Согласно Манифесту и Положениям 19 февраля 1861 г. о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, крестьяне были освобождены «с землей». Точнее, в течение 49 лет с момента заключения договора с помещиком они должны были выкупать земельный

⁶ См.: Эйхенбаум 2009: 281–294. О хозяйственной и общественной деятельности Толстого в деревне в 50–60-е гг. см. также, напр.: Крайнева 1980: 164–172; Крутиков 1999: 352–357; Крутиков 2000: 378–382; Тарасов 1953: 214–220; Тарасов 1978: 180–190; Easley 2003: 1–18.

⁷ Главной опорой в исторических разысканиях нам будут служить классические исследования Л. Г. Захаровой, И. А. Христофорова и М. Д. Долбилова; см.: Долбилов 2002; Захарова 1984; Христофоров 2002; Христофоров 2011.

надел, внося выкупные платежи государству, которое, в свою очередь, брало на себя обязательство возместить помещикам 75–80% стоимости отходящей от них земли путем выдачи им долгосрочных ценных бумаг. Тем самым государство гарантировало помещику компенсацию убытков, на которую тот едва ли мог надеяться, получая он всю сумму выкупных платежей непосредственно от крестьян. После окончания выкупа земля должна была перейти в собственность крестьянина или общины⁸.

Однако такое решение было найдено не сразу. План наделения крестьян полевыми наделами на правах частной собственности был принят только 4 декабря 1858 г. До этого момента основополагающим документом, определяющим правительственный курс по крестьянскому делу, был Высочайший рескрипт на имя виленского военного губернатора В. И. Назимова от 20 ноября 1857 г. Рескрипт и сопутствующее ему министерское «отношение» предполагали возможность личного освобождения крестьян и выкупа ими усадебной (прилегающей к дому) земли, то есть о выкупе полевых наделов речь еще не шла. Полевой надел предоставлялся крестьянину в пользование (постоянное или временное – неясно), за что он должен был уплачивать деньги или отбывать работу помещику. Этот компромиссный вариант освобождения хотя и был спустя год отвергнут правительством, сделался весьма популярен среди консерваторов. К середине 50-х гг. сторонников безземельного освобождения оставалось не так уж много: не только и не столько по причинам морального характера, но и потому, что, во-первых, «птичья», безземельная свобода была чревата бунтом, а во-вторых – не выгодна помещику экономически. Лично свободные и лишенные земли крестьяне могли просто уйти от помещика в поисках заработков, оставив его без вольнонаемных работников для обработки его собственных угодий. За крестьянскую «мобильность» ратовали преимущественно представители так

⁸ Вопрос о том, кем видели реформаторы свободного крестьянина – частным собственником или членом общины, является одним из самых обсуждаемых в современной науке. По всей видимости, законодатели намеренно оставляли этот вопрос открытым. См.: Долбилов 2002: 128–146; Христофоров 2011: 168–177.

называемой «аристократической оппозиции», состоящей из богатых землевладельцев, пропагандировавших развитие крупных аграрных хозяйств (см.: Долбилов 2002: 72–74, 80; Христофоров 2002: 43–50). Средние же и мелкие помещики, более озабоченные ситуацией в собственной деревне, чем «видами России», склонялись к тому, что крестьян лучше как-то привязать к земле – например, позволив им выкупить или предоставив в пользование определенный надел, но желательно небольшой, чтобы те по-прежнему нуждались в работе на помещика.

Впрочем, и «аристократы» в качестве примера образцовой организации земельных отношений нередко приводили английский вариант – фермерство, т. е. сдачу лендлордами участков земли отдельным арендаторам: «Идея <...> о благотворности фермерских хозяйств станет одной из популярнейших в среде консервативного дворянства. Подобно тому, как попечительство вотчинника противопоставлялось независимому от него крестьянскому самоуправлению, индивидуальное, фермерское владение считалось альтернативой владению общинному» (Христофоров 2002: 43). Такая форма хозяйствования оправдывалась, во-первых, идеологически: защитники идеи пользования крестьян землей утверждали, что это позволило бы сохранить патриархальные, почти «родственные» и подлинно христианские связи между землевладельцем и землепользователем. Во-вторых, эта идея имела важную экономическую составляющую, позволяя помещику и после освобождения крестьян регулировать ряд вопросов земельно-распределительного, налогового и другого рода. Таким образом, защитники идеи «попечительства» оказывались в экономическом отношении либералами, поскольку решительно защищали развитие индивидуальных хозяйств и частную собственность, противопоставляя их «устаревшему» общинному типу хозяйствования.

Легко объяснить, почему община казалась консерваторам опасной, конкурирующей с помещичьей формой местного управления. В пореформенных условиях она могла стать таким посредником в отношениях крестьянина и государства, который делал

бы фигуру помещика ненужной, принимая на себя решение всех возникающих в деревне проблем. В то время как арендные отношения предполагали прямой и индивидуальный подход помещика к крестьянину, община позволяла крестьянину добиться независимости от бывшего владельца. К тому же, идея общинного землепользования скрывала социалистическую подоплеку. Так, Чернышевский в статьях «О поземельной собственности» (Современник, 1857, №№ 9, 11) и «Критика философских предубеждений против общинного владения» (Современник, 1858, № 12) демонстрировал, что общинное хозяйство должно предполагать и государственную собственность на землю. В настоящее время, писал он, в силу развития промышленно-торговой деятельности и спекуляции частная собственность на землю (при которой человек владеет землей, на обработку и улучшение которой он затратил свой капитал) заменяется новой системой – фермерством по контракту: «при ней рента, возвышающаяся вследствие улучшений, производимых фермером, идет в руки другому лицу, которое или вовсе не участвовало, или только в самой незначительной степени участвовало своим капиталом в улучшении земли, а между тем пользуется всею прибылью, какую доставляют улучшения» (Чернышевский 1950а: 378). Считая такую систему несправедливой, Чернышевский приходит к выводу, что бороться с фермерством можно только посредством общины: «Общинное владение становится единственным способом доставить огромному большинству земледельцев участие в вознаграждении, приносимом землею, за улучшения, производимые в ней трудом» (Чернышевский 1950: 378). Рисуя идеальный тип хозяйствования, Чернышевский заключает, что «государственная собственность с общинным владением из всех форм собственности наиболее подходит к этому идеалу» (Чернышевский 1948: 434). К 1880-м гг. в правительственных кругах произойдет отчасти сходный идеологический поворот: поскольку значительная часть крестьян по-прежнему будет выплачивать (а чаще – не выплачивать) выкупные платежи, взносы приобретут характер скорее уплаты налога за землю, чем выкупа. По мнению общественного деятеля Д. Ф. Самарина, «выкупная

операция <...> никогда не была и не могла быть выкупом земли, а была выкупом повинности <...> Таким образом... право крестьян на земельный надел основывается не на *покупке*, а на *отводе его властью государства*, и наделная земля имеет характер собственности общественной»; «общественная собственность есть только вид собственности государственной» (цит. по: Христофоров 2011: 316).

Но уже и в период подготовки реформы правительство обвинялось в сговоре с революционной партией, воспринималось как сила, преследующая цель изъять у помещиков их собственность и направить ненависть крестьян на бывших владельцев. С точки зрения консерваторов, в идеале отношения помещика и крестьянина должны основываться на добровольных сделках, а не на директивном распоряжении сверху, предполагающем единую схему общероссийского, одновременного освобождения крепостных. Сказывалось здесь и то отрицательное отношение к чиновничеству, которое нашло отражение и в русской литературе от «Капитанской дочки» до «Войны и мира». Противники реформы полагали, что правительство стремится «узурпировать» право на крестьян (в юридическом и экономическом смысле) точно так же, как ранее уже узурпировало необъятные природные ресурсы. По мнению одного из столпов «аристократической» оппозиции гр. В. П. Орлова-Давыдова, само «крепостное право обусловлено тем, что государство считало нужным удерживать в своем владении огромные пространства казенной земли, изъяв их из сферы товарного производства» (цит. по: Христофоров 2002: 44). Соответственно, консерваторы оказывались сторонниками обратного процесса – приватизации. Передача казенных ресурсов в частную собственность позволила бы, по их мнению, изыскать огромные средства, необходимые для проведения крестьянской реформы – особенно если государство взяло бы на себя выкуп земли у помещика, что в условиях дефицита бюджета казалось почти неосуществимым.

Парадокс состоит в том, что, выдвигая подобные требования, консерваторы должны были признать, что без правительственного

посредничества освобождение невозможно. Они все больше осознавали, что, чем бесконечно выбивать платежи за землю непосредственно у крестьян (которые, почувствовав себя свободными, могли отказаться вообще что-либо кому-либо платить), лучше сразу или в обозримые сроки получить пусть даже «плохие» деньги от правительства (см.: Христофоров 2002: 140–141). Это, однако, предполагало согласие на выкуп земли. Иными словами, при переводе проблемы освобождения из абстрактно морального в практическое русло желанная дистанцированность от правительства, идея пользования землей и «попечительский» взгляд на крестьян оказывались мечтательством. Поэтому постепенно в среде рядовых помещиков идея пользования землей вытесняется идеей «развязки» с крестьянами. Правительство и помещики как бы поменялись позициями: если первое со временем стало склоняться к идее предоставления земли крестьянам в бессрочное пользование (напомним, что освобождение 1861 г. и предполагало добровольный, а не обязательный выкуп), то помещики все больше требовали четко определить границы их владений, выплатить им причитающиеся деньги (желательно, наличными) и окончательно избавить их от крестьян, т. е. делались активными сторонниками обязательного выкупа. «Макиавеллианский», по выражению Долбилова, план реформаторов и состоял в том, чтобы, пойдя навстречу идее «пользования», настолько запугать помещиков невыгодами его последствий, чтобы те сами запросили выкупа (см.: Долбилов 2002: 109–110, 115).

3

Этот исторический экскурс был необходим, чтобы разобраться в экономической и политической платформе Толстого второй половины 50-х гг., и логичным переходом от «теории» к пониманию толстовских арендаторских проектов будет обращение к его собственной помещичьей практике этого времени, попыткам реформировать отношения с крестьянами Ясной Поляны. Традиционный подход к этому сюжету, опирающийся на дихотомию

«освобождение с землей / без земли», в данном случае не работает, и именно он-то и не позволял увидеть в «аграрной политике» Толстого нечто подобное его проектам по аренде «Современника» и лесов.

Напомним основные вехи толстовской деятельности в деревне в 1856–58 гг. Весной 1856 г. Толстой пишет очень либеральный, как принято считать, проект освобождения, где предлагает передать крестьянам землю за выкуп (об этом см. также: Красносельская 2010: 92–96). В конце мая – начале июня он пытается осуществить эту программу, однако крестьяне отказываются от его предложений, не желая даже переходить с барщины на оброк, поскольку надеются на получение всей земли даром после коронации Александра II. К тому же, толстовский проект таил изъян, который, очевидно, также смущал крестьян, превращая предложенный им план освобождения в нечто эфемерное. Поскольку имение Толстого, подобно большей части имений в России, было заложено, то для его выкупа требовалось от 24 до 30 лет. Поэтому Толстой предлагал крестьянам на протяжении этого срока выплачивать как выкупные платежи, так и наемную стоимость земли правительству, а по выкупу земли она переходила в их частную собственность. Столь «отсроченная» свобода сильно не понравилась крестьянам (как будет и после освобождения 1861 г.): «Яков, белокрысы бойкий мужик, сказал, что никто не доживет до этого срока» (Толстой 1935с: 253). Таким образом, можно было либо отпустить крестьян сразу без земли (готовность Толстого на такой шаг демонстрирует известное письмо гр. Д. Н. Блудову от 9 июня 1856 г., в котором он выражает страх перед крестьянским восстанием и защищает безземельное освобождение; см. Толстой 1935с: 256), либо отсрочить свободу на годы, на протяжении которых крестьяне были бы не столько собственниками, сколько нанимателями земли. Причем в данном случае даже не вполне понятно, у кого они ее нанимают – у Толстого или государства? Так или иначе, Толстой в глазах крестьян оказывался «аферистом» (Толстой 1937: 77), самозванным посредником между ними и государственной властью, от которой они надеялись получить землю бесплатно и в скором будущем.

В результате Толстой приходит к выводу, что договориться об освобождении со всеми вместе и единовременно невозможно. В неудаче своего предприятия он винит не только либералов, под влиянием которых находился весной 1856 г., но и общину. Если по приезду в деревню Толстой настаивал на том, «чтоб дело я имел не с каждым отдельным крестьянином, а с обществом» (Толстой 1935с: 249), то постепенно он соглашается на то, чтобы «идти на оброк тем, которые хотят» (Толстой 1935с: 253). Ему все больше кажется, что вести переговоры с крепостными можно только в индивидуальном порядке, начав с наиболее понятливых и добросовестных. 13 июня он записывает: «С завтрашнего дня пойду по всем мужикам; узнаю о их нуждах и буду отдельно уговаривать в обязанные» (Толстой 1937: 81).

Эта схема приносит плоды: Толстой решает постепенно просто перевести крестьян с барщины на оброк («Контракт с ними невозможен, я решил одно – оброк». – Толстой 1935с: 258) и к осени 1857 г. налаживает хозяйство так, что, «будь завтра освобождение, я не поеду в деревню, и там ничего не переменится. Крестьяне платят мне за землю, а свою я обрабатываю вольными» (Толстой 1949: 233). По сути он приходит почти к такому типу отношений с крестьянами, который напоминал рескрипт Назимову и который, как кажется, устроил его даже больше, чем передача земли в собственность крестьянам. В неоконченном «Лете в деревне» (сентябрь 1858 г.), он, описывая свои планы по облегчению участи крестьян летом 1858 г., отмечает, что он «с новым рвением принялся за это дело», «когда случилось так счастливо, что основания освобождения, изложенные в Рескрипте, сходились совершенно с теми, которые я сам положил себе» (Толстой 1935b: 262).

Итак, в своих хозяйственных начинаниях Толстой проходит следующий путь: желание освободить крестьян с землей сменяется осознанием возможности даровать им лишь безземельную свободу, вследствие чего вырабатывается компромиссный вариант, позволяющий уменьшить социальную напряженность. Крестьяне получают некое подобие независимости от помещика, поскольку уже не обязаны обрабатывать его землю (как было при

барщинном хозяйстве); формула же «крестьяне платят мне за землю», как кажется, подразумевает, что взносы за находящиеся в крестьянском пользовании наделы рассматриваются Толстым даже не столько в качестве обязательной повинности (оброка), сколько в качестве арендной платы за земельные участки (rentы). Правда, Чернышевский, например, в статье 1-ой «О новых условиях сельского быта» (Современник, 1858, № 2) решительно протестовал против восприятия оброка как шага на пути к замене обязательного труда поземельной рентой (см. Чернышевский 1950b: 103–104), однако сам факт такого восприятия ренты оппонентом Чернышевского, влиятельным экономистом Л. В. Тенгоборским, подтверждает, что такого рода сближения, во-первых, делались, а во-вторых – воспринимались как проявление консерватизма. Важно, что об успешном устройстве дел в деревне Толстой сообщает в то же самое время, к которому относятся и его арендаторские проекты; более того, об этом говорится в том же письме Боткину и Тургеневу, в котором упоминается о «предприятии касательно лесов».

Как уже говорилось, в декабре 1858 г. была принята государственная программа освобождения крестьян с землей, заменившая рескрипт Назимову. Возможно, еще не зная об этом, но поддаваясь на усилившиеся вследствие этого решения слухи об отдаче земли крестьянам, Толстой пишет «Записку о дворянском вопросе» (об этом см.: Красносельская 2014: 15–28). В ней он упрекает правительство за следование уже устаревшему, несовершенному рескрипту, требует выкупа земли крестьянами и обнародования финансовых подробностей его проведения, которые, заметим, даже в распоряжении от 4 декабря отсутствовали. Видимо, упомянутое выше «Лето в деревне» потому и не было закончено, что в середине 1858 г. Толстой уже перестал полагаться на основания рескрипта: в сентябре 1858 г. он подписывает так называемое «Мнение 105 тульских дворян о наделе крестьян землею», в котором было выражено требование наделить крестьян землей и вознаградить помещиков посредством «финансовой меры, которая не влекла бы за собою никаких обязательных отношений между крестьянами и помещиками» (Современник 1858: 300–302).

Означает ли требование выкупа, что Толстой отказывается от «арендной» программы как оптимальной и вновь солидаризируется с либералами? Скорее нет. Как мы уже отмечали, такая эволюция – от защиты безземельной свободы – к идее пользования и, наконец, к требованию выкупа – была естественной и типичной как раз для консерватора. То, что было либерально в 1857 г. (выкуп), в конце 1858 г. оказывалось консервативно. История крестьянского дела сложна именно тем, что позиции вовлеченных в этот процесс лиц определялись не столько общими требованиями (выкупа, пользования, аренды и т. д.), сколько мотивировкой этих требований, временем их выдвижения и множеством других факторов. Толстой склоняется к идее выкупа в конце 1858 г. по той же причине, по которой в июне 1856 г. требовал безземельного освобождения – в силу желания поскорее решить затянувшийся вопрос и не допустить его кровавой развязки. В то же время само слово «выкуп» понимается им своеобразно – примерно в том же смысле он мог мечтать о «выкупе» «Современника». Об этом свидетельствует характерная оговорка в тексте «Записки о дворянском вопросе»: дворянство, пишет Толстой, «не отстаивая права на личность [крестьянина], наткнулось на пробел в обеспечении за землю и замедлило ход дела. Кто заплатит за право собственности или, пожалуй, права пользования, за землю, которую от нас отнимают? – спрашивает это большинство» (Толстой 1935а: 268).

Понимание права собственности как «пожалуй, права пользования», а не как настоящего выкупа земли, а также акцентирование того, что правительство «отнимает» землю у помещиков, в очередной раз подчеркивает уверенность Толстого в исторической и юридической принадлежности земли помещику и, соответственно, его убеждение, что именно передача земли в аренду крестьянам (при твердых гарантиях ее оплаты, конечно) являлась бы оптимальным решением.

Толстой оказывается вполне последователен в следовании консервативным взглядам на освобождение, в том числе в следовании противоречиям этого лагеря. Рассуждая, «кто заплатит за землю, отчуждаемую от помещиков» (Толстой 1935а: 266–267),

он обращается к идее, которую мы уже встречали у «аристократов», намекая на то, что государство неправомерно присвоило себе природные богатства и другие ресурсы: «То самое наше правительство, которое постоянно акапарировало в казенные руки всякого рода собственность: заводы, леса, земли и т. п., теперь упорно отказывается от принятия в свое ведение помещичьих крестьян с их землями и взыскания с них выкупа, который оно признает справедливым»; «Да пускай правительство, имеющее больше нас средств, получит эти деньги, мы ему верим, а сами не видим возможности взыскивать с крестьян, при новом их положении и при старом положении полиции: подати, как бы дешево мы ни оценили землю, в 4 [раза] больше, чем те, которые платят рядом государственные крестьяне» (Толстой 1935а: 268–269).

Это требование тем более курьезно (укладываясь в рамки идеологического поля, которое мы очертили), что первая часть «Записки» представляет собой гневную отповедь правительству, которое разрывает давнюю связь помещиков и крестьян, присваивая себе заслугу освобождения. Но в процитированном фрагменте Толстой требует, чтобы то же самое правительство, присвоившее себе природные богатства, приняло бы в свое ведение и крестьян, не забыв выплатить за них деньги помещикам (при том, что деньги можно было получить как раз за счет приватизации госимуществ, поскольку быстро собрать их с крестьян было невозможно).

В целом же, несмотря на эту парадоксальную апелляцию к правительству и нежелание заниматься «техническими» деталями освобождения, Толстой, конечно, считал претензии государственной власти на «души» крестьян неприемлемыми как в экономическом, так и в нравственном смысле. Разрабатывая план выкупа «Современника», Толстой, напомним, надеялся на успех «и моральный и вещественный – именно потому, что последний стоял бы на втором плане» (Литературное наследство 2008: 238). Точно так же и прочные отношения с крестьянами для него предполагают единство фактора «морального» и «вещественного» – «и именно потому, что последний стоял бы на втором плане». Таковую, наиболее предпочтительную для Толстого схему отношений с крестьянами

демонстрирует самый первый документ, отражающий увлечение писателя крестьянским делом – так называемая «Заметка о фермерстве», написанная весной 1856 г. В ней Толстой выступает за передачу земли еще не общине, а индивидуальным собственникам (фермерам), с тем чтобы помещик сохранил свою руководящую роль в деревне:

«Фермерство с оставлением земледельцов собственниками таких участков, при которых они не были бы поставлены в необходимость искать средств к пропитанию. –

При контракте всегда одна сторона имеет более прав и влияния на другую, и одна зависит от другой. –

В отношении контракта по обработке поземельной собственности, справедливее, чтобы работающая имела большее влияние. Так надо освободив крестьян поставить их. Для этого укрепить за ними необходимое количество земли. Укрепив ее, помещик будет в зависимости от их работы и принужден будет, – большой по величине, малый по незначительности, – отдать им. Кому он отдаст? Не всем равно. Способнейшим. – Выходит фермерство с собственностью. – Дворянин не может быть земледельцем, ибо будет на равне с низшим классом – вражда; демократия невозможна по неравенству образования. Двор[янин] будет же защит[ником] крестьян, потому что его земля будет в руках их» (Толстой 1935с: 241).

Как мы видим, несмотря на неоднократное повторение слова «собственность», Толстой и здесь использует терминологию, характерную для арендных отношений («контракт» по «обработке собственности», «его земля будет в руках их»), что мотивирует осторожный выбор тех, кому земля будет предоставлена. Очевидно, идеальная схема освобождения по Толстому выглядит как «личная свобода + пользование чужой собственностью». При таком варианте крестьянин оказывается обязан помещику «попечением» (юридическим, образовательным), а помещик крестьянину – заботой о его земле. Такой тип взаимоотношений способствовал бы не только благополучию, но и росту самосознания «способнейших» крестьян, в настоящий момент сдерживаемому общиной. Заметим, что сходные

идеи о нравственных обязанностях помещика развивал брат Толстого Дмитрий, составивший в 1849 г. записку под названием «Мои предположения хозяйственные деревни Щербачевки», сохранившуюся в архиве писателя. В ней Д. Н. Толстой называет себя «божественным хранителем, защитителем и руководителем на пути их <крестьян. – Ю. К.> земного звания» (цит. по: Гусев 1954: 662).

4

Возвращаясь к «арендаторским» проектам и рассматривая их в свете вышесказанного, мы видим, что осенью 1857 г. и личная практика Толстого, и правительственные распоряжения располагали к выбору им арендных (или «постоянно-пользовательских») отношений в качестве приоритетных. Данные проекты предполагали примерно такую же расстановку участников и идейную нагрузку, что и популярная в этот момент стратегия решения земельного вопроса. Толстому важно, чтобы улучшение, совершенствование того, что, с его точки зрения, нуждается в улучшении (участки под лесонасаждение или журнал «Современник») совершалось на чужой, не принадлежащей ему «территории». Журнал в духе чистого искусства должен быть именно «Современник», а не новый журнал; лесоразведением он не хочет заниматься только на принадлежащих ему землях, а хочет получить под этот проект «четверть России». В основе этих замыслов лежало, на наш взгляд, филантропическое представление молодого Толстого о необходимости совершенствовать то, чему он так или иначе обязан. Очевидно, что настойчивое желание арендовать «Современник» было обусловлено стремлением возродить подлинное направление некрасовского журнала, которое, с толстовской точки зрения, было искажено Чернышевским. Как член «обязательного соглашения» и писатель, обязанный своей славой «Современнику», Толстой чувствовал себя ответственным за судьбу журнала. Не случайно в это время он пытается и изнутри, безо всякого выкупа «перенаправить» «Современник» в эстетическое русло (об этом см.: Красносельская 2011: 190–200). Толстой и прежде пытался исполь-

зовать «Современник» для реализации собственных замыслов: когда в 1855 г. потерпел неудачу замысел журнала для солдат, Толстой обращается к Некрасову, предлагая ежемесячно предоставлять ему определенное число статей военного содержания при условии, что тот обязуется «печатать тотчас же все, что я ни пошлю вам» (Толстой 1935е: 297). Как тогда, так и теперь Толстому требуется чужая «площадка» для воплощения своих масштабных проектов, но при этом он стремится выговорить себе на ней полную свободу. Только он знает, как привести «Современник» к его «подлинному» направлению. Удерживать же его от анархического произвола на чужой территории должно чувство благодарности тем, кто ему ее предоставил, память о совместной работе: он помнит, что «Современник» – это журнал со своей историей, которую он и стремится поддержать, развить по мере своего ее понимания. Сходным образом крестьяне, получив возможность обрабатывать нужное им количество земли, должны не забывать, что исторически и юридически она принадлежит все-таки не им, а помещику, а возможностью не забывать они будут обязаны тому интеллектуальному и нравственному развитию, которое обеспечит им помещик.

Примерно тот же механизм имеет место в случае с лесонасаждением. Толстой доказывает выгодность предложенного им типа лесоразведения не только для предпринимателя, но и для государства, но требует, чтобы МГИ в течение срока аренды предоставило ему полную независимость на вверенных участках. В написанном после отклонения лесного проекта письме Зеленому от 16 апреля 1858 г. Толстой рассуждает, отчего огромный капитал, находящийся в земле и лесах, приносит убыток и основную причину этому находит в госмонополии (см.: Толстой 1949: 262). Сторонняя власть ему нестерпима так же, как и государственное вмешательство в дело освобождения, нивелирующее его заслуги перед крестьянами. В случае же с лесоразведением гарантией того, что предприниматель исполнит свои обязательства, а не испортит почву, является ограниченность аренды 9 годами и залог, который он предоставляет в МГИ.

Таким образом, толстовские проекты являлись не просто чудачеством, как решили его «литературные друзья», или выражением крайнего консерватизма. Им, как мы попытались показать, был присущ идейный подтекст, позволяющий видеть в Толстом скорее даже человека, озабоченного не только собственной выгодой, но и выполнением гражданских обязательств, веру в которые он под влиянием общественного подъема 1856 г. разделяет со своими современниками. Толстой стремится не к радикальной перестройке действительности, а к развитию данного с учетом его исторических корней, с учетом всего того, что *связывает* человека с прошлым, с народом, с государством, с природой. Идею «аренды» в толстовском понимании мы бы определили как попытку примирения, а не разъединения общественных сил, как редкую для Толстого попытку «встроить себя в систему». Любой проект, дарующий полную независимость одного из его участников от другого или вводящий ненужных посредников, разрушает эту хрупкую общественную гармонию, эту раннюю толстовскую утопию о братском сосуществовании людей разных сословий.

Неудача всех этих замыслов болезненно переживается Толстым, толкая его в сторону тотального отрицания, демонстративного отказа от социальных обязательств и требования «развязки». Так появляется у Толстого идея безземельного освобождения или обязательного выкупа; так весной 1858 г. он решительно отказывается использовать в качестве рупора «чистого искусства» «Библиотеку для чтения», настаивая уже на необходимости журнала без какой бы то ни было истории (см.: Толстой 1949: 267). В это же время он признает и невозможность реализации проекта лесонасаждения, написав, но так и не отправив свои возражения министерским чиновникам, отвергнувшим его проект. Идея возвращения чего-то живого, нового на подготовленной, удобренной им почве заменяется во время подобных «кризисов» ощущением, что никто никому ничем не обязан. Толстовский уход в 1859 г. из литературы и общественной жизни во многом явился закономерным следствием этого ощущения. Добавим, что и художественные произведения Толстого второй половины 1850-х – начала 1860-х гг. отображают

борьбу между двумя этими контрастными представлениями об отношениях личности и социума. Описание этой борьбы на литературном материале, воссоздание «арендаторской» модели миропонимания в толстовских рассказах этого времени – задача нашего будущего исследования.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Анненков П. В. 2005. Письма к И. С. Тургеневу. – Серия «Литературные памятники». Кн. 1. 1852–1874 / Изд. подготовили Н. Н. Мостовская, Н. Г. Жекулин. СПб.: Наука.
- Брынзов А. Е. 1992. «Лесной проект» Л. Н. Толстого. – Яснополянский сборник. Тула: Музей-заповедник Л. Н. Толстого «Ясная поляна». С. 200–205.
- Гусев Н. Н. 1938. К истории проекта лесонасаждения Л. Н. Толстого. – Летописи Государственного Литературного музея. Кн. 2. М.: Издательство Государственного Литературного музея. С. 262–265.
- Гусев Н. Н. 1954. Лев Николаевич Толстой: Материалы к биографии с 1828 по 1855 год / Отв. ред. М. К. Добрынин. М.: Издательство Академии наук СССР.
- Густафсон Р. Ф. 2003. Обитатель и Чужак. Теология и художественное творчество Льва Толстого. СПб.: Академический проект.
- Долбилов М. Д. 2002. Земельная собственность и освобождение крестьян. – Собственность на землю в России: История и современность / Под общ. ред. Д. Ф. Аяцкова. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН). С. 45–152.
- Захарова Л. Г. 1984. Самодержавие и отмена крепостного права в России 1856–1861. М.: Издательство Московского государственного университета.
- Крайнева И. Н. 1980. К изучению крестьянского вопроса в раннем творчестве Л. Н. Толстого (Из архивных источников). – Русская литература. № 2. С. 164–172.
- Краснов Г. В. 1976. К расколу редакции «Современника» в 50-е годы XIX в. (по новым материалам). – Проблемы истории общественной мысли и историографии: К 75-летию академика М. А. Нечкиной: Сборник статей / Отв. ред. Л. В. Черепнин. М.: Наука. С. 115–126.

- Красносельская Ю. И. 2008. Символика природы в творчестве Л. Н. Толстого 1850–60-х гг. в контексте литературных и общественно-политических полемик эпохи. Дисс. ... канд. фил. наук. М.
- Красносельская Ю. И. 2010. Свобода «отсроченная» и «немедлительная» (к вопросу о становлении идеи повести Л. Н. Толстого «Альберт»). – Материалы III Толстовского конгресса «Л.Н. Толстой и мировая культура». М.: Институт языков и культур им. Льва Толстого. С. 92–96.
- Красносельская Ю. И. 2011. «Альберт» Л. Н. Толстого как повесть для «Современника» (о литературном контексте и способах его создания). – Эпические жанры в литературном процессе XVIII–XXI веков: забытое и «второстепенное». VII Майминские чтения. 5–9 октября 2011 г. Т. 1. Псков: Издательство ООО «Логос-Плюс». С. 190–200.
- Красносельская Ю. И. 2014. Правительственные распоряжения по крестьянскому делу как источник «Записки о дворянском вопросе» Л. Н. Толстого. – Яснополянский сборник 2014. Т. 1. Тула: Музей-усадба Л. Н. Толстого «Ясная поляна». С. 15–28.
- Крутиков В. И. 1999. Л. Н. Толстой и яснополянские крестьяне (Попытка освобождения до реформы 1861 г.). – Яснополянский сборник 1998. Тула: Издательский дом «Ясная поляна». С. 352–357.
- Крутиков В. И. 2000. Освобождение крестьян Ясной Поляны в 1861 г. – Яснополянский сборник 2000. Тула: Издательский дом «Ясная поляна». С. 378–382.
- Литературное наследство 2008. Переписка А. А. Фета с В. П. Боткиным. 1857–1869 / Вступительная статья, публикация и комментарии Ю. П. Благовоиной. – А. А. Фет и его литературное окружение. Серия «Литературное наследство». Т. 103. Кн. 1. М.: ИМЛИ РАН. С. 156–542.
- Макеев М. С. 2009. Николай Некрасов: Поэт и Предприниматель (очерки о взаимодействии литературы и экономики). М.: МАКС Пресс.
- Макеев М. С. Конторские книги «Современника» 1860–1865 гг. – Некрасовский сборник. Вып. 15. СПб.: Наука (в печати).
- Мельгунов Б. В. 1984. К истории некрасовского «Современника» (1865–1867). – Русская литература. № 3. С. 178–188.
- Некрасов Н. А. 1997. <Проект возможной передачи «Современника» в аренду>. – Некрасов Н. А. Полн. собр. соч.: В 15-ти тт. Т. 13, кн. 2: Материалы редакционно-издательской и общественной деятельности. Открытые письма. Автобиографические записи. Семейно-имущественные документы и прочее. СПб.: Наука. С. 255–256.

- Орвин Д. Т. 2006. Искусство и мысль Толстого. 1848–1880. СПб.: Академический проект.
- Семенов К. С. 1954. История лесов Ясной Поляны за сто лет и задача сохранения и восстановления их. Автореферат дисс. ... канд. с.-х. наук. М. Современник 1858. № 12. Современные заметки. С. 300–302.
- Тарасов Н. 1953. Документы о Л. Н. Толстом. (Обзор материалов, хранящихся в государственном архиве Тульской области). – Литературная Тула. Литературно-художественный и публицистический альманах. Кн. 7–8. Тула: Областное книжное издательство. С. 214–220.
- Тарасов Н. П. 1978. Документальные материалы Л. Н. Толстого и о Л. Н. Толстом, хранящиеся в Государственном архиве Тульской области. – Толстой в Тульском крае. Тула: Приокское книжное издательство. С. 180–190.
- Толстой Л. Н. 1935a. [Записка о дворянстве]. – Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 тт. Т. 5. М.: Художественная литература. С. 266–270.
- Толстой Л. Н. 1935b. Лето в деревне. – Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 тт. Т. 5. М.: Художественная литература. С. 262–265.
- Толстой Л. Н. 1935c. [Писания, относящиеся к проекту освобождения яснополянских крестьян]. – Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 тт. Т. 5. М.: Художественная литература. С. 240–258.
- Толстой Л. Н. 1935d. [Проект по лесному хозяйству]. – Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 тт. Т. 5. М.: Художественная литература. С. 259–261.
- Толстой Л. Н. 1935e. Письма 1844–1855. – Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 тт. Т. 59. М.: Художественная литература.
- Толстой Л. Н. 1937. Дневники и Записные книжки 1854–1857. – Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 тт. Т. 47. М.: Художественная литература.
- Толстой Л. Н. 1949. Письма 1856–1862. – Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 тт. Т. 60. М.: Художественная литература.
- Толстой Л. Н. 1978. Переписка с русскими писателями / Сост., вступительная статья и примечания С. А. Розановой. Т. 1. М.: Художественная литература.
- Тургенев и круг «Современника» 1930. Из писем к Тургеневу Д. Я. и Е. Я. Колбасиных / Подг. Е. П. Населенко и М. Н. Мотовиловой. – Тургенев и круг «Современника». Неизданные материалы 1847–1861. М.; Л.: „Academia“. С. 243–362.
- Христофоров И. А. 2002. «Аристократическая» оппозиция Великим реформам. (Конец 1850 – середина 1870-х гг.). М.: Русское слово.

- Христофоров И. А. 2011. Судьба реформы: Русское крестьянство в правительственной политике до и после отмены крепостного права (1830–1890-е гг.). М.: Издательство «Собрание».
- Чернышевский Н. Г. 1948. О поземельной собственности. – Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: В 15-ти тт. Т. 4. М.: Государственное издательство художественной литературы. С. 349–469.
- Чернышевский Н. Г. 1950а. Критика философских предубеждений против общинного владения. – Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: В 15-ти тт. Т. 5. М.: Государственное издательство художественной литературы. С. 357–392.
- Чернышевский Н. Г. 1950b. О новых условиях сельского быта. (Статья 1). – Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: В 15-ти тт. Т. 5. М.: Государственное издательство художественной литературы. С. 65–107.
- Эйхенбаум Б. М. 2009. Лев Толстой: Исследования. Статьи / Сост., вступительная статья, общ. ред. проф. И. Н. Сухих; комментарии Л. Е. Кочешковой, И. Ю. Матвеевой. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ.
- Costlow, J. 2003. Imaginations of Destruction: The “Forest Question” in Nineteenth-Century Russian Culture. – *The Russian Review*. Vol. 62. No. 1. P. 91–118.
- Easley, R. 2003. Count L. N. Tolstoy, Peace Arbitrator 1861–1862. – *Tolstoy Studies Journal*. Vol. XV. P. 1–18.
- Medzhibovskaya, I. 2008. Tolstoy and the Religious Culture of His Time: A Biography of a Long Conversion, 1845–1887. Lanham: Lexington Books.

ОБ ИСТОЧНИКАХ СКАЗКИ

А. М. РЕМИЗОВА «СУЛТАНСКИЙ ФИНИК»

С. Н. Доценко

(Таллин)

Порок есть не что иное, как нарушение
порядка и отсутствие меры.

Мишель Монтень

Изучение эротических сказок А. М. Ремизова «Что есть табак» (1906), «Царь Додон» (1907), «Султанский финик» (1909) и «Чудесный урожай» (1912) невозможно без выявления их источников, как фольклорных, так и литературных. Отчасти это уже сделано в работах Греты Слобин (см.: Slobin 1991: 53–72), М. В. Козьменко (см.: Козьменко 1991: 75–76; Козьменко 1992: 175–187), И. Ф. Даниловой (см.: Данилова 2000: 618–707; Данилова 2007: 293–311; Данилова 2010: 173–232). Но многие мотивы по-прежнему остаются неисследованными и не очень понятными в свете их генезиса. В нашей статье речь пойдет о возможных литературных источниках сказки Ремизова «Султанский финик».

Главный сюжетный ход этой сказки – превращение героя, бедного купца Али-Гассана, в фаллос турецкого султана. Мечта Али-Гассана заключалась в следующем:

Ему непременно хотелось жениться, но так, чтобы жен у него было столько, сколько дней в году, и даже больше, а он только этим бы и занимался <...>. Озорники, подсмеиваясь над ним, говаривали, что его собственный турецкий финик для него дороже всех фиников земных и небесных. И были правы: все ведь мысли его были собраны на одном *этом* (Ремизов 2000, 2: 543; курсив мой. – С. Д.).

Гений, явившийся однажды Али-Гассану, пообещал выполнить три его желания.

Али-Гассан не заставил себя ждать.

– Хочу быть, – сказал он и по своей застенчивости показал знаком, – турецкого султана.

– Хорошо, – ответил Гений, – еще что?

– И чтобы никогда не опускаться.

– Ладно.

– А больше мне пока ничего не надо.

И не успел Али-Гассан затануться, как желание его осуществилось (Ремизов 2000, 2: 544).

Очевиден смысл эвфемизмов «турецкий финик» и «султанский финик» (или просто «финик»): все это обозначения фаллоса¹. Как указала Данилова, само выражение «султанский финик» (как обозначение восточной сладости) Ремизов почерпнул, возможно, из рассказа Н. С. Лескова «Интересные мужчины», где этот экзотический фрукт появляется в матримониальном контексте (см.: Данилова 2007: 294).

Эротические коннотации финика известны, однако, и в житийной традиции. Так, например, византийского юродивого Андрея Цареградского стал угощать финиками некий «отрочище, скопец сый, некоего велика мужа слуга». На что Андрей ответил: «Дара содомского родом похаби ясти не умеют». Тот не понял юродивого, посмеялся над ним, и тогда Андрей ответил: «Иди, неприазне, на ложе господина своего и делай с ним содомьский грех, и вдасть ти другия финики»².

¹ Еще один контекст мотива финика – семантика другого экзотического фрукта, ананаса, который воспринимался как «эмблема эротизма, нередко выступающая как прямая фаллическая метафора» (Абашев 2002: 92).

² См.: Великие Минеи Четьи, октябрь, дни 1–3, стб. 118–119. Житие Андрея Цареградского было помещено в ВМЧ, т. е. в книге, хорошо знакомой Ремизову с детства, о чем он сам свидетельствует в «Автобиографии» (1912 г.): «<...> Жития из Макарьевских Четий-Миней, – вот моя первая грамота и наука <...> я хорошо знал церковную службу, много житий всяких мучеников и подвижников и благоразумных разбойников» (Ремизов 1993: 439). См. также: «И, как помню себя, помню Макарьевские Четьи-Минеи – огромные, в кожаном переплете: с восковой свечей, капая, читаю в голос жития мучеников, о страстях их мученических и терпении» (Ремизов 1982: 12). Византийский святой Андрей Юродивый поминается также в рассказе Ремизова «Имя и страж» (см.: Ремизов 2001, 6: 106).

Развязка сюжета в сказке Ремизова «Султанский финик» следующая: в тот момент, когда исполнились два желания Али-Гассана, турецкий султан Фируз, уже давно утративший мужскую потенцию, «вдруг почувствовал такую полноту и крепость, от которой занимался дух, горели глаза и на побледневшем лице, как роза, расцвела улыбка» (Ремизов 2000, 2: 545).

Султан отправился в гарем, выбрал прекраснейшую из жен, и только тогда Али-Гассан понял свою ошибку. В последний момент он вспомнил о своем 3-м, последнем желании, которое мог исполнить Гений, и прошептал: «О, великий и всемогущий Гений, хочу быть Али-Гассаном!» (Ремизов 2000, 2: 545).

Прежде всего заметим, что у всех 4-х эротических сказок Ремизова есть 2 общих мотива:

1) *Гипертрофия фаллоса (его размеров и/или функции).*

Это приводит к нарушению некоторого равновесия, исходного положения вещей, т. е. – к беспорядку и безобразию. Возвращение же фаллоса к нормальному («естественному») размеру (и функциям) восстанавливает исходное равновесие, восстанавливает порядок и благолепие в мире («Что есть табак», «Султанский финик», «Чудесный урожай»)³.

Исключение составляет только сказка «Царь Додон», где недостача мужского органа соответствующего сверхчеловеческого

³ Мотив «меры» применительно к фаллосу встречается у Ремизова в книге «Петербургский буерак», где приведен такой диалог с В. В. Розановым: «“Вот вы восхищаетесь этим – я показал на ларец, который надо было закрыть и завернуть в дорогую шелковую пелену: “воздух”, как “частицу” мощей, – но ведь это мертвое, “бездыханное”, а я знаю живое и совсем не неприкосновенное и в ту же меру...”

– Кто? где?

– Да Потемкин.

– У какого Потемкина?

– Студент Петр Петрович Потемкин, пишет стихи: “папироска моя не курится...”

И уж за столом, никто ничего не заметил, как будто ничего и не было, только Вас. Вас. Розанов с застывшим недоумением загадочно пальцами раскладывал на скатерти *какую-то меру*, бормоча, считал вершки, продолжая чай и разговор о выставке, как бы мимоходом расспрашивал и о студенте Потемкине» (Ремизов 2003, 10: 225–226; курсив мой. – С. Д.). Очевидно, что поэт П. Потемкин (1886–1926) в ремизовской мистификации оказывается своего рода двойником князя Г. А. Потемкина, восковой слепок фаллоса которого и стал одним из поводов к написанию повести «Что есть табак».

размера нарушает порядок (гармонию) в царстве Додона, а изыскание такого органа эту гармонию должно восстановить. Исключительность этого сюжета вполне объяснима: здесь перво-причиной дисгармонии становится гипертрофия не мужского, а женского органа (у дочери царя Додона):

Уж готовились ударить во все колокола, готовилась царевна выбрать себе мужа, а царь зятя, как вдруг чей-то лихой глаз открыл в царевне такое... и когда про такое сват перешепнул на ухо свату, и с уха на ухо всем стало известно, всех такой отороп взял, и в миг весь Додонов двор ровно языком слизнуло. Повскакали женихи со сватами живо на коней, а свах кто за что – кто за седло, кто на хвост, и все до одного поминай, как звали! (Ремизов 2000, 2: 518).

2) *Превращение человека в фаллос, и/или наоборот.*

В повести «Что есть табак» от инока Саврасия остается только фаллос, который затем монастырская братия хоронит как мощи святого (здесь по принципу *pars pro toto* фаллос замещает человека):

По отбытии Богородицы, наложив на себя трехдневный пост, взялась братия за уды и возилась с ними смятенная, веруя Духу, что они Ньюховы. Омыла умершие, облекла в новые одежды, сложила во гроб и с пением, свечами и кадилом, отпев и отдав последнее целование, погребла их на святом месте лицом на восток солнца. Справив кутью, предалась братия подвигу, умерщвляя плоть свою и служа неусыпно панихиды над могилою (Ремизов 2000, 2: 534).

В сказке «Чудесный урожай» мужик Архип за 200 руб. продает фаллос вдове Пелагее Петровне, и ей этот «стержень» (фаллос) заменяет отсутствующего мужа. В сказке «Султанский финик» купец Али-Гассан в буквальном смысле слова превращается в фаллос турецкого султана. В сказке «Царь Додон» завязкой сюжета является гипертрофированный половой орган дочери царя Додона, который отпугивает всех женихов. Поэтому некий Лука находит ей жениха по прозвищу Табунный, у которого известный мужской орган («не-весть-что») столь больших размеров, что его приходится тащить при помощи 12 троек лошадей. А так как в сказке не говорится

о Табунном как о великане, то можно предположить, что этот персонаж наделен нормальным человеческим ростом, велик же только его мужской орган. Следовательно, в данном случае искомый «орган» (часть тела) во много раз превышает целое, т. е. самого владельца оно. Результат во втором случае очевиден: орган человека (фаллос) начинает выступать как нечто самостоятельное, вытесняющее и заменяющее своего владельца (особенно в «Чудесном урожае», где его владелец вообще отсутствует).

Правда, в 3-х случаях («Что есть табак», «Царь Додон» и «Чудесный урожай») речь идет скорее о *замещении* героя его же фаллосом. И только в сказке «Султанский финик» мы имеем дело с мотивом *буквального превращения* героя в фаллос (и наоборот).

Какой литературный текст является возможным источником этого мотива?

Нам представляется, что его источником является мадригал А. С. Пушкина «Красавице, которая нюхала табак» (1814)⁴. В частности, в конце этого стихотворения лирический герой мечтает о том, чтобы превратиться... в нюхательный табак:

Ах! если, превращенный в прах,
И в табакерке, в заточенье,
Я в персты нежные твои попастья мог,
Тогда б в сердечном восхищенье
Рассыпался на грудь под шалевый платок
И даже... может быть... Но что! мечта пустая.
Не будет этого никак.
Судьба завистливая, злая!
Ах, отчего я не табак!..
(Пушкин 1937, I: 45)

Пушкинское стихотворение завершается рядом эротических намеков, из которых самые смелые (и самые пикантные) скрываются многоточием. Но от этого не становятся менее очевид-

⁴ Стихотворение было впервые опубликовано В. А. Жуковским в 1841 г. (см.: Пушкин 1937, I: 440).

ными: лирический герой, превратившийся в нюхательный табак, оказывается вначале в табакерке, затем попадает в пальцы красавицы и рассыпается на ее *грудь*, «под шалевый платок»⁵. Дальнейший путь «героя-табака» не сообщается, но весь эротический подтекст недвусмысленно подсказывает его. Примечательно, что в другой редакции пушкинского стихотворения его эротический подтекст оказывается более явным:

Ах! если, превращенный в прах,
И в табакерке, в заточеньи,
Я в персты нежные твои попасться мог,
Тогда б в сердечном восхищеньи
Рассыпался на грудь *и, может, сквозь платок*
Проникнуть захотел... о сладость вожделенья...
До тайных прелестей, которых сам Эрот
Запирал за леса и горы,
Чтоб не могли нескромны взоры
Открыть вместилище божественных красот.
(Пушкин 1937, 1: 344–345; курсив мой. – С. Д.)

Мечта лирического героя пушкинского мадригала оказывается сродни мечте Али-Гассана из сказки Ремизова. Разница лишь в том, что у Пушкина речь идет о превращении героя в табак, у Ремизова – о превращении героя в «султанский финик» (фаллос турецкого султана). Общим является и мотив неосуществимости, в конечном счете, эротических мечтаний как героя ремизовской сказки, так и лирического героя пушкинского мадригала.

Трудно сказать, известен ли был Пушкину эротический подтекст мотива табака – «вредной травы зеленой» (как аттестует ее сам Пушкин)⁶. А вот Ремизову он был знаком очень хорошо. В повести

⁵ В духе пушкинского мадригала строит свою «эротическую» фразу и Хлестаков: «Как бы я желал, сударыня, быть вашим платочком, чтобы обнимать вашу лилейную шейку» (Гоголь 1951, 4: 75).

⁶ Эротический подтекст пушкинского мадригала создается мотивами, восходящими к рокайльной традиции любовного «языка цветов», усвоенной поэзией русского сентиментализма (см. об этом: Шарафадина 2001). Касаясь перехода на «табачную»

«Что есть табак» Ремизов использовал мотивы народных легенд, из которых следовало, что растение табак произошло (выросло) либо из трупа блудницы, либо из тела Дьявола, либо из трупа Иродиады, либо из внутренностей еретика Ария⁷. В своей повести «Что есть табак» Ремизов идет еще дальше: у него табак произрастает из уд умершего инок Саврасия, который и был на самом деле Дьяволом. Таким образом, устанавливается прямое происхождение табака из фаллоса Дьявола (см.: Ремизов 2000, 2: 535; Данилова 2010: 182–184, 213–214).

В 1945–1946 гг. Ремизов написал мемуарный очерк «О происхождении моей книги о табаке», который (с небольшими изменениями) вошел в его мемуарную книгу «Петербургский буерак». В очерке рассказывается в том числе об эпизоде, который послужил поводом к написанию повести-апокрифа «Что есть табак»: осмотре в 1906 г. на квартире художника К. А. Сомова «статуэтки» – так эвфемистически назван Ремизовым восковой слепок с фаллоса знаменитого князя Г. А. Потемкина: «Пенис Потемкина был сделан по воле Екатерины “для назидания обмельчавшему потомству” в точном размере и со всеми отличительными подробностями, с родимым пятном у “ствола расширения”, – восковой розовый слепок и хранится в Эрмитаже. Для публичного обозрения недоступен» (Ремизов 1983: 13). «В то время <т. е. в 1906 г. – С. Д.> я изучал апокрифы и у меня было целое собрание сказаний о происхождении табака. Особенно одно поразило меня – “слово святогорца” – табак выводился от такого вот потемкинского “орудия”. А что если написать мне такую отреченную повесть, а Сомову иллюстрировать по наглядной натуре. “Вот было б дело, – сказал Вас. Вас., – напиши!”

тему, автор статьи замечает, что в XVIII в. табакерки выполняли особую функцию – любовной почты: «Для нас же важно, что табакерка становится средством и интимного дружеского и в особенности модного любовного общения <...>» (Шарафадина 2001: 138). О возможном эротическом подтексте табака (как растения) в этой традиции речи не идет.

⁷ В примечании к повести «Что есть табак» Ремизов сообщал: «Разные народы по-разному толкуют происхождение табака: у русских он произрастает из трупа блудницы, у румын – из тела Дьявола, повесившегося от несчастной любви, у малороссов – из трупа Иродиады, а у сербов – из внутренностей Ария» (Ремизов 2000: 536).

К. А. Сомов согласен, он, как образец, возьмет потемкинское» (Ремизов 1983: 40).

В дальнейшем эротическая (фаллическая) семантика табака неоднократно будет обыгрываться Ремизовым. Например, в анекдоте из книги «Кукха. Розановы письма» (1923):

Именины Варвары Дмитриевны Розановой.

– Сыт, пьян и нос в табаке! – вот как полагается.

Вымазал я нос табаком Вяч. Иванову. А после ужина перевернул с помощью именинницы качалку с Н. А. Бердяевым. Бердяев ничего, только кашлянул, а Андрей Белый от неожиданности финик проглотил (Ремизов 2002: 56; более подробно см.: Доценко 2005: 179–187).

Главным героем ремизовского анекдота оказывается именно Вяч. Ив. Иванов. Скорее всего потому, что тема Эроса интересовала не только Розанова или А. Ремизова. Свою концепцию мистического Эроса создал и Иванов – она нашла отражение во многих его статьях и поэтических текстах⁸. Каково было отношение Ремизова к концепции Иванова? На этот счет у нас нет точных сведений. Но можно не без оснований считать, что Ремизов довольно скептически (более того – иронически) относился ко всем умозрительным концепциям, которые создавались теоретиками-символистами. Представляется, что и анекдот об Иванове, у которого «нос в табаке», является своеобразной полемической репликой в адрес символистских концепций Эроса, а особенно – в адрес одного из их создателей. Тогда абсурдность, бессмысленность анекдота – только кажущаяся. И фразу Ремизова «Вымазал я нос табаком Вяч. Иванову» (как и другую: «У Вячеслава Иваныча – нос в табаке...») можно тогда «перевести» примерно таким образом: «Я (Ремизов) утер нос теоретику мистического Эроса (т. е. Вяч. Иванову) моей немистической трактовкой Эроса (и всего эротического)

⁸ См.: Цимборска-Лебода 1997: 54–68; Цимборска-Лебода 2004. О постоянном интересе Вяч. Иванова к теме Эроса свидетельствует и Н. Бердяев: «Вспоминаю беседу об Эросе, одну из центральных тем “сред”» (Бердяев 1992: 322). См. также: Пономарева 1988: 87–90.

в повести «Что есть табак» (более подробно см.: Доценко 2005: 179–187).

Учитывая возможный пушкинский подтекст сказки Ремизова «Султанский финик», стоит напомнить, что реминисценции из «эротических» текстов Пушкина появляются у Ремизова неоднократно. В частности, сказка Ремизова «Царь Додон» явно отсылает к пушкинской «Сказке о золотом петушке» (см.: Данилова 2000: 683–684), которая в свете последних разысканий обнаруживает несомненный эротический подтекст (см.: Левинтон, Охотин 1991: 28–35; Безродный 1992: 23–26; Безродный 1994: 45–48; Эткинд 1995: 5–7; Проскурин 2000: 23–47; Проскурин 2002: s. p.). Но еще больше оснований считать источником ремизовского «Царя Додона» пушкинскую эротическую сказку «Царь Никита и сорок его дочерей» (см.: Данилова 2000: 680, 683–684; Козьменко 1992: 183)⁹. А сказка Ремизова «Чудесный урожай» содержит мотив, сходный с мотивом поэмы Пушкина «Граф Нулин»: в сказке Ремизова хозяин дома, старый генерал, ночью отправляется в спальню гости (вдовы Пелагеи Петровны), родственницы его сестры. Но эротическое приключение, о котором весь день мечтал генерал, кончается плачевно – он скоропостижно умирает, причем причиной его смерти становится тот самый «стержень» (фаллос), который вдова Пелагея Петровна купила у мужика Архипа. Впрочем, ситуация из «Графа Нулина» у Ремизова дана в обращенном варианте: в тексте Пушкина граф Нулин, будучи гостем в доме, отправляется ночью в спальню хозяйки, Натальи Павловны, где и терпит фиаско. Зато сходен финал обоих «приключений» – вождеющий герой оказывается ни с чем¹⁰.

⁹ И. Данилова приводит любопытный газетный анонс неизданной еще сказки Ремизова «о царе Додоне» (см.: Межа. 1908. 20 окт.), в котором сообщалось (как полагает исследовательница, со слов самого Ремизова): «материалом для сказки послужило народное сказание, тема сказки: – “Пушкинский царь Никита” – наоборот» (цит. по: Данилова 2010: 189).

¹⁰ Отметим важное обстоятельство: сказка Ремизова «Чудесный урожай» является переложением напристойной («заветной») народной сказки «Посев х..в» (см.: Афанасьев 1994: 102–109; № 31), но эпизод с генералом в прототексте отсутствует, он добавлен уже самим Ремизовым.

Возможным источником ремизовской сказки «Султанский финик» может быть также повесть Н. В. Гоголя «Нос»¹¹. Для этого предположения есть два основания: 1) у Гоголя часть тела (нос) фигурирует в качестве субститута владельца; 2) эта часть тела имеет имплицитные фаллические коннотации уже в тексте Гоголя, и более очевидные – в творчестве самого Ремизова (об эротическом подтексте мотива носа в творчестве Ремизова см. также: Безродный 1977: 107; Горный 1992: 192–209; Данилова 2010: 219–220)¹². В качестве примера приведем воспоминания Ремизова («Петербургский буерак») о чтении им своей повести «Неуемный бубен» в редакции журнала «Аполлон» (в конце 1909 г.):

По окончании заметно было оживление, но куда мне разобрать, и только председатель улыбкой показал, что все понимает: И. Ф. Анненский говорил по-латыни, Ф. Фр. Зелинский на языке Софокла, а Вяч. И. Иванов, думаю, на ассирийском Гильгамеша. Необыкновенное впечатление на Андрея Белого. На него накатило – чертя в воздухе сложную геометрическую конструкцию, образ Ивана Семеновича Стратилатова, костромского археолога, рассекая гипотенузой, он вдруг остановился – необыкновенное блаженство разлилось по его лицу: преображенный Стратилатов реял в синих лучах его единственных глаз.

– Да ведь это археологический фалл, кротко, но беспрекословно голос Блока. Блок выразился по-гречески.

Андрей Белый, ровно пойманный, заметался, он готов был выскочить из себя – и только улыбка Блока – «Иван Семенович Стратилатов воплощение археологического фалла», а он не заметил! и это правда! привело его в сознание (Ремизов 2003, 10: 194).

Образ Стратилатова (героя повести «Неуемный бубен») как «воплощения археологического фалла» лишний раз подчеркивает актуаль-

¹¹ Непосредственный источник сюжета сказки Ремизова «Султанский финик» пока не обнаружен. И. Данилова полагает, что «Ремизов пытался создать собирательный образ восточной сказки, комбинируя разные источники» (Данилова 2010: 197).

¹² См.: «В гротеске – и средневековом и античном – нос обычно означал фалл» (Бахтин 1990: 101).

ность для Ремизова мотива *перевоплощения (превращения)* человека в фаллос (см. более подробно: Данилевский 1986: 145–149). В финале повести «Неуемный бубен» превращение Стратилатова в фаллос показано достаточно откровенно:

А как прийти последнему часу, за минуту до смерти, <...> перестал бредить, да вдруг как вскочит с койки, выпрямился, вытянулся на своих жилистых тонких ногах, инда утроба вся вздрогнула, стойкий, этак стал открыто плешью к солнцу, <...> и как подкошенный повалился; пот выступил на переносице, и покатилась капля по носу, капля за каплею, выбрало у него свет – отемнело, и отошел в вечную жизнь (Ремизов 1995: 298–299)¹³.

Представляется вполне убедительной и догадка Е. Р. Обатниной о том, что мемуарный очерк Ремизова «О происхождении моей книги о табаке» испытал влияние повести Гоголя «Нос» (в частности, речь идет об использовании Ремизовым гоголевского приема): «<...> Совершенно откровенные детали первой редакции этой истории 1946 года, получившей название “О происхождении моей книги о Табаке”, наводят на мысль, что и в этом варианте автор – непревзойденный мастер “непрямого высказывания” – также обратился к гоголевскому приему, в данном случае “заимствованному” из повести “Нос”. Фарсовый характер ремизовского повествования, смысловая пружина которого держится на образе фалла, своевольно путешествующего по Петербургу, усиливает буквальность аналогии. В двух текстах – множество рифм, даже тех, что образуются независимо от воли их авторов. Рассказу Ремизова предшествует реальная история, связанная с обнаружением восковой “модели” потемкинского пениса. Существует гипотеза, будто и гоголевская повесть появилась на свет, благодаря секретным сведениям об изготовлении уникального ринологического протеза. Обе истории – одна, фантастическая, другая, трансформировавшаяся из реальной в мифическую, начинались по соседству:

¹³ Как показал А. Данилевский, главным прототипом образа Стратилатова стал страстный эротоман В. Розанов (см.: Данилевский 1987: 150–165).

хлеб с носом майора Ковалева обнаруживается на Вознесенском проспекте, а футиляр с копией фалла графа Потемкина был доставлен в квартиру А. И. Сомова – на Екатерингофский, 97. Появление некоего господина, оказавшегося носом несчастного майора, знаменует раздвоение героя. Его синекдохическая часть превращается в самозванца, выдающего себя за высокопоставленное лицо. Схожую метаморфозу переживает и легендарный потемкинский фалл. Автор анекдота вовремя подпускает сплетню, и живым носителем “сверх божеской меры” становится безродный студент Петр Петрович Потемкин, славившийся ростом, бездарными стихами и эпатажным поведением на вечерах молодых поэтов. Слух о тайной демонстрации музейной редкости распространяется по Петербургу так же самопроизвольно, как и нос Ковалева (который, оставив лицо своего хозяина, появлялся в разных частях города): “...пенис Потемкина, сначала робко шопотком, осмелевая, уже нагло входил к знакомым и незнакомым, распоряжался по-свойски. Он являлся под разными именами, сохраняя свою неистовую природу” (Обатнина 2000: 205–206).

Кроме того, ремизовские повесть «Что есть табак» и сказка «Султанский финик» определенно перекликаются и с повестью Гоголя «Записки сумасшедшего». Например, невозможность брака чиновника Поприщина с дочерью директора департамента завершается мотивом его помешательства, и в его записках появляется *восточный* (алжирский) колорит, в частности, совершенно бессмысленный, казалось бы, мотив шишки под носом алжирского дея: «А знаете ли, что у алжирского дея под самым носом шишка?» (Гоголь 1938, 3: 700; ред. «Арабесок»)¹⁴. Должен быть учтен и другой «восточный» (теперь уже турецкий) мотив повести: «Всё это честолюбие и честолюбие оттого, что под язычком находится маленький пузырек и в нем небольшой червячок величиною с булавочную головку, и это всё делает какой-то цирюльник, который

¹⁴ В фольклорной традиции шишка также может иметь фаллический смысл: «Еловая шишка – символ огня жизни, начала, восстановления здоровья; в ряде традиций ассоциируется с фаллосом» (Топоров 1982: 370).

живет в Гороховой. Я не помню, как его зовут. Но главная пружина всего этого турецкий султан, который подкупает цирюльника и который хочет по всему свету распространить магометанство» (Гоголь 1938, 3: 210)¹⁵.

Нам представляется, что «шишка под носом» вполне могла спровоцировать появление (учитывая фаллические коннотации носа) родинки на соответствующем органе старца Нюха в повести «Что есть табак»:

Дух клялся перед мощами, что они <срамные части Саврасия. – С. Д.> Нюховы, и для верности клятвы показывал *родинку у ствола расширения*, но одна из соблазненных праведных жен, осквернившая в ту ночь девство свое и несытно и неудержанно творившая блуд в бане, клялась Богородице, что они Саврасиевы и родинка Саврасиева, хорошо упомянула (Ремизов 2000, 2: 534; курсив мой. – С. Д.)¹⁶.

Нам уже приходилось писать о прагматике ремизовских эротических сказок. В частности, о том, что сам автор подчеркивал их святочную приуроченность и тем самым указывал на их воспитательно-назидательную функцию (см. подробнее: Доценко 2004: 125–131)¹⁷.

¹⁵ Мотив табака в «Записках сумасшедшего» находится на периферии и не имеет эротического подтекста. Разве что отметим примечательное соседство табака и нюха(нья): «Англичанин большой политик. Он везде юлит. Это уже известно всему свету, что когда Англия нюхает табак, то Франция чихает» (Гоголь 1938, 3: 213).

¹⁶ Кстати, само имя ремизовского персонажа (Нюх) может означать просто «нос». См. у В. Даля: «Нюхало – чихало, нос» (Даль 1956, II: 564). Кроме того, И. Данилова обнаружила еще один бесспорный источник ремизовского апокрифа «Что есть табак» – традицию лубочных картинок (Данилова 2007: 293–311; Данилова 2010: 214–223). В свете гоголевских мотивов апокрифа Ремизова отметим, что мотив носа в повести Гоголя «Нос» также, возможно, восходит к лубочным картинкам (см.: Плетнева 2003: 152–163).

¹⁷ Душеспасительная функции повести Ремизова «Что есть табак» подтверждается, в частности, теми фрагментами автографа, которые не вошли в окончательный текст. Это прежде всего эпиграф: «И почерпнет воду с веселием от источник спасения» (цит. по: Козьменко 1992: 241), а также изъяснение от автора-переписчика (Ремизова): «Сия повесть или сказание о табаке и о святой и богоспасаемой горе Судимой и о всех чудотворных местах и о каверзном и злом Диаволе Саврасии и о прочих его

Однако ответа требует следующий вопрос: чем объяснить многочисленные реминисценции из произведений Пушкина и Гоголя, которые Ремизов использует в своих эротических «сказах»? Позволим себе предложить следующую гипотезу. К началу XX века эротические тексты в русской культурной традиции по-прежнему оставались запрещенными (или, как выразился бы сам Ремизов, «отреченными»), и публикация их в России была невозможна. Требовалось преодолеть культурное табу, а по сути дела – легализовать эротическую литературную традицию (а заодно и фольклорную эротическую традицию). Не случайно Ремизов воспринимает издание своей книги «Заветные сказы» в Петрограде в 1920 г. как первый камень, положенный в основание новой традиции. Таков смысл ремизовского инскрипта на экземпляре этого издания, адресованного С. П. Ремизовой-Довгелло:

В оправдание этой книги приходится говорить: только величайшее невежество и щелиная узость увидит здесь кощунство и похабство – нет, *это первый камень для создания большой книги Русского Декамерона*. Я знаю, мне не суждено это сделать – не успею, но я вижу такую книгу, и начало ее будет не чума, а 18–19 год (Ремизов 1992: 21; курсив мой. – С. Д.).

Аналогия с «Декамероном» Дж. Боккаччо здесь не случайна, ведь именно Боккаччо одним из первых заложил основание европейской *эротической* литературной традиции в эпоху Ренессанса, а своей знаменитой книгой сделал эротическую литературу составной частью европейской классики. Ремизов прекрасно понимал, что попытка легализации в русской литературе «эротических» («похабных») мотивов и сюжетов вызовет очевидный (и закономерный) протест консервативного читателя¹⁸, поэтому он апеллирует к тому

злоумышлениях и пакостях списана любезному охотнику *в прочтение для пользы и спасения души и тела* <курсив мой. – С. Д.> генваря от 21–29 дня 1907 года. А где буде описался, и вы духовны Бога ради исправляете собою духом кротости, а не кляните мя грешного» (цит. по: Козьменко 1992: 241).

¹⁸ В инскрипте на книге «Царь Додон» (Пг., 1921) Ремизов упоминает об эпизоде, связанном с ее изданием: «Книжка вышла, когда жили на Троицкой. Рабоч<е>-

опыту русской эротики, который представлен в творчестве русских классиков, Пушкина и Гоголя, тем самым опираясь на их высокий литературный авторитет.

В книге «Огонь вещей» (1954) он будет афористичен: «С Пушкина все начинается, а пошло от Гоголя» (Ремизов 2002, 7: 247).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абашев В. 2002. Ананас на русской почве: О стихотворении Андрея Белого «На горах». – Славянские чтения. [Вып.] II. Даугавпилс; Резекне: Издательство Латгальского культурного центра. С. 82–101.
- Афанасьев А. Н. 1994. Русские заветные сказки. СПб.: ТОО «Бланка», АО «Бояныч».
- Бахтин М. М. 1990. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература.
- Безродный М. 1977. Генезис лейтмотивов у А. М. Ремизова. – Сборник трудов СНО филологического факультета: Русская филология. [Вып.] V. Тарту: [Тартуский государственный университет]. С. 98–109.
- Безродный М. 1992. Жезлом по лбу. – Wiener Slawistischer Almanach. Bd. 30. С. 23–26.
- Безродный М. 1994. Жезлом по лбу. – Литературный процесс и развитие мировой культуры: Материалы и тезисы конференции 30. III.–2. IV. 1992. Таллинн: Aleksandra. С. 45–48.

крест^{сьянская} инспекция возбудила дело по заявлению какой-то: “у наших детей нет учебников, а тут какую-то похабщину издают, бумагу тратят”. А писалось давно, в 1907 г. Материалом послужила народная сказка» (Волшебный мир Алексея Ремизова 1992: 21). В очерке «О происхождении моей книги о табаке» Ремизов также вспоминает этот эпизод, но привязывает его к изданию книги «Заветные сказы» (Пб.: Алконост, 1920): «Посланный из типографии с клишэ задумал позабавить каких-то своих товарищей: развернул пакет и при всей честной публике показал потемкинский пенис... Кто удивлялся, кто ахал, и хохотали во все грохота. А проходили какие-то из фабричной инспекции. Видят толпа и гогочут. Остановились. В чем дело? – Да прямо на пенис... “Что за безобразие?” И сейчас же посланного: “куда и зачем”. Посланный только и мог сказать: “Из типографии в Госиздат к товарищу Ионову». Свернул пакет и пошел. И те пошли себе. Но этим дело не кончилось, а только начинается. А на другой день к Ионову “делегация от баб”. “Как это так, – говорят, – нашим детям нет бумаги для учебников, а на пенисы находится!” И пошли крыть. Ионов попробовал было вступить за бумагу, что на таких бумагах учебники не печатаются и бумаги-то такой на книгу не набрать – обрезки. Да с бабами нешто сговоришь: наладили свое: пенис... пенис... пенис... – “на пенис небось находится!”» (Ремизов 1983: 48–49).

- Бердяев Н. 1992. «Ивановские среды». – Иванова Л. Воспоминания: Книга об отце / Подготовка текста и комментарий Дж. Мальмстада. М.: РИК «Культура». С. 319–323.
- Волшебный мир Алексея Ремизова: Каталог выставки. СПб.: Хронограф, 1992.
- Гоголь Н. 1938. Полное собр. соч.: В 14 т. Т. 3. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР.
- Гоголь Н. 1951. Полное собр. соч.: В 14 т. Т. 4. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР.
- Горный Е. 1992. Заметки о поэтике А. М. Ремизова: «Часы». – В честь 70-летия проф. Ю. М. Лотмана: Сборник статей. Тарту: Эйдос. С. 192–209.
- Даль В. И. 1956. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. II. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей.
- Данилевский А. 1986. *Mutato nomine de te fabula narratur*. – Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 735. С. 137–149.
- Данилевский А. 1987. Герой А. М. Ремизова и его прототип. – Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 748. С. 150–165.
- Данилова И. 2000. [Примечания]. – Ремизов А. Собр. соч. Т. 2: Докука и балагурье. М.: Русская книга. С. 618–707.
- Данилова И. 2007. Об именах у Ремизова: Старец Гonosий и другие. – *Varietas et concordia: Essays in Honor of Professor Pekka Pesonen on the Occasion of his 60th Birthday*. Helsinki: Helsinki University Press. С. 293–311 (*Slavica Helsingiensia*. Vol. 31).
- Данилова И. 2010. Литературная сказка Алексея Ремизова: (1900–1920-е годы). Helsinki: Helsinki University Press. (*Slavica Helsingiensia*. Vol. 39).
- Доценко С. 2004. Три заметки о А. Ремизове: 3. К вопросу о художественной функции «Заветных сказов» А. Ремизова. – Вторая проза: Сборник статей. Таллинн: TPÜ Kirjastus. С. 125–131.
- Доценко С. 2005. К проблеме дешифровки одного анекдота из мемуарной книги А. Ремизова «Кукха». – Русская литература. № 1. С. 179–187.
- Козьменко М. 1991. Заветные сказы Алексея Ремизова. – Литературное обозрение. № 11. С. 75–76.
- Козьменко М. 1992. Удоноши и фаллофоры Алексея Ремизова / Предисловие и комментарий М. Козьменко. – Эрос. Россия. Серебряный век. М.: Серебряный бор. С. 175–247.

- Левинтон Г. А., Охотин Н. Г. 1991. «Что за дело им – хочу...»: О литературных и фольклорных источниках сказки А. С. Пушкина «Царь Никита и 40 его дочерей». – Литературное обозрение. № 11. С. 28–35.
- Обатнина Е. 2000. «Эротический символизм» Алексея Ремизова. – Новое литературное обозрение. № 43. С. 199–234.
- Плетнева А. 2003. Повесть Н. В. Гоголя «Нос» и лубочная традиция. – Новое литературное обозрение. № 61. С. 152–163.
- Пономарева Г. М. 1988. Концепция Эроса и «среды» Вяч. Иванова. – Литературный процесс и проблемы литературной культуры. Таллин: [Таллинский педагогический институт им. Э. Вильде]. С. 87–90.
- Проскурин О. 2000. «Сказка о Золотом петушке» А. С. Пушкина и русская непристойная поэзия. – *Russica Romana*. Vol. 7. С. 23–47.
- Проскурин О. 2002. «Сказка о Золотом петушке» и русская непристойная поэзия. – Русский журнал. 2002. 5 июля; 12 июля [<http://www.read.in.ua/book214983/>].
- Пушкин А. 1937. Полное собр. соч.: В 16-ти тт. Т. 1. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР.
- Ремизов А. 1982. Россия в письменах. Т. I. New York: Russica Publishers, Inc.
- Ремизов А. 1983. О происхождении моей книги о табаке. Что есть табак. Paris: Tchijoff.
- Ремизов А. 1992. Волшебный мир Алексея Ремизова: Каталог выставки. СПб.: Хронограф.
- Ремизов А. 1993. [Автобиографии. 1912; 1913]. – Лица: Биографический альманах. [Вып.] 3. М.; СПб.: Феникс; Atheneum. С. 437–445.
- Ремизов А. 1995. Избранные произведения. М.: Панорама.
- Ремизов А. 2000. Собр. соч. Т. 2: Докука и балагурье. М.: Русская книга.
- Ремизов А. 2001. Собр. соч. Т. 6: Лимонарь. М.: Русская книга.
- Ремизов А. 2002. Собр. соч. Т. 7: Ахру. М.: Русская книга.
- Ремизов А. 2003. Собр. соч. Т. 10: Петербургский буерак. М.: Русская книга.
- Топоров В. Н. 1982. Растения. – Мифы народов мира: Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия. Т. 2. С. 368–371.
- Цимборска-Лебода М. 1997. Эрос в творчестве Вячеслава Иванова: Этика и онтология любви. – Культура русской диаспоры: Саморефлексия и самоидентификация. Материалы международного семинара. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus. С. 54–68.
- Цимборска-Лебода М. 2004. Эрос в творчестве Вячеслава Иванова: На пути к философии любви. Томск; М.: Водолей Publishers.

- Шарафадина К. 2001. Игра «во вкусе *rosoco*» в мадригале Пушкина «Красавице, которая нюхала табак» (1814). – Русская литература. № 4. С. 118–141.
- Эткинд А. 1995. Молодцы: От «Золотого петушка» к «Серебряному голубю» и обратно в «Петербург». – Wiener Slawistischer Almanach. Bd. 36. S. 5–47.
- Slobin, G. 1991. Remizov's Erotic Tales: Stylisation and Subversion. – The Short Story in Russia 1900–1917 / Ed. by Nicholas Luker. Nottingham: Astra Press. P. 53–72.

О ПОНЯТИИ ФОНЕМА У МАНДЕЛЬШТАМА. ИЗ КОММЕНТАРИЯ К СТАТЬЕ «О ПРИРОДЕ СЛОВА»

Л. Э. Найдич
(Иерусалим)

Данная заметка представляет собой комментарий к одному из пассажей статьи О. Э. Мандельштама «О природе слова». Она может дополнить и расширить толкование этого эссе, а возможно, будет способствовать пониманию и других текстов Мандельштама. Приведем рассматриваемый текст.

Как же быть с прикреплением слова к его значению: неужели это крепостная зависимость? Ведь слово не вещь, его значимость нисколько не перевод его самого. На самом деле никогда не было так, чтобы кто-нибудь крестил вещь, называл ее придуманным именем.

Самое удобное и правильное – рассматривать слово как образ, то есть словесное представление. Этим путем устраняется вопрос о форме и содержании, буде фонетика – форма, все остальное – содержание. Устраняется и вопрос о том, что первичнее – значимость слова или его звучащая природа? Словесное представление – сложный комплекс явлений, связь, «система». Значимость слова можно рассматривать как свечу, горящую изнутри в бумажном фонаре, и обратно, звуковое представление, так называемая фонема, может быть помещена внутри значимости, как та же самая свеча в том же самом фонаре (Мандельштам 1990: 183).

В этом тексте имеется одно слово-сигнал, на который лингвист, особенно представитель Петербургской (Щербовской) школы, сразу реагирует, – а именно слово «фонема». Поскольку статья Мандельштама была написана в 1921–1922 годах, а некоторые ее идеи восходят к годам учебы Мандельштама в университете, нет сомнений, что

здесь речь идет об учении И. А. Бодуэна де Куртенэ – основателя фонологии и одного из первопроходцев структурализма в языкознании. Если само слово «фонема» и существовало до Бодуэна, применяясь весьма ограниченно, то оно означало «звук», «фон», “Sprachlaut”. Даже у Фердинанда де Соссюра это понятие не имеет того значения, в котором оно используется сегодня и которое было придано ему Бодуэном. К теории фонемы (фонологии) были близки некоторые лингвисты, работавшие в рамках младограмматической школы – Йост Винтелер, Эдуард Сиверс, Генри Суит, но только Бодуэн впервые показал различие понятий *фонема* и *звук языка*. Впоследствии его теорию развил его ученик Л. В. Щерба, а представители Пражской школы Н. С. Трубецкой и Р. О. Jakobson разработали фонологию, основанную на теории оппозиций, и сделали ее достоянием европейской, а отчасти и американской лингвистики.

Преподавательская деятельность Бодуэна де Куртенэ в Петербурге – Петрограде охватывает период 1900–1918 гг. Важнейшим ее аспектом был курс общего языкознания (Введение в языковедение) – новаторский во всех отношениях, в том числе и по самой идее обобщенного теоретического подхода к проблемам языка. Этот курс относился к общефакультетским, обязательным для всех отделений историко-филологического факультета. До этого в русских, как и в зарубежных университетах в рамках филологических программ было принято преподавать лишь отдельные, чаще всего древние, языки¹. Ф. де Соссюр в Женеве и Бодуэн де Куртенэ в Казани и Петербурге сделали общее языкознание важнейшей гуманитарной дисциплиной. Известно, какое большое впечатление производили на студентов лекции Бодуэна и его личность. «Не говоря об оригинальности Бодуэна как ученого, к нему особенно привлекала его манера преподавания, состоящая в том, что он зачастую как бы думал вслух перед своими слушателями. А так как он обладал совершенно исключительной способностью к комбинированию фактов и к их интуитивному обобщению, то его лекции и беседы действовали в выс-

¹ На это обратил мое внимание в частной беседе Лев Рафаилович Зиндер, у которого я имела счастье учиться.

шей степени возбуждающим образом на мысль...» (Щерба 1957: 86). Очевидно, идеи Бодуэна произвели впечатление и на студента Осипа Мандельштама.

Мандельштам поступил на Романо-Германское Отделение Историко-Филологического факультета Петербургского университета в 1911 году. О том, что он слушал лекции Бодуэна де Куртенэ, говорят несколько документов, в частности, выпускное свидетельство, где в числе прочих прослушанных им курсов упоминается Введение в языковедение (см.: Сальман 2010: 463, 468). При подготовке к экзамену студент мог, помимо собственных конспектов, пользоваться литографированными лекциями Бодуэна. 10 сентября 1913 г. Мандельштам сдает экзамен по Введению в языковедение Бодуэну де Куртенэ и получает «весьма удовлетворительно» (см.: Сальман 2010: 463) – оценку, которая в то время в университете была максимально высокой. Существует много анекдотических воспоминаний, свидетельствующих о том, что поэт-чудак Мандельштам был совершенно не способен сдавать экзамены (см.: Лекманов 2004: 58–61). По-видимому, в них большая доля вымысла (см. список оценок Мандельштама, опубликованный в: Сальман 2010: 463, 467, 468). Но то, что поэт «превращал грамматику в поэзию», как писал Мочульский в связи с древнегреческими штудиями Мандельштама (см.: Мочульский: s. p.), можно отнести и к изучавшемуся им лингвистическому материалу. Лекции Бодуэна в сознании молодого поэта и не очень старательного студента (он так и не окончил полного курса университета), очевидно, тоже превращались в поэзию.

Точно воспроизвести лекции по языкознанию, которые слушали студенты поколения Мандельштама, сегодня невозможно, хотя сохранились и литографированные конспекты, и программы. Бодуэн импровизировал на лекциях, он развивал и видоизменял свои идеи. В. Н. Топоров писал в связи с этим: «<...> говорить о фонологической теории Бодуэна де Куртенэ не всегда легко и потому, что его ученики и последователи в Казани и в Петербурге широко использовали в своих работах мысли своего учителя, дополняя и развивая их <...>. Он был слишком богат мыслями и щедро оделял ими окружающих, не заботясь об авторских правах» (Топоров 1960: 30).

Традиция общения с учениками, когда даже самые значительные теоретические утверждения передавались устно, а не через какую-либо основополагающую работу, у лингвистов Петербургской фонологической школы, работавших на кафедре фонетики университета, сохранялась много лет. И Щерба, и его ученик Л. Р. Зиндер, несмотря на довольно обширное научное наследие, так и не обобщили в какой-либо публикации своей общелингвистической и фонологической теории.

Что касается понятия фонемы, то у Бодуэна мы находим несколько разных его определений. Сам ученый указывал в своем знаменитом «Опыте теории фонетических альтернатив» (1895 г.), что раньше он «понимал фонему как ту сумму фонетических свойств, которая представляет собой неделимое единство при сравнениях» (Бодуэн де Куртенэ 1963: 270, сноска 2) одного и того же языка или родственных языков. Лишь впоследствии, отчасти под влиянием своего ученика Н. Вяч. Крушевского, он пришел к необходимости употреблять название «фонема» в отличие от «звука» (см.: Там же). К периоду преподавания в Петербурге – Петрограде у Бодуэна сформировалось понимание фонемы как «психического эквивалента звука». Так, в статье «Фонема», опубликованной в 1899 г. в Варшаве по-польски, он пишет: «<...> фонема – это единый, неделимый в языковом отношении антропофонический образ, возникший из целого ряда одинаковых и единых впечатлений, ассоциированных с акустическими и фонационными (произносительными) представлениями. Иначе говоря: фонема – это единое фонетическое представление, возникшее в душе путем слияния впечатлений, полученных от произнесения одного и того же звука <...>. Короче: фонемы – это единые, непреходящие представления звуков языка» (Бодуэн де Куртенэ 1963: 351–352). Так же Бодуэн объясняет понятие «фонема» в курсе Введения в языковедение: «Это постоянное в нашей психике существующее представление “звука”, т. е. одновременно сложного комплекса произносительных работ и получаемых от этого впечатлений, мы будем называть фонемой» (Бодуэн де Куртенэ 2009: 13). Нужно отметить, что мысль о связи фонемы с морфологией, и, в конечном счете, со смыслом, впоследствии раз-

витая Щербой, была с самого начала близка Бодуэну. Он говорил о «мобилизуемых во время языкового общения» рядах произносительно-слуховых и ассоциируемых с ними семасиологических и морфологических представлений (см.: Бодуэн де Куртенэ 2009: 58–59)². Связь фонемы со значением слова прослеживается уже в ранних работах Бодуэна.

В свете сказанного о теории Бодуэна вернемся теперь к очерку Мандельштама. Утверждение: «Самое удобное и правильное – рассматривать слово как образ, то есть словесное представление» вполне соответствует психологизму Бодуэна. Образ понимается при этом как связь смысловой стороны слова и его звучания. Поэтому естественно дальнейшее утверждение: «Этим путем устраняется вопрос о форме и содержании, буде фонетика – форма, все остальное – содержание. Устраняется и вопрос о том, что первичнее – значимость слова или его звучащая природа?». Представления, сохраняющиеся «в душе», о которых говорил Бодуэн, объединяют фонетическую и смысловую сторону языка.

«Словесное представление – сложный комплекс явлений, связь, “система”» (Мандельштам 1990: 183), – пишет Мандельштам. Хотя слово «система» он использует в не совсем обычном значении, мысль понятна – в данном случае это комплекс взаимосвязанных явлений. Что касается самого термина, то он ему был знаком – слово «система» уже тогда широко использовалось в языкознании. Далее идет самый сложный для понимания пассаж. «Значимость слова можно рассматривать как свечу, горящую изнутри в бумажном фонаре, и обратно, звуковое представление, так называемая фонема, может быть помещена внутри значимости, как та же самая свеча в том же самом фонаре» (Мандельштам 1990: 183). Думаю, что понять эту метафору можно так. «Свеча, горящая внутри фонарика» – значение слова внутри его оболочки, формы, звуковой стороны. Но и фонема сама по себе является меткой, передающей значение. Без смысло-различения понятие фонемы не существует. Смысл и форма слова могут по своей значимости для поэзии как бы меняться местами,

² Также см.: Леонтьев 1960: 5–27, особенно с. 24.

так как иногда первичным для создания стиха, т. е. по сути дела для генерирования текста, может быть фонетика, музыка слова, его общий облик. Означающее и означающее как бы меняются местами.

М. Ю. Лотман обратил внимание на сходство текста Мандельштама с идеями Ф. де Соссюра, которое, правда, ограничивается лишь некоторыми понятиями и терминами (см.: Лотман 2012: 149–174; особенно с. 159–160). Так, слово *значимость* – один из терминов в русском переводе Соссюра; он передает соссюрское *valeur*. Перевод *значимость*, очевидно, был избран именно потому, что этот термин уже имел хождение в практике преподавания лингвистических дисциплин³. Указанное сходство с Соссюром, как мне кажется, также легко объясняется влиянием на Мандельштама теории Бодуэна, во многом совпадающей с соссюрской. Щерба писал: «Когда в 1923 г. мы получили в Ленинграде “Cours de linguistique générale” de Saussure’a <...>, то были поражены многочисленными совпадениями учения Соссюра с привычными нам положениями» (Щерба 1957: 94)⁴. Щерба подчеркивает, в числе прочего, свойственное и Соссюру, и Бодуэну понимание знакового характера языка. При этом утверждается: лишь то, что «семасиологизовано или морфологизовано», является знаком.

Можно отметить близость к семиотике и структурной лингвистике и другой статьи Мандельштама – «Утро акмеизма»: «Глухонемые отлично понимают друг друга, и железнодорожные семафоры выполняют весьма сложное назначение, не прибегая к помощи слова» (Мандельштам 1990: 142). Здесь явная перекличка с учением о знаковом характере коммуникации; причем общение глухонемых было излюбленным примером лингвистов Петербургской школы (Бодуэна, Щербы, Зиндера). Мысль об относительности языкового знака была для них естественна. Подчеркивая необходимость

³ «Курс общей лингвистики» де Соссюра был впервые издан на русском языке в 1933 году в переводе А. М. Сухотина.

⁴ Также см.: Щерба 2002: 14, сноска 1. См. также: Stankiewicz 1972: 3–46, особенно 4–5. Учение де Соссюра и раньше было в той или иной степени известно русским языковедам, в том числе и Бодуэну. Тем не менее, эти совпадения вряд ли можно объяснить лишь внешним влиянием.

«филологического» знания родного языка и соответствующего обучения иностранному, Щерба писал: «Но филология имеет еще и специальное образовательное значение. В силу диалектического единства формы и содержания мысль наша находится в плену у форм языка, и освободить ее от этого плена можно только посредством сравнения с иными формами ее выражения в каком-нибудь другом языке» (Щерба 2002: 27).

Безусловно, эссеистику Мандельштама нельзя сводить к научным, лингвистическим сочинениям, а утверждаемое мною влияние Бодуэна было лишь толчком творческой мысли поэта, которая развивалась и вокруг религиозного понятия Божественного Логоса, и вокруг наблюдений над творческим процессом создания поэтического текста⁵. В эссе «Слово и культура» Мандельштам пишет: «Стихотворение живо внутренним образом, тем звучащим слепком формы, который предваряет написанное стихотворение. Ни одного слова еще нет, а стихотворение уже звучит. Это звучит внутренний образ, это его осязает слух поэта» (Мандельштам 1990: 171). Здесь поэт говорит не о лингвистических свойствах слова, а о процессе творческого поиска. Однако полностью отвергать лингвистические основы этих замечаний Мандельштама не следует. Не говоря о современных психолингвистических концепциях воплощения мысли в слова, можно указать на идеи ученика Бодуэна – С. И. Бернштейна. «Теория общего облика слова», по которой слово воспринимается как совокупность разных признаков, в том числе и фонематических (релевантных), и аллофонических, а возможно, и других, была популярна в Петербургской фонологической школе в устной передаче из поколения в поколение. (Бернштейн мало печатался, а его статья по фонологии была опубликована лишь в 60-е годы). Хотя о влиянии этой теории, как и некоторых щербовских идей, на Мандельштама говорить не приходится, общие истоки (Бодуэновская школа) могли задать сходное направление мысли.

⁵ См.: Лотман 2012: 149–174; там же дальнейшая литература. Также см.: Паперно 1991: 29–36.

Классик психологии и психолингвистики Л. С. Выготский взял эпиграфом к своей работе «Мысль и язык» вольно цитируемые им слова Мандельштама⁶

Я слово позабыл, что я хотел сказать,
И мысль бесплотная в чертог теней вернется.

Он с полным основанием видел в них поэтическое выражение близкой ему идеи о необходимости и пути словесного воплощения мысли.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бодуэн де Куртенэ И. А. 1963. Избранные труды по общему языкознанию. Т. 1. М.: Издательство Академии наук СССР.
- Бодуэн де Куртенэ И. А. 2009. Введение в языковедение: Изд. 7-е. М.: URSS.
- Выготский Л. С. 1996. Мышление и речь. М.: Лабиринт. 1996.
- Зинченко В. П. 1997. Посох Мандельштама и трубка Мамардашвили: К началу органической психологии. М.: Новая школа.
- Лекманов О. А. 2004. Мандельштам. М.: Молодая гвардия.
- Леонтьев А. А. 1960. Творческий путь и основные черты лингвистической концепции И. А. Бодуэна де Куртенэ. – И. А. Бодуэн де Куртенэ (к 30-летию со дня смерти). М.: Издательство Академии наук СССР. С. 5–27.
- Лотман М. [Ю.] 2012. Осип Мандельштам: Поэтика воплощенного слова. – Золян С., Лотман М. Исследования в области семантической поэтики акмеизма. Таллинн: Издательство Таллиннского университета. С. 149–174.
- Мандельштам О. Э. 1990. Соч.: В 2-х тт. / Сост. С. С. Аверинцева и П. М. Нерлера. Т. 2. М.: Художественная литература.
- Мочульский К. В. s. a. О. Э. Мандельштам. – [<http://silverage.ru/mochman/>].
- Паперно И. 1991. О природе поэтического слова: Богословские источники спора Мандельштама с символизмом. – Литературное обозрение. № 1. С. 29–36.

⁶ См.: Выготский 1996: 259, 361. См. также монографию, где рассматривается соотношение творчества Мандельштама с развитием психологической и философской мысли XX века: Зинченко 1997; см. особенно с. 243, где некоторые идеи эссеистики Мандельштама сравниваются с философией Г. Г. Шпета.

- Сальман М. Г. 2010. Осип Мандельштам: годы учения в Санкт-Петербургском университете (по материалам Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга). – Russian Literature. Vol. LXVIII. Nos. III/IV. P. 447–499.
- Топоров В. Н. 1960. И. А. Бодуэн де Куртенэ и развитие фонологии. – И. А. Бодуэн де Куртенэ (к 30-летию со дня смерти). М.: Издательство Академии наук СССР. С.28–36.
- Щерба Л. В. 1957. И. А. Бодуэн де Куртенэ и его значение в науке о языке. – Л. В. Щерба. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз. С. 85–96.
- Щерба Л. В. 2002. Избранные работы по языкознанию и фонетике. Т. 1. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета.
- Stankiewicz, E. 1972. Baudouin de Courtenay: His Life and Work. – A Baudouin de Courtenay Anthology: The Beginnings of Structural Linguistics. By Jan Baudouin de Courtenay / Translated and ed. with introduction by Edward Stankiewicz. Bloomington; London: Indiana University Press. P. 3–46.

БАРКЛАЙ ИЛЬ КУТУЗОВ¹

Г. Г. Суперфин
(Бремен)

Арсению Рогинскому

В сталинском «Ответе т-щу Разину» (датирован 23 февраля 1946 г., опубликован год спустя, в феврале 1947 г., в № 3 журнала «Большевик») утверждалось преимущество русской военной мысли над немецкой, предлагалась ревизия взглядов не любимого Сталиным классика марксизма Энгельса, исключался из авторитетов по теории военного дела Ленин и, в заключение, приводились исторические параллели (парфяне, Кутузов) с намеком на «хорошо подготовленное контраступление», то есть отступления Красной Армии в 1941 г. Это, мол, являлось стратегическим замыслом гениального полководца, вождя.

Для комментариев к этому документу сейчас мы выберем следующий пассаж:

«Энгельс говорил как-то, что из русских полководцев периода 1812 года генерал Барклай-де-Толли является единственным полководцем, заслуживающим внимания. Энгельс, конечно, ошибался, ибо Кутузов как полководец был бесспорно двумя головами выше Барклая-де-Толли (1). А ведь могут найтись в наше время люди, которые с пеною у рта будут отстаивать это ошибочное высказывание Энгельса» (2).

Комментарий:

1. «Энгельс говорил ~ выше Барклая-де-Толли»:

¹ В первоначальном виде заметка была опубликована в электронном издании С. В. Дедюлина «Другой гид» (Париж) весной 2016. Выражаем ему благодарность за моральную поддержку во время подготовки ее к печати.

Имеется в виду совместная англоязычная энциклопедическая заметка Маркса и Энгельса «Барклай-де-Толли» (1857). В изданиях сочинений основоположников автором признавался Маркс, писавшим *при участии* Энгельса.

Точная цитата заключительной фразы в русском анонимном переводе с английского: «Он был бесспорно лучший генерал Александра, непритязательный, настойчивый, решительный и полный здравого смысла» (Маркс, Энгельс 1933: 570; то же во втором издании: Маркс, Энгельс 1959: 94)².

2. «А ведь могут ~ ошибочное высказывание Энгельса»:

Является ли этот оборот исключительно риторической формулой, за которой не скрыты какие-то конкретные лица? Доказать это можно, лишь собрав воедино ей подобные в сталинской речи и их проанализировав. К сожалению, этой работы мы не проделали и, следовательно, прибавили нашему сообщению больше уязвимости.

Если же предположить, что за этим оборотом кроется намек на конкретного человека, то возникает вопрос, кто же имеется в виду?

Вряд ли кто-то из советских историков и историков литературы в 1930-х гг. уравнивал полководческие таланты Барклая и Кутузова или тем более предпочел первого второму³.

² В предисловии от имени Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС отражена сталинская реплика о принижении роли «великого русского полководца М. И. Кутузова», хотя Энгельс и назван, с ссылкой на Ленина, «великим знатоком военного дела» (Маркс, Энгельс 1959: XII). Так же трактовалось и в ГДР-овском издании 1970-х гг.

³ Ср.: «Военные критики не склонны считать Барклая очень крупным полководцем и в уровень с Кутузовым и Багратионом его не ставят» (Тарле 1938: 59). Там же есть ссылка на вышеприведенную цитату из заметки основоположников марксизма о Барклае, с указанием на авторство лишь одного Маркса, без Энгельса, с указанием источника: Маркс, Энгельс 1933: 569–570. Ср. также: «Карл Маркс через 23 года после Пушкина повторил и углубил концепцию стихотворения “Полководец”» – в статье: Мануйлов, Модзалевский 1939: 162. Эта статья оживила споры столетней давности «Кутузов и/или Барклай». Ср.: «...мысль о выдающейся роли Барклая де Толли в войне [1812 г.] была высказана [Владимиром Владимировичем] Пугачевым <...> в том самом 1947 г., когда Сталин выступил с известным тезисом: “Кутузов как полководец был бесспорно двумя головами выше Барклая...”» (Парсамов, Гаркавенко 1997: 5).

Осмелимся предположить, что в «Ответе т-щу Разину» содержится, может, и бессознательная, аллюзия на последнее, предсмертное, письмо Н. И. Бухарина к Сталину (от 10 декабря 1937 г.):

...Иосиф Виссарионович! Ты потерял во мне одного из способнейших своих генералов, тебе действительно преданных. Но это уж прошлое. Мне вспоминается, как Маркс писал о Барклае-де-Толли, обвиненном в измене, что Александр I потерял в нем зря такого помощника. Горько думать обо всем этом... (цит. по: Бухарин 1993: 25)

Выражение «с пеною у рта» (в «Ответе т-щу Разину») предполагает как правило неумного спорщика. А в контексте этого письма Бухарина-смертника, молящего «о морфийной чаше» («...если мне суждена смерть, прошу о морфийной чаше...»), возникает образ агонизирующего от смертельного яда.

Допускаем, что Сталин не только прочел это письмо, но и очень возмущился наглостью поверженного, осмелившего сравнить себя с полководцем-патриотом, ложно обвиненным молвой в измене⁴.

И еще одно допущение: «Ответ т-щу Разину» осознанно предан печати в десятилетнюю годовщину февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б), взявшего Бухарина под арест.

А теперь с потайного дна сталинских ассоциаций поднимемся на поверхность документа – прокомментируем из него две фразы:

- 1) «В гражданскую войну Ленин обязывал нас, тогда еще молодых товарищей из Цека, “досконально изучить военное дело”»;
- 2) «Он <Ленин. – Г. С.> хвалил, далее, Клаузевица за то, что Клаузевиц подтверждал в своих трудах правильное с точки

⁴ Бухарин 1937 г. и Сталин 1946/1947 г. разошлись во мнении о Ленине-стратге и военном теоретике. Для Бухарина (тюремная рукопись «Социализм и его культура») «...Ленин и Сталин руководили гражданской войной, обнаружив гениальные военные способности», «Ленин... весьма высоко ставил Клаузевица, обобщая опыт наполеоновских войн и мировой войны» (цит. по: Узник Лубянки 2008: 212). По Сталину, «Ленин не считал себя знатоком военного дела», он «подходил к трудам Клаузевица не как военный, а как политик...».

зрения марксизма положение о том, что отступление при известных неблагоприятных условиях является такой же законной формой борьбы, как и наступление. Ленину нужна была здесь ссылка на Клаузевица, чтобышний раз уличить “левых” коммунистов, не признающих отступления как законной формы борьбы».

И та и другая фраза обращает нас к весне 1918 г., к полемике Ленина с «левой оппозицией» (противники заключения Брестского мира, согласия большевистских властей России на капитуляцию перед Германией и на уход с территорий нынешних Беларуси, Украины, Эстонии и Латвии), во главе которой стоял Бухарин. По-видимому, первой фразе соответствует ленинское «Наш лозунг должен быть один – **учиться военному делу** <выделено нами – Г. С.> настоящим образом, ввести порядок настоящим образом, ввести порядок на железных дорогах» (Седьмой экстренный съезд РКП(б) 1962: 24), а «**молодые товарищи**», «**молодые друзья**» (Там же: 10, 18) – эти иронические выражения Ленина относились к представителям «левой оппозиции» (не исключаем, что «молодые» было расхожим словечком в среде партфункционеров, по-видимому, оно определяло новичков в аппарате ЦК).

Вторая фраза является ключом: «левые» коммунисты, противники отступления, напрямую вводят в документ тему Бухарина.

Таким образом, обе эти фразы являются косвенным доказательством «потайного» присутствия в сталинском документе бухаринской темы.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бухарин Н. 1993. «Прости меня, Коба...»: Неизвестное письмо Н. Бухарина / Публикация Ю. Мурина – Источник: Документы русской истории. Приложение к российскому историко-публицистическому журналу Верховного Совета РФ «Родина». 1993. № 0. С. 23–25.
- Мануйлов В. А., Модзалевский Л. Б. 1939. «Полководец» Пушкина». – Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. Т. 4–5. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР. С. 125–164.

- Маркс К., Энгельс Ф. 1933. Соч. / Под ред. Б. А. Адоратского. Т. 11. Ч. 2: Статьи и корреспонденции: 1958–1961. М.: Партийное издательство.
- Маркс К., Энгельс Ф. 1959. Соч. Изд. 2-е. Т. 14. М.: Государственное издательство политической литературы.
- Парсамов В. С., Гаркавенко О. В. 1997. К 70-летию Владимира Владимировича Пугачева. – Освободительное движение в России: Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 16. Саратов: Издательство Саратовского университета. С. 5–17.
- Седьмой экстренный съезд РКП(б) 1962. Седьмой экстренный съезд РКП(б): Март 1918 г. Стенографический отчет. М.: Государственное издательство политической литературы.
- Тарле Е. В. 1938. Нашествие Наполеона на Россию: 1812 год. М.: ОГИЗ; Государственное социально-экономическое издательство.
- Узник Лубянки 2008. Узник Лубянки: Тюремные рукописи Николая Бухарина. Сборник документов. Изд. 2-е, дополненное, измененное и расширенное. М.: АИРО-XXI; Издательство РГТЭУ.

К БИОГРАФИИ Ю. Г. ОКСМАНА

(По материалам Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга)

М. Г. Сальман
(С.-Петербург)

Задача настоящей работы – сообщить несколько подробностей о юношеских годах Юлиана Григорьевича Оксмана и прокомментировать его автобиографические наброски и мемуарные заметки, отчасти уточнив их и дополнив. Основой для статьи послужило студенческое дело Оксмана, хранящееся в Центральном государственном историческом архиве С.-Петербурга¹. Все даты приводятся по старому стилю, даты по новому стилю специально оговариваются. Документы публикуются по правилам современной орфографии и пунктуации, сохраняется, однако, написание прописных букв. Общеизвестные имена (С. А. Венгеров, А. А. Шахматов, Л. В. Щерба и т. п.) не комментируются.

Отец Ю. Г. Оксмана, Герш Менделев (в русифицированном варианте – Григорий Эммануилович) Оксман, по свидетельству его внуки, «родился в 1861 г. в Каменце-Подольском» (Оксман 2008: 24)². О. Э. Оксман также сообщает, что после окончания гимназии ее дед «<...> приехал в Петербург <...> и учился на естественно-медицинском факультете» (Там же: 25). Хранящийся в студенческом деле Ю. Г. Оксмана кондуитный список фармацевтической деятельности его отца опровергает это утверждение. До того как стать аптекарем³ в Вознесенске, заштатном городе Елисаветградского

¹ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 63266. В дальнейшем указываем только номер дела и лист.

² Ольга Эммануиловна Оксман – дочь младшего брата Ю. Г. Оксмана, Э. Г. Оксмана, о нем см. на сайте Сахаровского центра: [<http://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=author&i=1549>].

³ Химиком-бактериологом назвал его Оксман в автобиографии 1949 года, см.: Зайцев 1990: 526. Дата написания автобиографии приведена на с. 530. То же: Пугачев, Динес 1995: 8.

уезда, Херсонской губернии⁴, Герш Оксман много странствовал по России. Неизвестно, окончил ли он полный курс или только шесть классов классической гимназии, что требовалось для поступления в аптекарские ученики (см.: Брокгауз, Ефрон 1890: 933). Вполне возможно, что он держал экзамены экстерном. В любом случае, чтобы получить право выдержать экзамен на звание аптекарского помощника, он должен был пройти обязательную практику в аптеке в течение двух (если у него был аттестат о среднем образовании) или трех лет (если он имел свидетельство об окончании шести классов) (см.: Там же). Выдержав при Харьковском университете испытание, Герш Оксман был «удостоен степени Аптекарского помощника 1883 ноября 28»⁵, после чего поступил «в Одесскую вольную аптеку провизора Беера»⁶, где пробыл полгода. Оттуда он перебрался в Балту, где немногим более года прослужил в вольной аптеке провизора Ландау. В августе 1885 он уже в Кременчугской вольной аптеке, откуда переезжает в Москву, где служит в вольной «Сухаревской аптеке с 1886 сентября 7 по 1887 апреля 15»⁷. Две летние недели 1887 Герш Оксман пробыл в Каменецкой вольной аптеке провизора Подгаецкого, о двух следующих годах его жизни кондуитный список умалчивает. Можно предположить, что подобная «волатильность» – «летун», сказали бы при советском режиме, – объяснялась не дурным характером аптекарского

⁴ Заштатный город – не являющийся административным центром уезда. Сейчас Николаевская область, Украина.

⁵ Д. 63266. Л. 36.

⁶ Там же. Аптеку можно было открыть лишь «с разрешения губернатора на основании представления о том местного врачебного правления» (Брокгауз, Ефрон 1890: 932). Еще до открытия аптека подвергалась подробному осмотру врачебного отделения губернского правления, закон определял, сколько комнат и сколько каких принадлежностей должна иметь аптека. Местное медико-полицейское управление надзидало «за правильным дежурством, правильным отпуском лекарств по рецептам врачей <...>» (Там же. 933). Рецепты вносились в хранившуюся в аптеке рецептурную книгу, сигнатуры хранились в течение 3 лет, цена лекарств должна была «сообразоваться с последней изданной таксой» (Там же), которая утверждалась медицинским советом министерства внутренних дел. Персонал аптеки мог состоять из учеников, аптекарских помощников, провизоров и магистров.

⁷ Д. 63266. Л. 36.

помощника, а старой ремесленной традицией, требовавшей набраться опыта и поработать в разных городах и у разных хозяев. Чтобы получить право держать экзамен на провизора, аптекарский помощник должен был прослужить в аптеке три года и только затем допускался к слушанию университетского фармацевтического курса (см.: Брокгауз, Ефрон 1890: 933). В декабре 1889 Герш Оксман выдержал «экзамен на степень провизора в Императорском Московском Университете по медицинскому факультету <,> на что имеет свидетельство от 23 декабря 1889 за № 3529»⁸. С февраля 1891 по июнь 1892 Оксман управлял «Александровским аптечным Отделением Раменской аптеки Чигиринского уезда»⁹, наконец, в августе 1893 он оказался в Вознесенске, где несколько месяцев управлял «нормальной аптекой Кранца»¹⁰. 13 января 1894 Герш Оксман взял в аренду вознесенскую городскую аптеку¹¹, то есть, как через много лет его сын напишет в автобиографии, стал служащим «городского общественного самоуправления» (Зайцев 1990: 526. То же: Пугачев, Динес 1995: 8). Предположение, высказанное исследователем, что отец Ю. Г. Оксмана был владельцем аптеки да еще и довольно состоятельным (см.: Каганович 2006: 50–51), вряд ли имеет под собой основание: в кондуитном списке, выданном 26 мая 1907 врачебным отделением Херсонского губернского правления, оговаривалось, что Оксман «аптекой в Херсонской губернии не владел и не владеет»¹². Спустя полтора года после того, как Герш Менделевич Оксман обосновался в Вознесенске, пятого января 1895 у него родился первенец – Юлиан.

Датой его рождения принято считать 30 декабря 1894. Она фигурирует в списке участников Пушкинского семинария при Петроградском университете (см.: Пушкинист 1916б: 291), ее же

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ См.: Там же.

¹² Там же. Л. 36 об. Ср. с утверждением вдовы ученого Антонины Петровны Оксман (1895–1984), что отец Ю. Г. Оксмана «был владельцем аптеки в Тирасполе <...>» (Чудакова, Тоддес 1988: 97) и сообщением внучки, что в Тирасполе жил двоюродный брат Герша Оксмана, по профессии зубной врач, см.: Оксман 2008: 24.

приводит Литературная энциклопедия (см.: ЛЭ 1934, VIII: 269)¹³, Краткая литературная энциклопедия (см.: КЛЭ 1968, 5: 411)¹⁴ и современные исследователи Д. И. Зубарев (см.: Писатели-диссиденты 2004: 425) и М. А. Фролов¹⁵, наконец, ее называет сам ученый в автобиографических записках 1960-х гг. (см.: Чудакова, Тоддес 1984: 81; то же: Зайцев 1990: 526). Между тем в *curriculum vitae*, приложенном к письму И. А. Шляпкину¹⁶ от 7 мая 1917, Оксман писал, что он родился 5 января 1895 (см.: Рак, Эльзон 2003: 145). Однако комментаторы письма предположили, что дату своего рождения Оксман указал по новому стилю и, отсчитав назад 12 дней, получили 24 декабря 1894, уточнив при этом, что ученый отмечал

¹³ Указан только год рождения.

¹⁴ Автор заметки – А. В. Белинков, см.: Абросимова 1998: 139. В некрологе, посвященном Оксману, Г. П. Струве писал: «Самое авторство первоначальной заметки и фиктивная подпись под ней представляют немалый интерес, но об этом говорить сейчас, пожалуй, еще преждевременно» («Тамиздат» 1990: 91). Струве пишет «первоначальной», так как заметка, «уже подписанная к печати, была искажена и сокращена вдвое <...>» (Водонос, Филиппов 1994: 119. Письмо Оксмана от 13 декабря 1968). Об источнике подписи под заметкой в КЛЭ «Б. И. Колосова» см. в передаче радио «Свобода»: «Прием белой собачки. Аркадий Белинков и советская цензура» [<http://www.svoboda.org/content/article/27438670.html>]. Опубликовано 21 декабря 2015.

¹⁵ Ср.: «<...> родился 11 января 1895 года» (Фролов 2014: 111). Дата указана исследователем по новому стилю.

¹⁶ Илья Александрович Шляпкин (1858–1918), доктор русского языка и словесности, профессор (см.: Отчет 1914: 11, 3-я паг.). Чл.-корр. АН (1907). В первом и втором семестрах Оксман слушал его лекции по истории русской словесности (см.: Д. 63266. Л. 20 об. Л. 21), в третьем и четвертом семестрах занимался в просеминарии Шляпкина по истории древнерусской литературы и получил зачет 6 апреля 1915 (см.: Там же. Л. 18 об. – 19). Выпускное сочинение Оксмана, посвященное журналу «Московский вестник», было зачтено профессором 14 февраля 1917 (см.: Там же. Л. 15 об. – 16). В письме к Шляпкину Оксман сообщал, что его исследование «“Московский вестник (1827–1830)” Опыт истории журнала, его состав и значение в рус<ской> журналистике пушкинской поры с двумя приложениями: 1) Указатель к журналу и 2) Исследование об авторах анонимных статей <...>» было принято Б. Л. Модзалевским «для одного из академичес<ких> изданий» (Рак, Эльзон 2003: 145, 146). Рукопись не сохранилась, о работе над этим сочинением см. ниже. «Осмысленную любовь к книге мне привили Н. М. Лисовский и И. А. Шляпкин (не столько их лекции, сколько домашнее общение с ними в пору 1914–1916 гг.)», – писал Оксман П. Н. Беркову 23 октября 1965 (Рак, Эльзон 2006: 233). На похоронах Оксмана С. М. Бонди заметил: «Я помню, как мы с Юлианом в 1918-м несли тяжелейший гроб профессора Шляпкина» (Эйдельман 1999: 150 – 151). О Н. М. Лисовском см. ниже.

свой день рождения 12 января (см.: Там же.). В автобиографии 1949, на которую мы уже ссылались в прим. 3, Оксман также назвал датой своего рождения 5 января 1895 (см.: Пугачев, Динес 1995: 8).

Процитируем полностью копию метрического свидетельства, хранящегося в студенческом деле:

«Свидетельство. Дано сие в том, что по метрической книге о родившихся по городу Вознесенску евреях за 1895 г. под № 4 мужской графы значится акт следующего содержания: Тысяча восемьсот девяносто пятого года января 5-го дня у провизора Герша Оксмана и жены его Марьи родился сын, которому при обряде обрезания наречено было имя “Юлиан”. В чем подписью и приложением печати удостоверяю.

Г. Вознесенск 1895 года Января 8 дня. Вознесенский Городовой Раввин Врач А. Розен (М. П.).

Вознесенская городская управа на основании 1086 ст<атьи> IX т<ома> I ч<асти> зак<она> о сост<ояниях> издан<ия> 1876 г. удостоверяет, что изложенный в этом свидетельстве акт при сличении его с подлинным актом, записанным в метрической книге о родившихся евреях по г. Вознесенску 1895 г. под № 4<, > оказался тождественным.

16 июня 1912 года. По реестру № 1985. В метрической книге, хранящейся в Управе<, > имя жены значится “Марьям”.

Городской голова Ф. Кухаренко.

Секретарь Аленин

Столоначальник В. Зотов

(М. П.)»¹⁷.

В вознесенскую гимназию, открытую в 1876 (см.: [Гельбке] [1912]: 85), Юлиан Оксман поступил девяти лет, в январе 1904¹⁸. Судя по

¹⁷ Д. 63266. Л. 30. Копия. Полное имя матери – Мария Яковлевна Оксман (урожд. Эпштейн; 1873–1969), см.: Чудакова, Тоддес 1988: 97. Однако в документе из студенческого дела, который приводится ниже, ее девичья фамилия передана как Энгиллоф (см.: Д. 63266. Л. 29. Копия). Даты жизни М. Я. Оксман указываем по: Оксман 2008: 26, 153.

¹⁸ См.: Д. 63266. Л. 6.

тому, что он «при отличном поведении обучался по 14 июня 1912 года и кончил полный восьмиклассный курс»¹⁹, он был принят в подготовительный класс. Окончив гимназию с единственной четверкой по математике²⁰ и получив из-за нее не золотую, а серебряную медаль²¹, Оксман уехал в Германию. 19 ноября 1912 (по новому стилю) он записался на философский факультет Гейдельбергского университета²². Свидетельство об окончании (Abgangs-Zeugnis) зимнего семестра датировано 8 марта 1913 по новому стилю (см. илл. 1). В Боннский университет, также на философский факультет, Оксман записался 3 мая 1913²³, на летний семестр, который продолжался до 23 июля²⁴. Он выбрал трех профессоров – двух историков-медиевистов и одного философа – и начал слушать их с 8 мая²⁵. Записи о лекциях в студенческой книжке сделаны рукой Оксмана, в одной из записей допущена ошибка: вместо »Friedrich der Große« стоит »Friedrich den Grossen«.

Профессор Алоис Шульте (Aloys Schulte, 1857–1941), к которому записался Оксман, читал курс по истории Германии от Вестфальского мира (1648) до начала правления Фридриха Великого (1740) и курс по источниковедению средних веков. За слушание первого курса Оксман уплатил 18 марок²⁶, второй читался бес-

¹⁹ Там же.

²⁰ «Про учителя, который снизил ему на экзамене отметку, сказал гневно: “Я ему руки не подам!”», – вспоминала вдова Оксмана (Чудакова, Тоддес 1988: 98). Преподавателем математики в вознесенской гимназии был Николай Владимирович Вережников, см.: [Гельбке] [1912]: 85. Точно так же Тынянов, получив четверку по латыни, лишился права на золотую медаль, см.: Сухих, Шубин 1989: 45, 46. Латынь в Псковской гимназии преподавал директор Артур Генрихович Готлиб, см.: [Гельбке] [1912]: 7.

²¹ В аттестате отмечены его отличные успехи «в науках, в особенности же в историко-филологических» (Д. 63266. Л. 6 об.). Учителем русского языка был Федор Сергеевич Сунгуров, историю вел Иван Иванович Грищенко, см.: [Гельбке] [1912]: 85.

²² См. имматрикуляционную книгу: [<http://digi.ub.uni-heidelberg.de/diglit/matrikel1907/0422/scroll?sid=0236c3561573ad8e42984b24d5b9b23b>].

²³ См.: [<http://digitale-sammlungen.ulb.uni-bonn.de/periodical/pageview/830184>].

²⁴ См. в справке об эксматрикуляции: «Ausgeh<en> 23/7 1913» (илл. 4). В этот день Оксман был в Лейпциге, в российском консульстве, см. ниже.

²⁵ См. даты и подписи профессоров в студенческой книжке – Anmeldebuch (илл. 2 и 3).

²⁶ 18 марок равнялись примерно 9 рублям, см. в воспоминаниях другого русского студента, Ф. А. Степуна, приехавшего в Гейдельберг в 1902: «Снятая мною за 13 марок,

платно (по всей вероятности, это были семинарские занятия). Профессор Вильгельм Левизон²⁷ читал лекции по истории средних веков (вторая часть) и по истории возникновения (Anfänge) в Италии государства, находившегося под властью римского папы, – Папской области (Kirchenstaate). Первый курс тоже стоил 18 марок, второй был бесплатным. На лекции по эстетике Оксман записался к основателю вюрцбургской школы «психологии мышления» профессору Освальду Кюльпе (Oswald Külpe, 1862–1915), чьи труды по философии переводились на русский язык в начале XX века. Из Бонна Оксман уехал, по-видимому, после 1 августа 1913 (нового стиля)²⁸.

О своем учении в Германии в 1912–1913 учебном году Оксман сообщил С. А. Венгерову, который, приводя список участников Пушкинского семинария, написал о студенте: «Раб<отал> по философии и ист<ории> сред<них> веков в Гейдельберге и Бонне <...>» (Пушкинист 1916б: 291)²⁹. Однако Оксман не упомянул об этом факте ни в curriculum vitae, приложенном к письму И. А. Шляпкину от 7 мая 1917, ни в автобиографии 1949³⁰ (что для этого года вряд ли покажется удивительным), ни в прошении на имя ректора С.-Петербургского университета³¹ от 1 августа 1913 (старого стиля).

т. е. за 6 руб. 50 к. комната (эта цена включала утренний кофе, освещение и уборку) <...>» (Степун 2000: 78).

²⁷ См. о нем: Becher 2010.

²⁸ См. свидетельство об эксматрикуляции (илл. 4). За присланные файлы, содержащие сведения о датах и прослушанных курсах, мы признательны архивистке Боннского университета Rebecca Bender и преподавательнице Бременского университета Алле Койтен (Keuten). Мы глубоко благодарны Г. Г. Суперфину, без чьего доброжелательного содействия получение информации оказалось бы невозможным.

²⁹ Во второй раз несколько измененная информация об этом появилась в печати в 1934: «Специализировался по источниковедению, текстологии и истории, занимаясь в Гейдельбергском и Боннском университетах» (ЛЭ 1934, VIII: 269–270).

³⁰ «По окончании Вознесенской гимназии поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета <...>» (Пугачев, Динес 1995: 8).

³¹ Эрвин Давидович Гримм (1870–1940), ректор С.-Петербургского университета в 1911–1918, доктор всеобщей истории, профессор по кафедре всеобщей истории, см.: Отчет 1914: 1, 3-я паг. Мандельштам, подавая в 1911 прошение на романо-германское отделение историко-филологического факультета, см.: Мандельштам 2009–2011, 3: 580 (опубликовано с пропуском трех слов), также ни звуком не обмолвился о том,

«От сына провизора
Юлиана Григорьевича Оксмана

Прошение.

Желая для продолжения образования поступить на Историко-филологический факультет, имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство сделать зависящее распоряжение о принятии меня в число студентов первого курса С.-Петербургского Университета на основании прилагаемых при сем документов с копиями, а именно: 1) аттестат зрелости за № 716, 2) кондуитный список фармацевтической деятельности отца моего, 3) свидетельство о рождении за № 10, 4) свидетельство о крещении с переводом, заверенным консулом г. Лейпцига, 5) свидетельство о приписке к призывному участку за № 5757, 6) квитанция почтовой конторы о принятии прошения на имя херсонского Губернатора о выдаче свидетельства о благонадежности, 7) четыре фотографические карточки, засвидетельствованные официальным порядком. Установленный взнос в пользу университета за текущее полугодие при сем высылаю, приложив соответствующую квитанцию³².

Сын провизора
Юлиан Оксман

Местожителство имею в Вознесенске (Хер<сонской> губ<ернии>) по Манежной улице.

1 августа 1913 г.»³³.

что записывался в Сорбонну, см.: С<труве> 1990 (III): 255–257 и несколько месяцев слушал лекции в Гейдельбергском университете, см.: Бейер 1988: 222–225. Причина, по-видимому, лежит в том, что ни Оксман, ни Мандельштам не сдавали никаких экзаменов за время обучения в Германии. В противном случае абитуриент сообщал, что он ранее учился в заграничных учебных заведениях, см., например, прошение А. А. Гвоздева, будущего театроведа, поступившего в 1908 на романо-германское отделение историко-филологического факультета: «Свидетельство о прослушанном в продолжение шести семестров полном курсе философии вместе со свидетельством о посещении практических занятий (5) по философии и о прослушанных лекциях по романской филологии, естественным наукам и общеобразовательным предметам. Все в университетах гор<ода> Мюнхена (4 сем<естра>) и Лейпцига (2)» (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 53292. Л. 1).

³² Взнос в двадцать пять рублей вносился студентами каждый семестр, помимо платы за лекции.

³³ Д. 63266. Л. 3.

Свидетельство о благонадежности Оксмана было выписано еще 26 июня (то есть он запросил свидетельство, находясь в Германии) и с грифом «секретно» отправлено на имя ректора С.-Петербургского университета:

«М. В. Д.

Херсонский губернатор.

По канцелярии.

Стол 3.

Июня 26 дня 1913 г.

№ 21316.

Г. Херсон.

Секретно.

Ректору Императорского С.-Петербургского Университета.

Согласно ходатайству Юлиана Оксмана о выдаче ему свидетельства о благонадежности для пр<е>дставления в Императорский С.-Петербургский Университет при поступлении уведомляю Ваше Превосходительство, что Юлиан Оксман за время жительства во вверенной мне губернии и за границей в течении <sic! – М. С.> свыше пяти лет ни в чем предосудительном не замечен<,> под судом и следствием не состоял и не состоит и к делам политического характера не привлекался.

За Губернатора

Управляющий Казенною Палатою <подпись>

Правитель Канцелярии <подпись>»³⁴.

За два с половиной месяца до подачи Оксманом прошения о приеме, 13 мая 1913, декан историко-филологического факультета С.-Петербургского университета Ф. А. Браун³⁵ подал ректору следующее

³⁴ Там же. Л. 5 – Л. 5 об.

³⁵ Федор Александрович Браун (1862–1942, в эмиграции), германист, магистр истории западноевропейских литератур, декан историко-филологического факультета с 21 января 1912, исполняющий должность ординарного профессора по кафедре романо-германской филологии (см.: Отчет 1914: 3, 3-я паг.). В 1920 он уехал из России, в 1922–1932 преподавал в Лейпцигском университете. В шутилом стихотворении «Пастораль», сочиненном В. В. Гиппиусом, М. Л. Лозинским и О. Э. Мандельштамом

«Представление.

Имею честь представить Вашему Превосходительству, что историко-филологический факультет в собрании своем 11 сего Мая постановил установить комплект приема на факультет в 1913/14 уч. году в 500 человек.

Декан Ф. Браун»³⁶.

Как следует из обращения ректора к попечителю Петербургского учебного округа от 24 мая 1913, кроме 500 человек на историко-филологический факультет, университет предполагал принять 800 человек на физико-математический факультет (из них 450 – на математический разряд и 350 на естественный разряд), 1200 – на юридический факультет и 150 – на факультет восточных языков³⁷, итого – 2650 человек. В числе этих 2650 студентов не должно было быть ни одного еврея. Тем же 13 мая, что и представление Брауна ректору, датируется протокол заседаний Совета императорского С.-Петербургского университета:

«Доложены Совету к сведению условия приема в студенты на 1913–1914 учебный год, причем ректор сообщил Совету, что в текущем году не представляется возможным зачислять в студенты лиц иудейского вероисповедания, так как общее количество студентов-иудеев по отношению к общему числу всех студентов превышает 3%» (Протоколы 1915: 109)³⁸.

15 октября 1912, фигурирует «рыцарь Университета Браун», см.: Мандельштам 2009–2011, 1: 345, 717. Лекции Брауна по истории западноевропейских литератур Оксман посещал, учась на пятом и шестом семестрах, осенью 1915 и весной 1916 (см.: Д. 63266. Л. 22 об. – 23). Этот же курс Брауна осенью 1910 и весной 1911 слушал Б. М. Эйхенбаум, см.: Сальман 2014: 455. Мандельштам слушал лекции Брауна по введению в германскую филологию и сдал ему экзамен по этому предмету, подробнее см.: Сальман 2010: 459, 467, 469.

³⁶ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10730. Л. 3.

³⁷ См.: Там же. Л. 4. В печатных протоколах приводится число 450 – для естественного разряда и 350 – для математического, см.: Протоколы 1915: 109.

³⁸ Среди еврейских абитуриентов, не допущенных в университет в 1913, оказался и будущий поэт Виктор Моисеевич Тривус (13 июля 1896–1920?). Его родители – Ева Лейбовна (урожд. Крепс) и Моисей Лейбович Тривус, см.: ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 65161. Л. 4. Копия. В литературе фигурирует неверная дата рождения – 1895, см.: Шруба

Сведения об этом решении университетского Совета не сразу попали в печать. На заседании рассматривалось несколько вопросов, и петербургская газета «Русская молва» сообщила вначале, что ректор доложил Совету профессоров «о поступившем от петербургской городской думы предложении обсудить вопрос о возможности учреждения при университете медицинского факультета. <...> Совет постановил отложить рассмотрение его на осень <...>»³⁹. Однако спустя четыре дня, 17 мая, газета писала:

«В университете.

В последнем заседании правления спб. <sic! – М. С.> университета рассматривался вопрос относительно приема в университет лиц иудейского вероисповедания. Выяснилось, что в 1913–1914 учебном году приема лиц иудейского вероисповедания быть не

2004: 425. Отец – юрист, публицист, член редколлегии журнала «Восход». Виктор Тривус окончил гимназию при Училище евангелическо-лютеранской церкви Св. Екатерины в 1913, см.: Там же. Л. 3 об. Копия. Как он сам писал в 1914 в прошении ректору о приеме, он два семестра пробыл на философском факультете Базельского университета: «<...> я не мог поступить в русский университет за отсутствием вакансий для евреев» (Там же. Л. 2). Принятый в 1914 на классическое отделение историко-филологического факультета, см.: Там же. Л. 12, он, на правах вольноопределяющегося, с 4 августа 1916 находился на действительной военной службе, см.: Там же. Л. 8. Л. 9. В мае 1917 был юнкером «2-го взвода I роты III^{ей} Петергофской школы прапорщиков» (Там же. Л. 23). Погиб на Гражданской войне, участвуя в польском походе Красной армии. Член университетского «Кружка поэтов», ядро которого, по воспоминаниям В. А. Рождественского, «составляли мы с Георгием Масловым, Виктор Тривус, Анна Регатт <псевдоним Е. М. Тагер. – М. С.>, Ник. Оцуп» (Богомолов 2010: 663, см. также с. 503). Участник поэтического сб. «Арион» (1918), см.: Струве 1979: 21. Новейшую публикацию его стихов см.: Тименчик 2010: 169–181. «Первоначальный вариант стих. “Бонн” был поднесен автором Ю. Г. Оксману 1 мая 1916 г.» (Там же: 181). Георгий Владимирович Маслов (1895–1920) учился в университете в 1913–1916, поэт, активный участник венгеровского семинария, дружил с Оксманом, Тыняновым. Умер от тифа, служа рядовым в армии адмирала Колчака. Елена Михайловна Тагер (1895–1964), поэтесса, прозаик, автор воспоминаний о Блоке и Мандельштаме, жена Маслова. Арестованная в первый раз в 1922, была в ссылке в Архангельске. Вторично арестована по ленинградскому «писательскому делу» в 1938, пробыла 10 лет на Колыме (там встретилась с Оксманом), потом была отправлена в ссылку. С 1954 жила в Саратове у дочери от второго брака, М. Н. Смирновой (урожд. Авдеевой; выступала в печати под фамилией матери), реабилитирована в 1956, после чего смогла вернуться в Ленинград.

³⁹ Русская молва. 1913. 14 (27) мая. № 150. С. 2.

может <жирный шрифт в источнике. – М. С.>, т. к. процентная норма исчисляется в отношении числа всех находящихся в университете студентов, число же находящихся в университете евреев превышает законную норму»⁴⁰.

По всей вероятности, Оксман вскоре узнал об этом решении и незадолго до возвращения в Российскую империю (прошение ректору, отправленное из Вознесенска, датировано 1 августа старого стиля), 13 июля 1913 по новому стилю, крестился.

«Копия.

Перевод с немецкого.

Свидетельство.

Господин Юлиан Оксман, студент филологии, проживающий в настоящее время в городе Бонне, родившийся 5-го Января 1895 года в городе Вознесенске, в России, сын Григория (провизора в Вознесенске) и Марии, урожденной Энгиллоф<,> супругов Оксман, после полученного наставления, приобщен мною сегодня к евангелической церкви.

Бонн 13 июля 1913 г. (подп.) Пастор Кремерс.

(М. П.)

За верность перевода
присяжный переводчик при
королевских судах в Лейпциге

(М. П.) Виктор Армгауз

№ 935. Прич<и>тается 3 р. (нрзб.) = 6 m. 50 pf.⁴¹

Императорское Российское Консульство
в Лейпциге удостоверяет подлинность предстоящих подписи и
печати Присяжного Переводчика Виктора Армгауза в Лейпциге.

Лейпциг 10/23 Июля 1913 года

Управляющий Консульством

(М. П.) М. Никольский»⁴².

⁴⁰ Там же. 17 (30) мая. № 153. С. 4.

⁴¹ 6 марок 50 пфеннигов.

⁴² Д. 63266. Л. 29. Копия.

9 сентября 1913 новоиспеченный студент обязался в течение первого семестра «сдать греческий язык в объеме гимназического курса»⁴³ (в вознесенской гимназии греческий не преподавался) и спустя три месяца, 10 декабря 1913, выдержал его у Е. М. Придика⁴⁴.

11 сентября 1913 Оксман получил матрикул и начал учиться на славяно-русском отделении историко-филологического факультета Петербургского университета⁴⁵. В неоднократно упомянутой автобиографии 1949 Оксман писал, что «слушал лекции по двум отделениям – историческому и славяно-русскому <...>» (Пугачев, Динес 1995: 8). В заметках 1960-х ученый вспоминал: «Некоторое время я занимался русской историей, работая в семинаре М. В. Ключкова»⁴⁶ (Зайцев 1990: 527). Просеминарий М. В. Ключкова «Общественный быт второй половины XVIII ст<олетия> по запискам и мемуарам современников» (Обозрение 1913: 19) Оксман посещал в первом семестре и начале второго, а 28 марта 1914 получил по нему зачет⁴⁷. Из исторических дисциплин Оксман слушал в первом и втором семестрах курс по истории церкви (его читал И. Д. Андреев)⁴⁸,

⁴³ Там же. Л. 4. Что касается объема, то в гимназии в течение четырех лет (с третьего по шестой класс, когда изучался греческий) ученики успевали прочесть несколько глав из «Анабасиса» Ксенофонта и глав тридцать из «Киропедии» или «Греческой истории» того же Ксенофонта. Или столько же глав из «Истории» Геродота и одну или две песни из «Одиссеи» (см.: Гуревич 1899: 130–131).

⁴⁴ Там же. Л. 15 об. – 16. «Для лиц, не обучавшихся в гимназии греческому языку или желающих в нем усовершенствоваться, при факультете ежегодно организуется элементарное преподавание его» (Обозрение 1912: 35). На экзамене требовалось чтение *à livre ouvert* греческого автора (см.: Там же). Евгений Мартынович Придик (1865–1935), магистр классической филологии, приват-доцент, см.: (Отчет 1914: 20, 3-я паг.).

⁴⁵ М. А. Фролов безосновательно относит поступление Оксмана в Петербургский университет к 1912, утверждая также, что он вернулся из Германии в сентябре 1913, см.: Фролов 2014: 111.

⁴⁶ Михаил Васильевич Ключков (1877–1952) – магистр истории, окончил историко-филологический факультет Дерптского университета, был приват-доцентом в Петербургском университете, преподавал на Высших женских (Бестужевских) курсах. Подробнее см.: Чухлий 2010: 265–274. [http://dspace.univer.kharkov.ua/bitstream/123456789/7551/2/Chuxlii_S.A.pdf] О Ключкове см. в мемуарах историка С. Г. Пушкирева, который занимался у него в Харьковском университете: Пушкирев 1999: 46–48.

⁴⁷ См.: Д. 63266. Л. 18 об. – 19. Л. 20 об. Л. 21.

⁴⁸ См.: Там же. Л. 20 об. Л. 21. Иван Дмитриевич Андреев (1867–1927), окончил Московскую духовную академию. В 1907–1924 профессор истории церкви Петербургского университета.

который стал обязательным для студентов славяно-русского отделения в 1909⁴⁹. Наконец, на общий курс русской истории Оксман записывался к С. В. Рождественскому⁵⁰ осенью 1914 и весной 1915⁵¹. Этот предмет был также обязателен на всех четырех отделениях историко-филологического факультета, то есть не только на историческом, но и на классическом, романо-германском и славяно-русском (заметим в скобках, что в число полукурсовых испытаний для студентов классического и исторического отделений входила история русской словесности). Экзамен по русской истории Оксман сдал «весьма удовлетворительно» А. Е. Преснякову 7 сентября 1915⁵². Ни на какие другие предметы исторического отделения Оксман не записывался, в его матрикуле фигурирует только славяно-русское (оно же словесное) отделение, как и в выпускном свидетельстве:

«Предъявитель сего Юлиан Григорьевич Оксман евангелическо-лютеранского вероисповедания, сын провизора<,> родившийся 5 Января 1895 года <...> принят был в число студентов Петроградского Университета в Сентябре 1913 года и зачислен на Историко-Филологический Факультет (на Словесное отделение) <...> подвергался испытанию из немецкого языка⁵³ <...> имеет восемь зачетных полугодий. <...> 29 Марта 1917 года»⁵⁴.

⁴⁹ Б. М. Эйхенбаум писал родителям 20 марта 1909: «Есть у нас кое-какие нововведения: прибавлена русская история <...> прибавлена история русской церкви» (Кертис 2004: 282).

⁵⁰ Сергей Васильевич Рождественский (1868–1934), в 1891 окончил петербургский университет, с 1897 магистр русской истории, приват-доцент. В 1903–1913 член Ученого комитета министерства народного просвещения, см.: Протоколы 1915: 187. 29 апреля 1912 защитил докторскую диссертацию, см.: Протоколы 1914: 85, тогда же опубликованную: «Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII–XIX вв.» Т. 1. (СПб., 1912). Чл.-корр. АН (1920). С 1925 помощник директора БАН С. Ф. Платонова. Был арестован в 1929 по «Академическому делу», умер в ссылке.

⁵¹ См.: Д. 63266. Л. 21 об. Л. 22.

⁵² См.: Там же. Л. 16 об. – 17. Александр Евгеньевич Пресняков (1870–1929), приват-доцент, ученик С. Ф. Платонова. Член-корр. АН с 1920.

⁵³ Немецкий язык Оксман сдал «весьма удовлетворительно» через полтора месяца после поступления в университет, 1 ноября 1913, Ф. Е. Беттаку, см.: Там же. Л. 15 об. – 16. Фридрих Евгеньевич Беттак имел диплом первой степени Петербургского университета, в службе и ведомстве находился с 1 сентября 1903, см.: (Отчет 1914: 13, 3-я паг.).

⁵⁴ Д. 63266. Л. 9. В письме к историку А. С. Нифонтову от 15 декабря 1963 Оксман ошибочно сообщал: «зачетное («выпускное») свидетельство получил еще до революции,

В письме к Г. П. Струве (ноябрь 1962) Оксман писал о Мандельштаме:

Я хорошо помню О. Э. по университету, но встречал его очень редко, на некот<оры>х экзаменах, на вечерах поэтов⁵⁵, в знаменит<ом> унив<ерситетск>ом коридоре. <...> многие экз<амен>ы мы сдавали вместе (философ<ские> предметы, ист<ория> греч<еской> лит<ератур>ы). Помню, как он жалко провалился на эк<замен>е у проф. Г. Ф. Церетели⁵⁶ в 1916 г. – от волнения у него дрожали руки и ноги, он заикался, чуть не плакал. Он не мог назвать ни одной комедии Менандра, хотя знал, что Церетели автор монографии об этих комедиях. Заглянув в его зачетную книжку, я убедился, что О. Э. не «сдал» самых основных обязат<ельны>х курсов, у него почти не было и семинарских зачетов (цит. по: Флейшман 1987: 22–23).

При сопоставлении матрикулов обоих студентов оказалось, что Оксман и Мандельштам вместе сдали два экзамена: 24 апреля 1914 введение в философию И. И. Лапшину⁵⁷ и 5 сентября 1916

осенью 1916 г.» (Богаевская 1990: 100).

⁵⁵ «<...> из наших старших товарищей читали свои стихи Гумилев, Осип Мандельштам, М. <Л.> Лозинский, В. <В.> Гиппиус, а из сокурсников Георгий Маслов, Всеволод Рождественский <...> В. Тривус, Д. П. Якубович, Д. <И.> Выгодский», – вспоминал Оксман (Чудакова, Тоддес 1984: 92). 13 ноября 1913 в романо-германском кружке «состоялся “Вечер стихов” при участии поэтов Гумилева, Мандельштама, Г. Иванова, Пяста, Парнока, Гиппиуса и Бахтина» (Отчет 1914: 384). Парнок – Валентин Яковлевич Парнах (наст. фамилия Парнох, в цитируемом издании допущена опечатка; 14 июля 1891–1951, дату рождения приводим по свидетельству о рождении, см.: ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 57235. Л. 9. Словарь приводит дату 15 июля, см.: Русские писатели 1999, 4: 531) в это время – студент юридического и одновременно историко-филологического факультета (романо-германское отделение). Николай Михайлович Бахтин (1894–1950) был студентом славяно-русского отделения.

⁵⁶ Григорий Филимонович Церетели (1870–1938), профессор Петроградского университета по кафедре классической филологии с 6 октября 1914, см.: Отчет 1915: 98. 2 февраля 1914 защитил докторскую диссертацию «Новые комедии Менандра», см.: Протоколы 1916: 6. С декабря 1917 член-корр. АН. Арестовывался в 1918, в ноябре 1919 и в 1931. Профессор Тбилисского университета, он был в конце 1937 «публично объявлен Берией в числе реакционных и уже уничтоженных профессоров» (Перченко 1995: 208), арестован в начале 1938, подвергнут пыткам и убит.

⁵⁷ См.: Д. 63266. Л. 15 об. – 16; Сальман 2010: 465; 468. Иван Иванович Лапшин (1870–1952) окончил Петербургский университет в 1893, с 1897 – приват-доцент, в 1906 за

историю римской литературы Ф. Ф. Зелинскому⁵⁸, оба получили высшую оценку – «весьма удовлетворительно». Экзамен по истории древнегреческой литературы Оксман выдержал у Церетели «весьма удовлетворительно» 29 апреля 1916⁵⁹, очевидно, в этот же день и Мандельштам пытался его сдать⁶⁰ (из матрикула Мандельштама известно, что в 1915–1916 учебном году он записался на курс лекций Г. Ф. Церетели о «Геракле» Еврипида, а осенью 1916 – на лекции по истории древнегреческой литературы)⁶¹. Что касается «основных обязательных курсов», о которых пишет Оксман, то из шести требуемых экзаменов Мандельштам сдал пять (кроме факультетского – не путать с поверочным – экзамена по греческому языку). Из шести специальных экзаменов по романо-германскому отделению Мандельштам выдержал четыре: введение в романскую и германскую филологию, историю римской литературы, новую историю, русскую историю (не сдал историю греческой литературы и один из германских языков). Из четырех просеминариев, в которых должен был участвовать студент романо-германского отделения, Мандельштам получил зачеты по двум: по одному из романских языков (поэт выбрал староиспанский) и по одной из романских литератур (творчество Клемана Маро)⁶². И Оксман и Мандельштам, оба, хотя и в разные дни, сдали в 1916 экзамен по древней философии И. И. Лапшину⁶³. Что касается лекций, то

книгу «Законы мышления и формы познания» ему была присуждена докторская степень вместо магистерской, см.: Протоколы 1915: 183, 184, профессор по кафедре философии со 2 декабря 1913, см.: Отчет 1914: 7, 3-я паг. 16 ноября 1922, несмотря на заступничество А. М. Калмыковой и А. В. Луначарского, был выслан за границу вместе с Л. П. Карсавиным, Н. О. Лосским и др. Жил в Чехословакии, «принимал активное участие в деятельности учебных заведений для эмигрантской молодежи» (Высылка 2005: 38, 263, 264, 458).

⁵⁸ См.: Д. 63266. Л. 16 об. – 17; Сальман 2010: 468. Фаддей Францевич Зелинский (1859–1944, в эмиграции), доктор греческой словесности, профессор по кафедре классической филологии, см.: Отчет 1914: 13, 3-я паг.

⁵⁹ Д. 63266. Л. 16 об. – 17.

⁶⁰ Дата отсутствует в летописи жизни и творчества поэта, см.: Мандельштам 2014.

⁶¹ См.: Сальман 2010: 467, 468.

⁶² Подробнее см.: Сальман 2010: 463–469.

⁶³ Д. 63266. Л. 18 об. – 19; Сальман 2010: 468.

осенью 1914 оба записались на курс Ф. Ф. Зелинского о греческих лириках⁶⁴ и на курс о Катулле у А. И. Малеина⁶⁵. Весной 1915 Оксман и Мандельштам записывались на лекции Малеина о Тибулле⁶⁶, а осенью 1915 г. и весной 1916 – на историю римской литературы у Зелинского⁶⁷.

Нам уже довелось писать о дате знакомства Оксмана с Тыняновым, которое состоялось не в годовщину смерти Толстого, 7 ноября 1913, как вспоминал Оксман (см.: Чудакова, Тоддес 1984: 91–92), а в день оправдания Менделя Бейлиса, 28 октября 1913 (см.: Сальман 2014: 457–459). Здесь прокомментируем следующий мемуарный фрагмент: «С осени 1914 года приступил к чтению лекций и к ведению семинария по древнерусской литературе В. Н. Перетц⁶⁸ <...> его грубые нападки на изучение русской литературы XIX в. вообще, и на пушкиноведение в частности, оттолкнули меня и моих ближайших друзей (Тынянов, Маслов, Комарович)⁶⁹ от приобщения к этому кладезю филологической науки <...>» (Чудакова, Тоддес 1984: 93). Между тем осенью 1916 Оксман записался на лекции Перетца по истории русской литературы XVII в. и в просеминарий по церковнославянскому языку⁷⁰. За весну 1917 в матрикуле есть записи к Перетцу на русскую литературу

⁶⁴ Оксман вспоминал, что вместе с Тыняновым слушал этот курс Зелинского, см.: Чудакова, Тоддес 1984: 93, однако из матрикула Тынянова следует, что он на него не записывался, см.: Сальман 2014: 464, 496.

⁶⁵ См.: Д. 63266. Л. 21 об. Сальман 2010: 465, 466. Александр Иустинович Малеин (1869–1938), доктор римской словесности, приват-доцент по кафедре классической филологии, см.: Отчет 1914: 19, 3-я паг. Чл.-корр. АН (1916). С 1924 по 1931 работал в БАН. Переводил Д. П. Карпини «История монгалов», Г. Рубрука «Путешествие в восточные страны», С. Герберштейна «Записки о московитских делах», Т. Мора «Утопия».

⁶⁶ См.: Д. 63266. Л. 22. Сальман 2010: 466. Экзамен Малеину Мандельштам провалил 29 сентября 1915 (см.: Мандельштам 1990: 251) и пересдал 18 октября 1916 (см.: Сальман 2010: 468).

⁶⁷ См.: Д. 63266. Л. 22 об. Л. 23. Сальман 2010: 467.

⁶⁸ Владимир Николаевич Перетц (1870–1935), историк литературы, фольклорист, театровед, академик. Арестован по «Делу славистов» в 1934, умер в ссылке в Саратове.

⁶⁹ Василий Леонидович Комарович (1894–1942, в блокаду) занимался Достоевским, Пушкиным, автор монографии «Китежская легенда» (1936).

⁷⁰ См.: Д. 63266. Л. 23 об.

XVII в., на славяно-русскую палеографию и в просеминарий по церковнославянскому языку⁷¹. Интересно, что у Оксмана возникло такое желание, ведь церковнославянским языком он занимался раньше – в просеминарии у Л. В. Щербы осенью 1914⁷² – и получил по нему зачет 11 апреля 1915⁷³. Тынянов записался к Перетцу весной 1915 на славяно-русскую палеографию, а осенью 1915 – на курс истории древнерусской литературы (см.: Сальман 2014: 465).

«Большое влияние оказали на меня в университетские годы лекции и семинары А. А. Шахматова, И. А. Шляпкина, Н. М. Лисовского⁷⁴ и Н. К. Пиксанова⁷⁵ <...>», – вспоминал Оксман (Зайцев 1990: 527). Поступив в университет, он сразу записался к Шахматову на лекции о «Несторовой летописи» – так назван курс в матрикуле⁷⁶ (см. также: Обозрение 1913: 11). В воспоминаниях о Тынянове Оксман подчеркнет: «<...> Ю. Н. особенно ценил Шахматова (мы с ним вместе прослушали его замечательный годовой курс о “Повести временных лет”» (Чудакова, Тоддес 1984: 93). 10 сентября 1915 Оксман сдал Шахматову «удовлетворительно» экзамен по сравнительной грамматике славянских языков – единственная «тройка» в его матрикуле⁷⁷, а в 1915–1916 учебном году слушал его курс по великорусской диалектологии⁷⁸. За осень 1916 и весну 1917 в матрикуле находятся записи на лекции по русскому языку⁷⁹, но поскольку в этом году Шахматов читал два курса («Очерк синтаксиса

⁷¹ См.: Там же. Л. 24.

⁷² См.: Там же. Л. 21 об. 9 сентября 1916 Оксман выдержал у Щербы «весьма удовлетворительно» необязательный экзамен по сравнительной морфологии индоевропейских языков, см.: Там же. Л. 18 об. – 19.

⁷³ См.: Там же.

⁷⁴ Николай Михайлович Лисовский (1854–1920), библиограф, автор указателя «Библиография русской периодической печати. 1703–1900» (1915). Зачислен в состав приват-доцентов по кафедре русского языка и словесности с 1 июля 1913, см.: Отчет 1914: 54. Подробнее см.: Русские писатели 1989–1999, 3: 366–367.

⁷⁵ Николай Кириакович Пиксанов (1878–1969) занимался Грибоедовым, Белинским, Пушкиным, Тургеневым, в 1917–1921 преподавал в Саратовском университете.

⁷⁶ См.: Д. 63266. Л. 20 об. Л. 21.

⁷⁷ См.: Там же. Л. 16 об. – 17.

⁷⁸ См.: Там же. Л. 22 об. Л. 23.

⁷⁹ См.: Там же. Л. 23 об. Л. 24.

русского языка» и «Очерк истории русского языка»), а кроме того, вел просеминарий по древнерусскому языку (по «Русской Правде») (см.: Обзорение 1916: 12), то невозможно с уверенностью сказать, что именно выбрал Оксман.

На первом курсе, осенью 1913, Оксман записался также на лекции С. А. Венгерова по истории русской литературы «от Белинского до наших дней» (Обзорение 1913: 11) и в Пушкинский семинарий⁸⁰. Получив зачет в венгеровском семинарии уже через полгода, 17 апреля 1914⁸¹, Оксман продолжал регулярно посещать его и выступать с докладами⁸². По-видимому, такие посещения были возможны без оплаты занятий, во всяком случае, Эйхенбаум писал Венгерову 10 ноября 1913: «Я, к сожалению, не имел времени для работы в вашем семинарии, но был частым слушателем» (Сальман 2014: 449).

Первая же публикация Оксмана «К вопросу о дате стихов Пушкина о старом дожде и догарессе молодой» (1915) вызвала неожиданную реакцию, вот как ученый вспоминал об этом: «Она связана была с моей большой работой “Пушкин и художественная проза Э. Т. А. Гофмана”, а направлена была против некоторых приемов исследований Н. О. Лернера, опубликовавшего в том же “Русском библиофиле” статью “Стихи Пушкина о Марино Фальери”⁸³. В этой очень небольшой статье <Лернера> было около 20 фактических неточностей и ошибок, но при подготовке своей статьи к печати я так искусно замаскировал ее полемическую часть, что Н. В. Соловьев, редактор “Русского библиофила”, ее охотно напечатал (я получил за нее даже гонорар, из расчета 60 р<ублей> лист (первый мой литературный гонорар) – 15 руб<лей>), а сам Н. О. Лернер, оценив мою деликатность [и величественно учтя все мои

⁸⁰ См.: Там же. Л. 20 об.

⁸¹ См.: Там же. Л. 18 об. – 19.

⁸² См.: Пушкинист 1916а: 287–289. Здесь опубликована роспись занятий в Пушкинском семинарии за 1913–1915. Библиограф А. Г. Фомин, бывший в юности секретарем Венгерова, вспоминал: «Очень характерным для семинария было то, что в нем принимали участие бескорыстно многие студенты-филологи, уже имевшие зачеты и не заинтересованные в получении их, и даже студенты других факультетов – юристы и естественники» (Фомин 1922: XVII).

⁸³ См.: Лернер 1913: 25–31.

поправки, разумеется, без указания источника, при перепечатке своей статьи, прислал], выразил желание со мной познакомиться и затем в течение долгого времени относился ко мне [необычно] с некоторой снисходительной благосклонностью, зато Юрий Ник<о>лаевич> Тынянов долгое время рвал и метал, не прощая мне этой детской дипломатии. Он, как и многие другие, старые и молодые, пушкинисты, очень не любил Н. О. Лернера – не столько за его работы, сколько за претензии на монополию положения супер-арбитра в вопросах пушкиноведения, за недоброжелательный глумливый характер его печатных и устных отзывов о новых книгах, – литературное кредо которого, как рецензента всех новых книг по пушкинистике, сводилось к формуле заплочных дел мастеров: “Берегись, ожгу!”» (Оксман 2005: 170–171)⁸⁴.

По всей вероятности, Оксман смог напечататься в журнале благодаря рекомендации профессора Шляпкина, большого книжника, знавшего редактора Н. В. Соловьева, владельца антикварного книжного магазина и автора двухтомной биографии А. А. Воейковой (в девичестве Протасовой), которой посвящено стихотворение В. А. Жуковского «Светлана». Шляпкин и сам публиковался в журнале, см., например, его «Заметки об А. И. Полежаеве» (Русский библиофил. 1913. № 3. С. 94–96). В четырехстраничной заметке темпераментный двадцатилетний студент сделал четыре отнюдь не замаскированных замечания Лернеру: “1822” без всякой мотивировки принят в “Трудах и днях Пушкина” <...> ввести в его работу незначительный корректив <...> по странному недосмотру утверждает Лернер <...> Н. О. Лернер подкрепил, однако, это соображение очень неудачно <...>» (Оксман 1915: 90, 91, 92).

В 1916 вышел второй выпуск «Пушкиниста» – сборника, где публиковались работы участников венгеровского семинария, на него появилось несколько рецензий, в которых упоминалась и статья Оксмана «Программа драмы А. С. Пушкина о паписсе Иоанне (к

⁸⁴ Об отношениях Оксмана с Лернером см. в его очерке «Николай Осипович Лернер» и во вступительной статье публикатора С. И. Панова (Оксман 2005: 164–214). По теме «Тынянов и Лернер» см. статью Тынянова «Мнимый Пушкин» (1922, опубл. в 1977) и комментарий Е. А. Тоддеса: Тынянов 1977: 78–92; 421, 426–429.

истории недовершенного замысла)» (см.: Оксман 1916: 258–268). Если В. Я. Брюсов просто назвал статью дельной (см.: Брюсов 1916: 81), то рецензент филологического издания отметил как сильную сторону статьи ее источниковедческий компонент: автор «только намечает возможную родственность папииссы с типами пушкинских женщин, но не доказывает этого наглядно и не привлекает для сравнения всех произведений Пушкина. <...> главная заслуга автора разбираемого доклада заключается в том, что он привел исторические справки о главном действующем лице незавершенной драмы – папииссе Иоанне» (Вознесенский 1916: 178).

В 1917 публикуется статья Оксмана «Сюжеты Пушкина» (Оксман 1917: 73–95). Б. В. Томашевский, услышавший о ней еще до выхода издания, писал из действующей армии (он служил в инженерно-строительной дружине) М. К. Клеману⁸⁵ в длинном письме от 3 ноября – 21 декабря 1916, посланном с оказией: «Приехать в Петроград раньше конца войны я не мечтаю, так что мне не удастся принять участия в ваших Пушкинских и стиховедческих кружках⁸⁶. Передайте от меня привет их участникам, если найдутся там мои знакомцы. Не сообщите ли мне о ходе занятий в этих кружках. Что поделявает семинарий по Пушкину и тому подобные учреждения. Между прочим<,> меня интересует вопрос о том, как встретила печать Пушкинист № 2-ой. Вероятно<,> в Семинарии знают. Не сообщите ли мне, как печать отозвалась об этом сборнике, и не было ли ценных критических статей. <...> Нельзя ли попросить у Оксмана оттисков его статей в Пушкине и его Современников <sic! –

⁸⁵ Михаил Карлович Клеман (1897–1942, в эвакуации), историк литературы, занимался Тургеневым, русско-французскими литературными связями. На историко-филологический факультет Петербургского университета поступил в 1915, участник Пушкинского семинария.

⁸⁶ Историко-литературный студенческий кружок им. Пушкина открылся 5 декабря 1915, среди его учредителей были, в частности, С. М. Бонди, М. К. Клеман, Г. В. Маслов, Оксман, который в 1916–1917 выступил в нем с четырьмя докладами: о Пушкине и Арно; «Кровавый бандурист» – новые страницы Гоголя; о несостоявшемся журнале В. В. Измайлова «Современник»; о цензурной истории текстов Полежаева, см. перечень докладов, составленный Бонди, в предисловии Венгерова: (Венгеров 1918: IX). Все доклады были впоследствии опубликованы, см.: Богаевская, Черных 1997: 327, 328, 329.

М. С.>. Меня его статьи очень интересуют, а иметь когда-нибудь ожидаемый № Пушкин и е<го> С<овременники> в этой земной жизни я не надеюсь, а на том свете, боюсь, интересы будут настолько иные, что весь Пушкинизм утерять свое значение»⁸⁷. Любопытно, что имя Тынянова Томашевский впервые услышал от Клемана, которому он писал в ответном письме от 13 февраля 1917: «<...> занятия пушкинскими рукописями – чрезвычайно оздоравливают человека и исправляют взгляд на него. <...> Состав комиссии (мне неизвестны <...> жена Маслова⁸⁸ и некто, чьей фамилии я не разобрал: перерисовываю Тынысов) ручается за добросовестность»⁸⁹.

Одно из последних (если не последнее) выступлений Оксмана в венгеровском семинарии состоялось уже после окончания им университета, осенью 1917. М. К. Клеман, отвечая на письмо Н. К. Пиксанова от 24 января 1918, в котором тот просил известить его «о себе, о Венгерове <...> об Оксмане, о Белинском, о Тургеневе, обо всем»⁹⁰, писал:

⁸⁷ РО ИРЛИ. Ф. 84. Ед. хр. 374. Л. 1 об. Л. 2. Другой фрагмент письма цитировался в статье: Измайлов 1960: С. 8–9. В этом же выпуске XXVIII «Пушкин и его современники» напечатана статья самого Томашевского «Заметки о Пушкине». Критический отзыв Томашевского об одной из трех вошедших в публикацию 1917 оксмановских заметок – «К литературной истории стихов Пушкина “К***” (“Счастлив, кто близ тебя, любовник упоенный...”» см.: Томашевский 1923: 78. К вопросу об отношениях между двумя учеными см.: Устинов 1994: 513–514; Гришунин 1999: 3–17, особенно 11. Приведем как пример пикировки: говоря о датировке пушкинской оды «Вольность», Оксман заметил, что «политические прокламации не пишутся для письменного стола», – Б. В. Томашевский позволил себе ироническую реплику: «Видно, Вы имеете личный опыт в таком деле...» (Там же: 13). Воспользуемся случаем, чтобы исправить ошибочную датировку в опубликованной А. Л. Гришуниным переписке Оксмана с Чуковским. Письмо Оксмана № 27, написанное, по предположению публикатора, весной 1956 (?), см.: Оксман – Чуковский 2001: 81, было написано ранее 13 июля 1955. Этим числом датировано письмо Е. М. Тагер, которая после ссылки жила в Саратове с неснятой судимостью, к Л. В. Шапориной: «Не помню, писала ли я Вам, что одновременно с письмом Федина я получила очень горячее и нежное письмо от К<орнея> Ив<анович>ча и Коли, которые узнали мой адрес от Оксмана и сейчас же мне написали. Затем я получила от них “по праву дружбы” 1000 р., на которые немедленно оделась <...>» (ОР РНБ. Ф. 1086. Ед. хр. 34. Л. 32). Коля – Н. К. Чуковский.

⁸⁸ Е. М. Тагер.

⁸⁹ РО ИРЛИ. Ф. 84. Ед. хр. 374. Л. 5.

⁹⁰ РО ИРЛИ. Ф. 84. Ед. хр. 329. Л. 3.

«<...> Университет хотя и открылся формально, но лекции протекали вяло. Я видел листы для записи в семинарии – все по два <,> по три, много по четыре человека, и только у Семена Афанасьевича больше. Я принимал участие в одном Пушкинском семинарии. Состав весь целиком обновился, и пока еще только ознакомливается с Пушкиным, до сих пор было прочитано только три реферата – да и то один Оксманом – О “Розе” Пушкина, а другой мною – О тексте лицейских стихов⁹¹ <...> Пушкинский кружок до Рождества заседал только два раза – Андрей Белый прочел доклад о “Ритмическом жесте” – распространил и популяризировал одну из глав своей статьи в первом томе “Скифов”⁹². Второе заседание было посвящено прениям, впрочем, в отсутствии <sic! – М. С.> референта⁹³. После Рождества деятельность кружка несколько оживилась. Б. М. Эйхенбаум прочел доклад о “Мелодике лирического стиха”, в котором доказывал наличность двух поэтических школ – ритмической и мелодической⁹⁴. Для меня

⁹¹ Заметка Оксмана «Роза» включена в его статью «Сюжеты Пушкина. (Отрывочные замечания)», см.: Оксман 1922: 24–39. В этом же издании напечатана статья Клемана о лицейских стихах, см.: Клеман 1922: 1–12. Его выступление следует отнести к ноябрю 1917, см.: РО ИРЛИ. Ф. 84. Ед. хр. 425. Л. 1.

⁹² Об этом докладе, состоявшемся 14 октября 1917, Оксман с восторгом писал жене 15 октября 1917, см.: Зайцев 1990: 529; тот же фрагмент письма цитировался в: Жирмунская, Эйхенбаум 1988: 327. Оксман запомнил это выступление, хотя и позабыл точную дату доклада. Путая строчки Тютчева, он писал жене с колымской каторги 20 июня 1943: «“Из края в край, из града в град судьба, как вихрь, людей метет. И рад ли ты – или не рад – вперед, вперед, всегда вперед”. Вот и мои любимые стихи (еще с 1919 г., когда их впервые истолковал в Пушкинском кружке Андрей Белый) получили конкретную значимость для всех нас, да еще в самом трагическом варианте, о котором никто никогда и подумать не мог даже в бредовом кошмаре» (Зайцев 1990: 539). Последняя строка у Тютчева: «Что нужды ей?.. Вперед, вперед!». См. также отзыв о докладе Андрея Белого в письме Эйхенбаума и комментарий публикаторов: Жирмунская, Эйхенбаум 1988: 292–293, 327.

⁹³ Референт – Андрей Белый – извинялся в письме к Венгеру от 6 ноября 1917: «Мне бесконечно больно и горько, что произошло недоразумение с заседанием. Я был введен в заблуждение слухами о железнодорожной забастовке и другими факторами, помешавшими приехать на прения по поводу моего доклада» (Лавров 1981: 54).

⁹⁴ Письмо Клемана позволяет хотя бы приблизительно определить дату выступления Эйхенбаума в Пушкинском кружке – начало января 1918. В предисловии к «Мелодике русского лирического стиха», написанном летом 1921, Эйхенбаум не упомянул

это деление казалось не слишком убедительным, так как Б. М. не дал достаточно существенных признаков для отличия ритма от мелодии. Мелодическая школа, к которой принадлежат Жуковский, Тютчев и Фет, шире пользовалась синтаксисом. <...> Кружок окончательно решил реформироваться в общество – проект устава внесен в Совет<,> и мы ждем только утверждения, которое, конечно, не замедлит. Устав, составленный по образцу устава Неофилологического общества, рассчитан широко, предполагается издавать “труды”, но это вряд ли теперь осуществимо. <...>»⁹⁵.

В письме к С. А. Рейсеру от 16 марта 1954 Оксман вспоминал о занятиях у Н. М. Лисовского, который читал в университете курс книговедения: «Этому старику я обязан много больше, чем всему фил<ологическому> факультету <...>» (Азадовский 1998: 104). В матрикуле запись к Лисовскому есть лишь за осень 1916 и весну 1917⁹⁶, но сохранилось письмо Оксмана к Лисовскому, из которого следует, что работу о журнале «Московский вестник»⁹⁷, защищенную у Шляпкина как выпускное сочинение, он писал вначале именно у него в 1914–1915 учебном году. Видимо, это был первоначальный вариант работы, судя по тому, как звучало ее название в письме к Шляпкину от 7 мая 1917 (см. прим. 16). Приведем письмо к Лисовскому от 27 июня 1915:

«Дорогой Николай Михайлович!

Очень извиняюсь, что не представил вам своевременно своей работы для сборника. В черновом виде она закончена уже давно, а окончательную отделку задержали экзамены, слухи о

об этом выступлении, он сообщал лишь, что работа была прочитана «в качестве пробной лекции в заседании историко-филологического факультета Петербургского университета, а затем – в виде доклада в заседании Неофилологического общества» (Эйхенбаум 1969: 327). Пробная лекция прошла 17 февраля 1918, см.: Жирмунская, Эйхенбаум 1988: 298.

⁹⁵ РО ИРЛИ. Ф. 84. Ед. хр. 181. Л. 45–45 об. Недатированный и недописанный черновик.

⁹⁶ См.: Д. 63266. Л. 23 об. Л. 24.

⁹⁷ «Московский вестник» (1827–1830) издавался М. П. Погодиным, в нем печатался Пушкин.

перенесении печати сборника на осень и, наконец, домашние мои обстоятельства. Как бы то ни было, теперь мне осталось лишь переписать свое “описание” и переслать вам. Структура его такова: 1) Введение, написанное по обсужденному с вами плану 2) Указатель к “Московскому Вестнику”. 3) Примечания (выяснение псевдонимов, цензурные даты каждой книжки журнала, время выхода в свет каждого №, определенное по газетным публикациям) 4) Алфавитный указатель личных имен (авторов статей) к указателю журнала и перечень псевдонимов.

Работа, как видите, очень кропотливая, что отчасти может служить оправданием в задержке ее. <...>

Итак, дорогой Николай Михайлович, сообщите, выслать ли свою работу вам теперь или печатание сборника отложено? Будьте добры черкнуть хоть несколько слов о положении вообще дела с печатанием всем нам одинаково близкого библиографического альманаха.

Ваш Юлиан Оксман.

19^{27/V}15

Тирасполь (Херсонской губ.) Покровская, 88.

Юл. Гр. Оксману»⁹⁸.

В записке Лисовского Оксману от 2 марта 1916 речь идет об этой же работе:

«Многоуважаемый

Юлиан Григорьевич.

Приеду в Петроград к Понедельнику. Быть может,> Вы приготовите к этому времени Вашу работу. Дело со сборником (1 слово нрзб.) налаживается,> несмотря на затруднение с бумагой. Расстройство жел<езных> дор<ог> совсем выбило меня из колеи и мешает правильности поездок.

2/III 1916 Ваш Лисовский>»⁹⁹.

⁹⁸ РО ИРЛИ. Ф. 153. Ед. хр. 654. Л. 2–3.

⁹⁹ Там же. Л. 10.

Лисовский – чиновник в канцелярии военного министерства – жил в Москве и «приезжал на свой семинар раз в два месяца», – вспоминал Оксман в упомянутом выше письме к С. А. Рейсеру от 16 марта 1954 (Азадовский 1998: 104). Свою работу о «Московском вестнике» Оксман использовал, когда писал статью о пушкинской заметке, посвященной «Железной маске» (см.: Оксман 1917: 87–95).

Для получения выпускного свидетельства студент славяно-русского отделения должен был получить зачет четырех просеминариев (см.: Обозрение 1912: 32). Оксман посещал упомянутые выше просеминарии Ключкова, Шляпкина и Щербы, четвертым он выбрал просеминарий Н. К. Пиксанова, посвященный Белинскому. В матрикуле Оксмана за 1913–1914 есть записи на лекции Пиксанова по историографии русской литературы¹⁰⁰, хотя в Обозрении преподавания наук за 1913–1914 его курс не значится. Он появляется в следующем году под названием «Историография русской литературы нового периода (часть вторая; историки-академики, историки-публицисты, пушкинизм, новейшие течения)» (Обозрение 1914: 14), но в записях матрикула за 1914–1915 Пиксанова нет. Осенью 1916 и весной 1917 Оксман записался к Пиксанову в просеминарий по Тургеневу¹⁰¹. Зачет в просеминарии по Белинскому Оксман получил 24 марта 1917, за пять дней до выписки выпускного свидетельства¹⁰².

В письме к историку А. С. Нифонтову Оксман сообщал, что с 1915 служил «в архиве министерства народного просвещения, где дослужился до звания чиновника особых поручений VII класса <...>» (Богаевская 1990: 100). По всей вероятности, именно с его слов В. Эджертон писал в некрологе: “As early as the summer of 1915 he had begun working in Russian archives, studying the history of Russian

¹⁰⁰ См.: Д. 63266. Л. 20 об. Л. 21.

¹⁰¹ Там же. Л. 23 об. Л. 24. См.: Обозрение 1916: 16.

¹⁰² См.: Д. 63266. Л. 18 об. – 19. 10 сентября 1965 Оксман писал Пиксанову, что, разбирая бумаги, «нашел свой доклад в семинарии по Белинскому, кот<орый> вы вели в 1914 – 1915 гг. Доклад на тему “Белинский о прозе Э. Т. А. Гофмана” (я ведь готовил дипломную работу о Гофмане в рус<ской> и франц<узской> литературе 20 – 30-х гг.)» (Азадовский 1998: 43).

«censorship and the press» (Edgerton 1973: 5). Вслед за американским ученым и первые публикаторы мемуарных фрагментов сообщали, что «начав занятия в архивах летом 1915 г., он с января 1916 участвует в Комиссии по научному описанию архива министерства народного просвещения <...>» (Чудакова, Тоддес 1984: 83–84)¹⁰³. Сохранившиеся в студенческом деле документы 1916 позволяют уточнить дату начала занятий в архиве: это, во-первых, прошение Оксмана в министерство народного просвещения, во-вторых, полученный им из министерства ответ.

«Его Превосходительству Господину Директору Департамента
Общих Дел Министерства Народного Просвещения
студента Императорского Петроградского
Университета
Юлиана Григорьевича Оксмана

Простение.

В течение нескольких лет изучая под руководством профессоров И. А. Шляпкина, А. П. Кадлубовского¹⁰⁴, Н. М. Лисовского и Н. К. Пиксанова жизнь и критическую деятельность В. Г. Белинского, покорнейше прошу допустить меня к занятиям в Архиве Министерства Народного Просвещения для ознакомления с делами 1830 – 50-х годов, имеющими отношение к предпринятой мною научной работе.

Юлиан Оксман

4 апреля 1916 г.

Петроград

В. О., 8 линия, д. 49 б, кв. 27»¹⁰⁵.

¹⁰³ Ср.: «В январе 1916 г. Оксман по рекомендации профессоров С. Ф. Платонова и И. А. Шляпкина был утвержден в должности младшего научного сотрудника Комиссии по научному описанию Архива МНП и проработал на этой должности до мая того же года» (Фролов 2013: 122). М. А. Фролов ссылается на автобиографию Оксмана от 10 июля 1956.

¹⁰⁴ Арсений Петрович Кадлубовский (1867–1921) – специалист по древнерусской агиографической литературе, в его просеминарий Оксман записывался в 1915–1916 учебном году, см.: Д. 63266. Л. 22 об. Л. 23.

¹⁰⁵ Там же. Л. 39.

21 апреля 1916 прошение студента из министерства вернулось к ректору, чтобы тот дал свое заключение¹⁰⁶. Ректор не возражал, и спустя неделю, 28 апреля 1916, студенту послали извещение:

«На поступившее в Департамент Об. Дел прошение студента Импер. Петроградского Университета Юлиана Оксмана Департ. Общих Дел объявляет, что просителю Департаментом разрешено заниматься в Архиве Мин. Нар. Пр. в присутственное время по указанию г. начальника Архива.

Вице-директор (подпись)

За делопроизводителя (подпись)»¹⁰⁷.

Оксман получил извещение 13 мая 1916¹⁰⁸. Надо полагать, что до этого времени никакие архивные занятия начаться не могли.

Высказывалось предположение, что Оксман женился, еще учась в университете, в 1915 или в 1916 (см.: Чудакова, Тоддес 1988: 98). До 1906 у студента была альтернатива: либо учиться, либо жениться¹⁰⁹. В 1906 министерство народного просвещения предоставило высшим учебным заведениям право выдавать студентам разрешения вступать в брак, а также самостоятельно решать вопрос – принимать женатых людей в число студентов или нет. По этой причине в студенческих делах можно встретить три документа: прошение студента ректору, чтобы тот разрешил ему вступить в законный брак, письменное разрешение на это, и то, что очень условно можно назвать свидетельством о заключении брака. Такое свидетельство – не особый документ, а всего лишь запись священнослужителя, подтверждающего своей подписью и печатью совершение брака. Такая запись производилась на обороте другого

¹⁰⁶ Там же. Л. 44.

¹⁰⁷ Там же. Л. 40. копия.

¹⁰⁸ Там же.

¹⁰⁹ См. по теме монографию: М. Э. Кругляк. Життя та побут студентства підросійської України другої половини XIX – початку XX ст. Житомир: Волинь, 2015. См. авторское резюме по-русски: [http://www.historicus.ru/Jenitsa_ili_Uchitsa_Brak_v_povsednevnoi_jizni_rossiskogo_studenchestva/]. Исследовательница упоминает в качестве обязательного документа для вступления в брак нотариально заверенное согласие родителей жениха; похожий документ нам не встретился ни в одном из дел женатых студентов.

документа, который удостоверял личность студента, скажем, его право жить в столице. В качестве примера отсылаем к студенческим делам Тынянова и Эйхенбаума (см.: Сальман 2014: 460–461; 480). В деле Оксмана нет ни одного документа, который бы относился к матримониальным делам, можно предположить, что официальный брак с А. П. Семеновой был заключен Оксманом, когда он окончил университет.

После получения выпускного свидетельства 29 марта 1917 Оксман начал сдавать экзамены в государственной испытательной комиссии. В апреле он выдержал все экзамены¹¹⁰ и получил диплом первой степени, а четвертым мая 1917 датируется черновик его заявления об оставлении при университете¹¹¹.

В неоднократно упоминавшемся письме к Шляпкину, написанном спустя три дня после этого заявления, Оксман сообщал, что за экзаменационными делами он позабыл выхлопотать отсрочку от воинской службы (см.: Рак, Эльзон 2003: 144). Она была ему дана, как оставленному при университете, но 10 октября 1917 Оксману пришлось явиться в Елисаветградское уездное присутствие по воинской повинности, чтобы получить временное свидетельство, которое подтвердило, что «Юлиан Гершев <sic! – М. С.> Оксман являлся к исполнению воинской повинности при досрочном призыве 1916 года и подлежал поступлению на службу в постоянные войска; <...> поступление ему на службу отсрочено до 1 числа месяца, следующего за окончанием образования, но не далее 1 Октября 1925 года, если к тому времени он не будет назначен на

¹¹⁰ На славяно-русском отделении сдавали шесть экзаменов: старославянский язык с палеографией, русский язык с диалектологией, история русской словесности, история западноевропейских литератур, один из южных и один из западных славянских языков с историей славянских литератур, сравнительная грамматика индоевропейских языков, см.: Обзорение 1912: 28–29. Осенью 1915 Оксман занимался болгарским языком у Н. С. Державина, а польским языком и польской литературой у С. Л. Пташицкого, см.: Д. 63266. Л. 22 об. Станислав Львович Пташицкий (1853–1933), приват-доцент по кафедре славянской филологии, см.: Отчет 1914: 21. Уехав в 1918 в Польшу, преподавал в Люблинском университете в 1919–1926, в 1926–1932 был директором польских архивов.

¹¹¹ См.: РО ИРЛИ. Ф. 341. Оп. 1. Ед. хр. 369. Оксман «был оставлен при кафедре с 20 мая 1917 года <...>» (Рак, Эльзон 2003: 145).

должность<, > совершенно освобождающую от воинской повинности»¹¹².

Вернувшись в Петроград, который он, подобно большинству столичных жителей, продолжал называть Петербургом, Оксман пишет Лисовскому в Москву. Штемпелей на конверте нет (по всей вероятности, письмо было передано с оказией, с А. С. Николаевым, см. ниже), дата поставлена карандашом, видимо, адресатом; как человек педантичный, он ставит карандашом и номер – письмо 27. Прежде чем привести текст, напомним о некоторых реалиях того времени.

Осенью 1917 столица голодала, в конце августа Оксман писал А. П. Семеновой: «Жить невыносимо трудно – кроме хлеба, который получаю по карточке, я ничего не видел даже съестного, кроме овощей <...>» (Зайцев 1990: 529). 7 сентября центральная продовольственная управа сообщала, что с 8 сентября хлебный паек составит три четверти фунта по основной карточке (см.: День. 1917. № 157. 7 сентября. С. 5)¹¹³. В этот же день газета извещала о разгроме дворцов: «По распоряжению комиссариата б<ывшего> министерства двора производится осмотр Царскосельского, Александровского и Стрельнинского дворцов, подвергшихся разгрому 28 и 29 августа <...> исчезли подлинно художественные ценности <...> Похищены миниатюры Ватто, несколько исторических гобеленов, редкий фарфор <...>» (Там же: 4). После того как 21 августа немцы взяли Ригу, была открыта дорога на Петроград, и правительство приняло решение о «разгрузке» столицы¹¹⁴: предполагалось эвакуировать как государственные учреждения, так и людей, а для въезда в город надо было получать специальное разрешение¹¹⁵.

Письмо Оксмана Лисовскому, написанное 18 октября 1917:

¹¹² Д. 63266. Л. 7.

¹¹³ Один фунт равен 409,5 гр.

¹¹⁴ В апреле 1918 в Центральной коллегии по разгрузке Петрограда служил Мандельштам, см.: Мандельштам 2014: 137.

¹¹⁵ Г. В. Маслов писал из Симбирска в университетскую канцелярию 14 ноября 1917 и просил выслать ему разрешение на въезд в Петроград для сдачи экзаменов, см.: ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 62271. Л. 48-48 об. Л. 43. Копия. Дата на Л. 43 об.

«Глубокоуважаемый и дорогой

Николай Михайлович!

Вы совсем, очевидно, забыли своих покинутых в Петербурге учеников и, если бы не чрезвычайные обстоятельства последнего времени, не решился бы я об этом Вам напоминать. Вместо предисловия замечу только, что после нашего последнего свидания я успел уже окончить университет, числюсь оставленным по кафедре рус<ского> яз<ыка> и словесности и недавно назначен заведующим цензурным архивом (б<ывшего> Глав<ного> Управления и Комитета по делам печати) на правах помощника начальника Архива Мин<истерства> Нар<одного> Просв<ещения> VII класса¹¹⁶.

В распоряжении моем теперь свыше 50 тысяч “дел”, записок, секрет<ных> изданий и коллекций, – грандиозный материал по истории культуры, литературы, журналистики, библиографии и иконографии. Разбор всего материала не успел, однако, дойти даже до середины, как предложение об эвакуации сразу выбило всех из колеи.

С большим трудом удалось добиться разрешения на перевоз архива в Москву, причем выбор ее в значительной степени был для меня определен мыслью о Вашем содействии, советах и авторитетных указаниях при разборе цензурных сокровищ.

Для предварительных розысков помещения и выяснения всех условий эвакуации на месте в Москву выезжает Начальник Архива Минист<ерства> Народ<ного> Просвещения – Алек<сандр> Серг<еевич> Николаев¹¹⁷, уполномоченный (кроме того) Археографич<еской> Комиссии, Всерос<сийского> союза архивных деятелей и Пушкинского дома.

Интересы всех этих учреждений меня сейчас мало занимают, но устройство цензурного архива заставляет обратиться к Вам,

¹¹⁶ В автобиографии 1949 Оксман сообщал, что был назначен помощником начальника архива 1 июня 1917, см.: Зайцев 1990: 531.

¹¹⁷ Александр Сергеевич Николаев (1877–1934), архивист, подробнее см.: Фролов 2013: 116–123. В письме к В. Д. Бонч-Бруевичу от 3 апреля 1934 Оксман писал, что «был очень близок к А. С. Николаеву (в 1921 г. мы выпустили под нашей общей редакцией истор<ико>-лит<ературный> альманах “Литературный Музеум” <...>» (Там же. 119).

Николай Михайлович, с горячей просьбой не оставить своей поддержкой и компетентными указаниями моего начальника в его Московских хождениях по мукам. Боюсь быть чрезмерно уж нескромным, но – помнится – вы как-то говорили о больших размерах своей квартиры: было бы большим счастьем, если бы Вы уступили ведомству Народ<ного> Просвещ<ения> хоть две комнатки для эвакуируемых лиц (меня в том числе) и наиболее ценных предметов.

Разумеется, надеяться на это я не смею, но с середины ноября наше научное общение в Москве во всяком случае восстановится: цензурный архив ждет Ваших предначертаний.

Еще раз простите за невольное беспокойство, которое Вам, может быть, причиняю этим письмом.

Ваш Юл. Оксман.

Если захотите черкнуть несколько слов до моего отъезда из Петербурга, то адрес старый: Зверинская, 7, кв. 1.

Юлиану Григорьевичу Оксману»¹¹⁸.

Этим письмом (свидетельством времени), написанным за неделю до Октябрьского переворота, мы и завершаем статью. Годы 1918–1923 в жизни Оксмана, проведенные в Петрограде и Одессе, нуждаются в отдельном исследовании.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абросимова В. 1998. Ахматовский мотив в письмах А. В. Белинкова к Ю. Г. Оксману / Вступительная заметка, публикация и комментарий В. Абросимовой. – Знамя. № 10. С. 139–147.
- Азадовский К. М. 1998. Азадовский М. К., Оксман Ю. Г. Переписка 1944–1954 / Изд. подготовил Константин Азадовский. М.: Новое литературное обозрение.
- Бейер Т. 1988. Осип Мандельштам и Гейдельбергский университет / Публикация Т. Бейера. – Минувшее. Paris: Atheneum. [Т.] 5. С. 222–225.
- Богаевская К. П. 1990. Возвращение. О Юлиане Григорьевиче Оксмане / Вступительная заметка и примечания И. Д. Прохоровой. – Литературное обозрение. № 4. С. 100–112.

¹¹⁸ РО ИРЛИ. Ф. 153. Ед. хр. 654. Л. 5 – Л. 6 об.

- Бобаевская К. П., Черных В. А. 1997. Список печатных трудов Ю. Г. Оксмана (к 100-летию со дня рождения). – Археографический ежегодник за 1995 год. М.: Наука. С. 327–340.
- Богомолов Н. А. 2010. Вокруг «серебряного века»: Статьи и материалы. М.: Новое литературное обозрение.
- Брокгауз, Ефрон 1890. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Т. Iа. СПб.: Семеновская типолитография (И. А. Ефрона).
- Брюсов В. Я. 1916. [Рец.] Пушкинист. Вып. II. – Известия московского литературно-художественного кружка. Вып. 14–15. С. 79–82.
- Венгеров С. А. 1918. [Предисловие]. – Пушкинист. Историко-литературный сборник. III. Пг. С. V–X.
- Водонос Е., Филиппов А. 1994. Письма Ю. Г. Оксмана Р. А. Резник / Публикация Е. Водоноса, А. Филиппова. – Волга. № 1. С. 104–121.
- Вознесенский А. 1916. [Рец.] Пушкинист. Историко-литературный сборник. II. – Русский филологический вестник. № 3. С. 174–178.
- Высылка 2005. Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК – ГПУ. 1921–1923 / Вступительная ст., сост. В. Г. Макарова, В. С. Христофорова; комментарии В. Г. Макарова. М.: Русский путь.
- [Гельбке Ф. Ф.] 1912. Календарь для учителей на 1912–1913 уч. год. Ч. II. СПб.: Издание Отто Кирхнер.
- Гришунин А. Л. 1999. Проблемы пушкинской текстологии в оценке Ю. Г. Оксмана. – Известия АН. Серия литературы и языка. Т. 58. № 3. С. 3–17.
- Гуревич Я. Г. 1899. К вопросу о реформе системы среднего образования, в особенности же классической гимназии. – Русская школа. № 11. С. 124–146.
- Жирмунская Н. А., Эйхенбаум О. Б. 1988. Переписка Б. М. Эйхенбаума и В. М. Жирмунского / Публикация Н. А. Жирмунской и О. Б. Эйхенбаум; вступительная ст. Е. А. Тоддеса; примечания Н. А. Жирмунской и Е. А. Тоддеса. – Тыняновский сборник. Третьи Тыняновские чтения. Рига: Зинатне. С. 256–329.
- Зайцев А. Д. 1990. «Человек жизнерадостный и жизнедеятельный...» (Набросок портрета Ю. Г. Оксмана по материалам его архива) / Обзор А. Д. Зайцева. – Встречи с прошлым. Вып. 7. М.: Советская Россия. С. 525–566.
- Измайлов Н. В. 1960. Б. В. Томашевский как исследователь Пушкина. – Пушкин. Исследования и материалы. Т. III. С. 5–24.

- Каганович Б. С. 2006. Наука и политика в биографии Ю. Г. Оксмана (Некоторые материалы и соображения). – Историческое сознание и власть в зеркале России XX века. СПб.: Нестор-История. С. 50–64.
- Кертис Дж. 2004. Борис Эйхенбаум: Его семья, страна и русская литература. СПб.: Академический проект.
- Клеман М. К. 1922. Текст лицейских стихов Пушкина. – Пушкинский сборник. Памяти профессора Семена Афанасьевича Венгерова. Пушкинист IV. М.; Пг.: Госиздат. С. 1–12.
- КЛЭ 1968. Краткая литературная энциклопедия: В 9-ти тт. М.: Советская энциклопедия. Т. 5.
- Кругляк М. Э. 2015. Життя та побут студентства підросійської України другої половини XIX – початку XX ст. Житомир: Волинь.
- Лавров А. В. 1981. Материалы Андрея Белого в Рукописном отделе Пушкинского Дома. – Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 1979 год. Л.: Наука. Ленинградское отделение. С. 29–79.
- Лернер Н. О. 1913. Стихи Пушкина о Марино Фальери. – Русский библиофил. 1913. № 2. С. 25–31.
- ЛЭ 1934. Литературная энциклопедия: В 11-ти тт. М.: Советская энциклопедия. Т. VIII.
- Мандельштам О. Э. 1990. Камень / Изд. подготовили Л. Я. Гинзбург, А. Г. Мец, С. В. Василенко, Ю. Л. Фрейдин. Л.: Наука.
- Мандельштам О. Э. 2009–2011. Полн. собр. соч. и писем: В 3-х тт. М.: Прогресс-Плеяда.
- Мандельштам О. Э. 2014. Полн. собр. соч. и писем: В 3-х тт. Приложение. Летопись жизни и творчества. М.: Прогресс-Плеяда.
- Обозрение 1912. Обзорение преподавания наук на историко-филологическом факультете императорского С.-Петербургского университета в осеннем полугодии 1912 года и в весеннем полугодии 1913 года. СПб.
- Обозрение 1913. Обзорение преподавания наук на историко-филологическом факультете императорского С.-Петербургского университета на 1913–1914 учебный год. СПб.
- Обозрение 1914. Обзорение преподавания наук на историко-филологическом факультете императорского Петроградского университета в осеннем полугодии 1914 года и в весеннем полугодии 1915 года. Пг.
- Обозрение 1916. Обзорение преподавания наук на историко-филологическом факультете императорского Петроградского университета

в осеннем полугодии 1916 года и в весеннем полугодии 1917 года. Пг.

Оксман О. Э. 2008. Семейные хроники. Воспоминания. Одесса: Астро-принт.

Оксман Ю. Г. 1915. К вопросу о дате стихов Пушкина о старом доже и догарессе молодой. – Русский библиофил. № 3. С. 90–94.

Оксман Ю. Г. 1916. Программа драмы А. С. Пушкина о паписсе Иоанне (К истории недовершенного замысла). – Пушкинист. Историко-литературный сборник II. Пг.: Фототипия и типография А. Ф. Дресслера. С. 258–268.

Оксман Ю. Г. 1917. Сюжеты Пушкина (Отрывочные заметки). – Пушкин и его современники. Материалы и исследования. Пг. Вып. XXVIII. С. 73–95.

Оксман Ю. Г. 1922. Сюжеты Пушкина (Отрывочные замечания). – Пушкинский сборник. Памяти профессора Семена Афанасьевича Венгерова. Пушкинист IV. М.; Пг.: Госиздат. С. 24–39.

Оксман Ю. Г. 2005. Николай Осипович Лернер / Вступительная ст. и публикация С. И. Панова. – Пушкин и его современники. Сборник научных трудов. СПб.: Нестор-История. Вып. 4 (43). С. 164–214.

Оксман Ю. Г. – Чуковский К. И. 2001. Переписка / Предисловие и комментарий А. Л. Гришунина. М.: Языки славянской культуры.

Отчет 1914. Отчет о состоянии и деятельности императорского С.-Петербургского университета за 1913 год. СПб.: Типография Б. М. Вольфа.

Отчет 1915. Отчет о состоянии и деятельности императорского Петроградского университета за 1914 год. Пг.: Типография Б. М. Вольфа.

Перченко Ф. Ф. 1995. К истории Академии наук: Снова имена и судьбы... – In memoriam: Исторический сборник памяти Ф. Ф. Перченка / Сост. А. И. Добкин, М. Ю. Сорокина. М.; СПб.: Феникс; Atheneum. С. 141–210.

Писатели-диссиденты 2004 Биобиблиографические статьи. – Новое литературное обозрение. № 67. С. 418–436.

Протоколы 1914. Протоколы заседаний Совета императорского С.-Петербургского университета за 1912 год. № 68. СПб.

Протоколы 1915. Протоколы заседаний Совета императорского С.-Петербургского университета за 1913 год. № 69. Пг.

Протоколы 1916. Протоколы заседаний Совета императорского Петроградского университета за 1914 год. № 70. Пг.

- Пугачев В. В., Динес В. А. 1995. Историки, избравшие путь Галилея: Статьи, очерки. Посвящается 100-летию Юлиана Григорьевича Оксмана. Саратов: Издательский центр Саратовской государственной экономической академии.
- Пушкарев С. Г. 1999. Воспоминания историка. 1905–1945. М.: Посев.
- Пушкинист 1916а. Историко-литературный сборник. II. Пг. С. 287–289.
- Пушкинист 1916б. Историко-литературный сборник. II. Пг. С. 290–292.
- Рак В. Д., Эльзон М. Д. 2003. «Искренне Ваш Юл. Оксман» (Письма 1914–1970-х годов) / Публикация М. Д. Эльзона, предисловие В. Д. Рака, примечания В. Д. Рака и М. Д. Эльзона. – Русская литература. № 3. С. 137–184.
- Рак В. Д., Эльзон М. Д. 2006. «Искренне Ваш Юл. Оксман». (Письма 1914–1970-го годов) / Публикация М. Д. Эльзона, предисловие В. Д. Рака, примечания В. Д. Рака и М. Д. Эльзона. – Русская литература. № 1. С. 227–273.
- Русские писатели 1989–1999. Биографический словарь. 1800–1917. Т. 1–4. М.: «Большая Российская энциклопедия».
- Сальман М. Г. 2010. Осип Мандельштам: Годы учения в Санкт-Петербургском университете (по материалам Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга) – Russian Literature. Vol. LXVIII. Nos. III/IV. С. 447–499.
- Сальман М. Г. 2014. Из студенческих лет Б. М. Эйхенбаума, Ю. Н. Тынянова и В. Б. Шкловского (По материалам Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга). – Russian Literature. Vol. LXXVI. No. IV. С. 447–509.
- Степун Ф. А. 2000. Бывшее и несбывшееся / Послесловие Р. Гергеля. 2-е изд., исправленное. СПб.: Алетейя.
- Струве Г. П. 1979. [Предисловие] / К истории русской поэзии 1910-х – начала 1920-х годов. – Modern Russian Literature and Culture. Studies and Texts. Berkeley. Vol. 1. С. 13–28.
- С<труве> Н. А. 1990 (III). Мандельштам в Париже. – Вестник РХД. № 160. С. 255–257.
- Сухих И. Н., Шубин В. Ф. 1989. «Так началась моя работа...» (Юрий Тынянов в Петербургском – Петроградском университете). – Очерки по истории Ленинградского университета. Л.: ЛГУ. VI. С. 45–54.

- «Тамиздат» 1990. От осуждения к диалогу. Саратов: Издательство Саратовского университета. Вып. 6.
- Тименчик Р. Д. 2010. Около акмеизма. – *Vademecum*: К 65-летию Лазаря Флейшмана / Сост. и ред. Андрея Устинова. М.: Водолей. С. 168–196.
- Томашевский Б. В. 1923. Заметки о Пушкине. – Пушкин и его современники. Пб. Вып. 36. С. 78–95.
- Тынянов Ю. Н. 1977. Поэтика. История литературы. Кино / Предисловие В. А. Каверина; изд. подготовили Е. А. Тоддес, А. П. Чудаков, М. О. Чудакова. М.: Наука.
- Устинов А. Б. 1994. Письма Ю. Г. Оксмана к Л. Л. Домгеру / Предисловие, комментарий А. Б. Устинова. – *Themes and Variations: In Honor of Lazar Fleishman*. = Темы и вариации: Сборник статей и материалов к 50-летию Л. Флейшмана. С. 470–544. (*Stanford Slavic Studies*. Vol. 8).
- Флейшман Л. С. 1987. Из архива Гуверовского института. Письма Ю. Г. Оксмана к Г. П. Струве / Публикация Лазаря Флейшмана. – *Stanford Slavic Studies*. Vol. 1. Stanford: Berkeley Slavic Specialties. С. 15–70.
- Фомин А. Г. 1922. С. А. Венгеров как профессор и руководитель Пушкинского семинария. – Пушкинский сборник. Памяти профессора Семена Афанасьевича Венгерова. Пушкинист IV. М.; Пг.: Госиздат. С. Х–XXXIII.
- Фролов М. А. 2013. «Надеюсь, что успеем материал спасти». Роль Ю. Г. Оксмана и В. Д. Бонч-Бруевича в деле сохранения личного архива А. С. Николаева. 1934 г. / Вступительная ст., подготовка текста и комментарии М. А. Фролова. – *Отечественные архивы*. № 2. С. 116–123.
- Фролов М. А. 2014. Юлиан Григорьевич Оксман (1895–1970). Краткий обзор научной биографии. – *Филологические науки*. № 5. С. 111–120.
- Чудакова М. О., Тоддес Е. А. 1984. Тынянов в воспоминаниях современника (сообщение). – Тыняновский сборник. Первые Тыняновские чтения (г. Резекне, май 1982). Рига: «Зинатне». С. 78–104.
- Чудакова М. О., Тоддес Е. А. 1988. Из переписки Ю. Г. Оксмана. / Вступительная ст. и примечания М. О. Чудаковой и Е. А. Тоддеса. – Четвертые Тыняновские чтения: Тезисы докладов и материалы для обсуждения. Рига: «Зинатне». С. 96–168.
- Чухлий С. А. 2010. Историк в переломную эпоху: Перипетии судьбы и зигзаги научного творчества профессора М. В. Ключкова. – Харківський історіографічний збірник. Х.: ХНУ імені В. Н. Каразіна. Вип. 10. С. 265–274.

- Шруба М. 2004. Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов: Словарь. М.: Новое литературное обозрение.
- Эйдельман Н. Я. 1999. Из дневников / Вступительная заметка, публикация и комментарии Юлии Эйдельман. – Знамя. № 1. С. 137–161.
- Эйхенбаум Б. М. 1969. О поэзии. Л.: Советский писатель.
- Becher, M. 2010. Wilhelm Levison (1876–1947): ein jüdisches Forscherleben zwischen wissenschaftlicher Anerkennung und politischem Exil. Siegburg: Schmitt.
- Edgerton, William B. 1973. Julian Grigor'evic Oksman 1895–1970. – Russian Literature. Vol. 2. No. 3. P. 5–34.

Großherzoglich Badische
Ruprecht-Karls-Universität
 Heidelberg.

O.-Z. 89 d. Febr. v. März 13

Geburts 10 M.

12/13

Abgangs-Zeugnis.

Herr — Fräulein Julius Ochsman
 geboren zu Köln, Rur.
 ist vom 19. 11. 1912 bis zum Schluss des Winter Semesters 12/13 Leser
 als Studierender der Philosophie

an unserer Universität immatrikuliert und auf die im beigebletzten Anmeldebuch verzeichneten Vorlesungen und
 Übungen ordnungsmässig eingeschrieben gewesen.

— Semester: 12/13 —

Hinsichtlich der Führung ist Nachteiliges nicht bekannt geworden.

Gemäss §§ 22, 23 der akademischen Vorschriften wird dieses Abgangszeugnis zuweds Anmeldung zur
 Prüfung ausnahmsweise vor Semesterschluss erteilt unter Vorbehalt des akademischen Bürgerrechts bis zum Schluss des
 Semesters 191 — während der Dauer der medizinischen Staatsprüfung.

Heidelberg, den 8 im März 1913.

Der Prorektor:

Der akademische Disziplinarbeamte:

gez. v. Kienast

(L. S.)

gez.

Ossenkopf

Илл. 1. Свидетельство об окончании зимнего семестра 08.03.1913
 Гейдельберг

Königlich Preussische Rheinische
Friedrich-Wilhelms-Universität

zu

BONN

Akad. Jahr 19 *12/13* № *1147* des Universitätsalbums

Anmeldebuch

des. Stud. *phil.* Herrn *Filip*aus *Ochsman*eingetragen in das Album der *Woznessen R*Fakultät durch *philos.*deren zeitigen Dekan *Mumms*am *8* ten *I* 19 *13*

Илл. 2. Anmeldebuch. Бонн. 1913.

Die Titel der Vorlesungen sind so einzutragen, wie sie im Vorlesungs-Verzeichnis aufgeführt sind.

Sommer halbjahr 1913

Angenommene Vorlesungen	Vermerk des Quästors über die Gebühren	Bescheinigung des Dozenten über den Tag der Anmeldung	Abstempelung auf dem Sekretariat bzw. bei den Dekanen am Schluss des Semesters	Bemerkungen
Bei Herrn Prof. Dr. Schulte "Geschichte der Zeit von Westfälischen Frieden bis Friedrich den Großen"	18 Mk bezahlt	5/5.13.	18/5 Schulte	10 Mk Audit.-Geld 2.50 Mk Bibliothekgebühr 3.50 Mk Krankenk.-Beitr. 0.50 Mk für Studentenfonds sind gezahlt.
Bei Herrn Prof. Dr. Schulte Rursus mittelalterlicher Geschichtsquellen	gratis		Abgemeldet DANN	12/5.13.
Bei Herrn Prof. Dr. Levison Geschichte des Mittel- alters II	18 Mk bezahlt		Levison	
Bei Herrn Prof. Dr. Levison Die Anfänge des Kirchen- staates	gratis		8. V.	
Bei Herrn Prof. Dr. Kierpe "Ästhetik"	18 Mk bezahlt		8. V. K.	
Bei Herrn Prof. Dr.				

Илл. 3. Анмелдебuch. Разворот. Бонн. 1913.

Илл. 4. Справка об эксматрикуляции. 23. 07. 1913. Бонн.

ЗУБОВСКИЙ ИНСТИТУТ: (ПОСТ)ФОЛЬКЛОР ПЕРЕХОДНОГО ВРЕМЕНИ

Е. В. Хаздан
(С.-Петербург)

Речи из уст к истокам.
Речи мутящие воду.
Каламбуры тем остроумнее,
Чем безумнее и мрачнее повод.

Ганс Арп

Творчество <...> есть акт осознания
себя в потоке истории.

Б. М. Эйхенбаум

Не так уж часто мы становимся свидетелями возникновения фольклорных текстов, можем фиксировать их в реальном времени, в конкретной ситуации, во всем многообразии форм и жанров. Чаще нам случается застать воспоминания о некоем событии, подкрепленные «зарисовками» в духе фольклорной импровизации: имитацию живого исполнения или воспроизведение текстовых фрагментов по памяти¹. Тем более ценной представляется возможность отследить и по возможности полно передать корпус текстов, рождающихся, функционирующих здесь и сейчас, выявляя как ситуативный контекст, так и синхронные аспекты их употребления.

Зубовский институт (Российский институт истории искусств, РИИИ), отметивший в 2012 г. юбилей, пережил на своем веку не одну реорганизацию². Во все времена богатый талантами, неординарными личностями, он творил свою – параллельную – историю, преподнося многие события в юмористическом, а нередко

1 См.: Дианова 2003: 8, где названные формы трансмиссии фольклорных текстов представлены как равноправные наряду с собственно живым их бытованием.

2 См.: Копытова 2012: 144–148. Один из подобных периодов подробно рассматривается в статье: Кумпан 2014: 8–128; см. также: Максимов 2014: 98–111.

и в сатирическом ключе. Архивные материалы свидетельствуют, что и прежде – в 1920-е, 1930-е, 1970-е гг., как и теперь, сотрудники откликались на необыденные ситуации, создавая разного рода тексты. «Уважающий себя воспитанник Института истории искусств пишет стихи на случай <...>, склонен к эпистолярной прозе и каламбурам (некоторые любят и анекдоты); <...> он тщательно блюдет завет неакадемичности, то есть не всегда почтителен со старшими...» – писала Л. Гинзбург в 1925–1926 гг. (Гинзбург 2003b: 93). О студенческих вечеринках, всегда сопровождавшихся чтением шуточных стихов и пародий, читаем и у В. Голициной (Голицина 2003: 72). Слушатели Высших государственных курсов тех лет – Лидия Гинзбург, Лидия Чуковская, Лев Успенский – сберегли и донесли до нас некоторые из этих сочинений. В их воспоминания об Институте инкрустированы краткие яркие четверостишья (Гинзбург 2003a; Чуковская 2000; Успенский 1983). «Стихи сочиняли все – преподаватели и студенты, – писала Л. Гинзбург. – В Институте, понятно, процветал студенческий “фольклор” – шуточные сочинения в стихах и прозе – на разные случаи жизни» (Гинзбург 2003a: 58).

Подборка собственных стихов сохранилась в архиве Н. П. Колпаковой³; до сих пор жива и передается изустно частушка об институтской стенке, навсегда припечатавшая имя разрушителя Зубовского института в 1930-е гг. Яшки Назаренко⁴. Публикуя шуточные поздравления Б. В. Томашевского, Ю. Н. Тынянова и Б. М. Эйхенбаума на двухлетие факультета словесных искусств Института, Н. А. Богомолов анализирует используемые авторами приемы стихосложения (см.: Богомолов 1992: 19–25)⁵. Отдельные куплеты «Гимна формалистов» цитировали в письмах, воспоминаниях, заметках как студенты, так и преподаватели Курсов

³ Публикацию некоторых из них см. в работе: Некрылова 2012: 2–4.

⁴ Фигура Якова Антоновича Назаренко и его роль в реорганизациях конца 1920-х гг. неоднократно рассматривались в научных докладах 2012 г., этим сюжетам посвящены статьи: Исмагулова 2012: 25–38; Кумпан 2014: 8–128. К тексту упомянутой частушки мы обратимся чуть позже.

⁵ Публикация повторена в монографии: Богомолов 1999.

подготовки специалистов 1920-х гг.⁶ Подцензурный вариант одного из катренов приведен в романе В. А. Каверина «Скандалист, или Вечера на Васильевском острове». История создания «Гимна», а также комментарии к каждому четверостишию, записанные от Л. Я. Гинзбург и Т. Ю. Хмельницкой, опубликованы К. А. Кумпан и А. М. Конечным (см.: Кумпан, Конечный 2008: 266–294). Стихи блокадной поры – времени, когда, казалось бы, совсем уже не до смеха, – представлены в работе А. Н. Крюкова (см.: Крюков 2012: 88–93).

По свидетельству Е. В. Назаровой, в 1970-е гг. на советах и парт-собраниях сотрудники постоянно перебрасывались эпиграммами, живо отзываясь на любые события. «За НИИ выходит замуж / Театральный институт», – отреагировал на создание ЛГМТМиКа⁷ Вадим Эразмович Вацуро. Многие из его блистательных, изящно-ироничных стихов, дарственных надписей, посвящений сохранились и были опубликованы⁸. Острым языком отличались Абрам Акимович Гозенпуд, Вера Михайловна Красовская. Все время сочинял прибаутки – легко, по любому случаю – Арнольд Наумович Сохор. В Кабинете рукописей хранятся тексты капустников 1990–2000-х гг. В них – отзвуки проблем того времени: попытки риэлтерского захвата здания Института, закрытие диссертационного совета...

Таким образом, можно говорить об устойчивых формах поведения и самовыражения сотрудников Zubовского института в стрес-

⁶ С 1924 г. Курсы были включены в учебную сеть ленинградского профессионального образования на правах техникума и носили название Государственные курсы искусствознания. В 1927 г. им было присвоено наименование Высших государственных курсов искусствоведения (ВГКИ).

⁷ В 1961 г. Государственный научно-исследовательский институт театра, музыки и кинематографии (так назывался Российский институт истории искусств с 1958 г.) был объединен с учебным заведением – Ленинградским государственным театральным институтом им. А. Н. Островского. В составе нового учреждения – Ленинградского государственного института театра, музыки и кинематографии им. Н. К. Черкасова (ЛГИТМиК) – Институт получил статус Научно-исследовательского отдела (см.: Копытова 2012: 146).

⁸ Вскоре после смерти ученого тиражом 50 экз. был выпущен изысканный сборник с вручную раскрашенными иллюстрациями и вклеенными засушенными листьями – в столь близком Вадиму Эразмовичу стиле XVIII в. (см.: Вацуриана 2001). Позже вышел академический том воспоминаний: Вацуро 2005.

совых ситуациях. В некоторых текстах последнего времени видны черты преемственности, аллюзии или прямые отсылки к сочинениям предшественников.

Весной–летом 2013 г. для Института снова наступили непростые времена. После волны слухов о его предстоящем слиянии (сначала с Мариинским театром, потом с московскими институтами, а затем и с Петербургской Академией культуры) Министерство культуры сместило директора Т. А. Клявину, руководившую РИИИ с начала 1990-х гг. Вместо нее, вопреки протестам коллектива, была назначена Ольга Борисовна Кох, начавшая «оптимизацию». Реакцией на изменения стали тексты, передававшиеся из уст в уста или в списках, – они возникали как отражение общего настроения и оценка происходящего. Сбор таких текстов велся с применением метода включенного наблюдения, позволяющего фиксировать увиденное и услышанное в естественной среде.

В связи с тем, что события, с которыми связаны вновь зафиксированные тексты, еще не стали историей, всех информантов – авторов текстов, или людей, сообщивших их, – я буду называть в мужском роде («информант», «сотрудник») и указывать лишь один инициал. Кроме того, не упоминаются время, место, обстоятельства, при которых фиксировались те или иные тексты. По той же причине обозначу лишь общие возрастные рамки: годы рождения людей, создававших или транслировавших тексты, ограничиваются 1936–1988 гг., в их число входили научные сотрудники Института, аспиранты, лаборанты, работники вспомогательных подразделений и административно-хозяйственной части (мой список состоит из 23 человек, возможно, он не полон). Фиксация текстов проходила с июля 2013 по апрель 2014 г.

Некоторые из материалов были записаны лично мной, в ряде случаев мне довелось быть непосредственным свидетелем возникновения того или иного текста. Кроме того, я обратилась к собраниям коллег. В настоящее время есть как минимум три независимых архива. Во многом их материалы пересекаются, но некоторые тексты отложились лишь в в каком-то одном из них. Отдельные экземпляры ходят в списках или копиях; иногда

удается найти фотографии, запечатлевшие листки и плакаты, приколотые к доске объявлений.

Поскольку в данной ситуации исследователь сталкивается с *открытой жанровой системой*, особенно важным становится зафиксировать все без исключения жанры и их разновидности как внутри обозначенного замкнутого сообщества, так и (по возможности) за его пределами. Именно полнота фиксации позволяет говорить об образовании гипертекста – информационного пространства, в котором возникает система связей между отдельными элементами и тем самым преодолевается их обособленность⁹.

Опираясь на формальный признак текстового объема, все материалы можно условно разделить на четыре неравные группы. Самая малочисленная связана с визуальными образами: плакат, рисунок. Вторая – прозвища, краткие афористичные высказывания, ругательства, неологизмы и каламбуры, чаще всего обыгрывающие фамилии высмеиваемых персонажей¹⁰. Третья включает эпиграммы, частушки, переделки известных стихов и подтекстовки песен. Наконец, четвертая объединяет развернутые тексты, прозаические и поэтические, – сюда можно отнести «Оду Великому Институту», «Песенку о Палочке», «Новогоднюю частушку», «детектив», «оперное либретто». Еще раз подчеркнем: такое деление весьма условно. Например, за пределами этой классификации оказалась вырезанная из Российской газеты статья А. Хадаева «Палочку Коха можно сломать» (Хадаев 2013: s. p.), которая длительное время висела на

⁹ См.: Дедова 2003: 106–107; Налепин 2009: 20; Иванова 2010: 16.

¹⁰ Названные формы можно называть *текстами минимального объема*. К. В. Чистов раскрывает этот термин следующим образом: «Фразеологизмы, устойчивые речевые обороты, приобретающие вторичный смысл, вторичный моделирующий характер, это как бы “вторичные слова”, входящие из речи в традицию языка. Они обретают свою функцию и становятся простейшими фольклорными формами» (Чистов 2005: 17). В дальнейшем вне зависимости от объема мы будем называть исследуемый материал *текстами*, опираясь на определение этого термина С. И. Гиндиным в «Литературном энциклопедическом словаре»: «2) выраженная и закрепленная посредством языковых знаков (независимо от письменной или устной их реализации) чувственно воспринимаемая сторона речевого, в том числе и литературного, произведения; 3) минимальная единица речевой коммуникации, обладающая относительным единством (цельностью) и относительно автономией (отдельностью)» (ЛЭС 1987: 436).

доске объявлений. В ней высказывалась гипотеза о возможности лечения туберкулеза с помощью найденных в Арктике бактерий. Для сотрудников содержание статьи было несущественным: достаточно было видеть бодрящий заголовок, отсылающий к фамилии нового руководителя Института¹¹.

Большинство материалов можно отнести к разным формам вербальной защиты. Отметим, что в Институте в этот период резко возросло использование обценной лексики, однако в большинстве случаев вновь создаваемые частушки, эпиграммы и даже ругательства оказывались в пределах языковой нормы¹². Большинство возникших в этот период слов и выражений, на наш взгляд, следует относить к окказионализмам¹³. Фактически все тексты рассчитаны на небольшой круг людей, знающих ситуацию, ориентирующихся в ней. Даже краткие высказывания предполагают, что человеку известны как минимум фамилии новых руководителей Зубовского института.

В нарождавшемся институтском постфольклоре¹⁴ важное место заняло создание пародийных созвучий с реальными именами руководителей, использование многозначной лексики и фразеологии, позволяющей создавать каламбурную игру смыслов, направленную на осмеяние адресата. Срамословия дополнялись гротесковыми описаниями директора, заместителя, вновь нанимаемых работников, которым порой вменялись (без каких-либо оснований) разного рода физические и моральные отклонения от

¹¹ Точно так же с горькой иронией сотрудники примеривали на себя название другой статьи: «Выбирайте для себя новую систему измельчения», опубликованную в журнале «Комбикорма»: Кириллов 2013: 30–31.

¹² Об особенностях речевой деятельности и некоторых форм фольклора в ситуации стресса см.: Китаев-Смык 2005: 17–21; Дандис 2003: 89–90, 119–230; Адоньева 2004: 137–195.

¹³ Окказионализмы – лексические единицы, возникновение которых обусловлено определенным контекстом. Окказионализмы тесно связаны с контекстом и понятны прежде всего внутри него. Соответственно, большинству окказионализмов свойственна функциональная одноразовость, но при этом они более насыщены по смыслу и эмоциональной нагрузке, чем обычные, общеупотребительные слова. Подробнее см.: Лопатин 1973; Лыков 1976: 11–20; Лыков 1990: 76–80.

¹⁴ Термин С. Ю. Неклюдова, см.: Неклюдов 1995: 2–4.

норм. Трансгрессивный характер собранных текстов демонстрирует «взрывоопасность фольклорной речи», о которой пишут фольклористы (Олсон, Адоньева 2016: 215). Нарушение этикетных коммуникативных норм здесь принимает открытый характер: смех, вызываемый эпиграммами и каламбурами, как будто ставит под сомнение возникшую иерархию, упраздняет ее¹⁵.

Трансмиссия текстов происходила несколькими путями. Первый – характерный для фольклорных форм – изустная передача, иногда с комментариями. Имя автора при этом, как правило, не упоминалось. Так расходилось большинство текстов минимального объема: прозвища, ругательства, некоторые эпиграммы. Вторая форма – помещение материалов в публичное пространство (на доске объявлений, в отдельных случаях – сразу в нескольких местах, как это было, например, с плакатом, реже – в Интернете)¹⁶. В этих случаях весть о новом тексте облетала Институт. Люди степенно, словно бы по делу, отлучались с рабочего места, чтобы пройти мимо вывешенного материала и иметь возможность познакомиться с ним. Иногда лист открепляли, чтобы снять копию, и снова вешали на место. В случае с плакатом, который появился сразу в нескольких экземплярах, часть из них оставалась висеть на проходе: на дверях секторов и на досках объявлений около дирекции и внизу около вахты.

Судьба интернет-версий была различной. Фотографию плаката, размещенную в фейсбуке одним из аспирантов, сняли буквально через два часа, однако некоторые сотрудники успели скопировать ее. А «Новогодняя частушка» до сих пор висит в «Живом журнале»¹⁷. Позже она появилась на доске объявлений:

¹⁵ Об основных свойствах ритуальной смеховой культуры см.: Бахтин 1965: 11–12 и далее.

¹⁶ Данное исследование не затрагивает так называемый *Internet-lore*. Тексты, появившиеся в Сети, цитируются лишь в тех случаях, если они имели также и иное хождение – устное или в списках (рукописных и машинописных). То же касается комментариев и реплик в социальных сетях.

¹⁷ «Городской фольклор: новогодняя частушка»; дата размещения 4 января 2014 г. (по рассказам отдельных сотрудников, с текстом «Частушки» люди знакомились и до наступления нового года); см.: [<http://zhuki06.livejournal.com>].

на фотографии, сделанной 15 января, виден текст, отпечатанный на машинке и озаглавленный «Палочке Коха от любящих сотрудников»¹⁸. Размещение в Интернете произошло раньше, однако сопоставление текстов показывает, что первичным является машинописный вариант. В нем четко выдержана ритмика стиха, нет ошибок. Человек, перенесший «Новогоднюю частушку» в интернет-пространство, по-видимому, торопливо и недостаточно аккуратно набрал текст, не смущаясь нарушением в некоторых случаях ритма или рифмы. В подтверждение этому приведем первое четверостишие в обеих версиях:

Новогодняя частушка

Палочка Коха и Чекист

Вдруг в искусство подались.

Он – СИЗО, она шизо,

В общем полное вердо*

* вердо (с лабухского) – экскременты

Палочке Коха от любящих сотрудников

Палка Кох <sic!> и чекист

Вдруг в искусство подались.

Он – СИЗО, она шизо,

В общем полное верзо*

* верзо (с лабухского) – экскременты

В тексте, размещенном в Интернете, недостает многих знаков препинания. В дальнейшем, обращаясь к «Новогодней частушке», мы будем цитировать ее по машинописному варианту, принимая его за основной.

Часть текстов (эпиграммы и более крупные формы) показывалась лишь некоторым лицам, которым доверял сочинявший их сотрудник. Далее могли передаваться сами эти тексты (часто без упоминания автора) или информация о них, закреплявшая имя

¹⁸ Фотография предоставлена С₁. Автором «Новогодней частушки» предположительно является К. В нашей личной беседе в мае 2014 г. этот сотрудник говорил уклончиво, не подтвердив, но и не опровергнув своего авторства.

создателя и общее впечатление. Так многие читали состоящую из многих куплетов пространную «Песенку о Палочке», однако списка или копии не сохранилось ни у кого из информантов. Получить ее полный текст удалось лишь в феврале, отыскав написавшего ее человека.

Интересным представляется отношение к авторству. В случае с короткими высказываниями этот вопрос ни разу не возникал: они «витают в воздухе», могут прийти на ум и на язык буквально каждому. Некоторые выражения на период директорства О. Б. Кох прочно вошли в институтский быт¹⁹.

При появлении текстов в списках имя сочинителя в той или иной степени было известно или – при желании – могло быть установлено. А вот обнаружение материалов в общем информационном пространстве влекло за собой буквально шквал предположений, и в какой-то момент ту или иную догадку о создателе начинали сообщать как достоверный факт. Мне приходилось быть свидетелем рассуждений о том, кто мог бы написать «Оду Великому Институту», причем, авторство ошибочно приписывалось А. (в настоящей публикации цитируется текст, предоставленный мне лично автором). Заметим: обсуждается не содержание. Более всего людей волнует, кому пришла в голову та или иная идея, – ее воплощение принимается безоговорочно. Далее текст может варьироваться – осознанно (добавляются строфы, предлагаются новые варианты каких-либо строчек, появляются комментарии и т. п.) или спонтанно (при перепечатке, неточном цитировании).

Самое главное: в настоящей работе мы не собираемся обрисовывать полную картину происходившего в Институте в 1913–1914 годах и тем более давать этому какую-либо оценку. Наша задача – представить возникшие в данных обстоятельствах тексты, предложить способы их классификации, проследить формы трансмиссии, выявить естественный контекст их функцио-

¹⁹ Ср. с характеристикой, которую дают Л. Олсон и С. Адоньева частушкам: «Любая индивидуальная точка зрения, высказанная в частушке, автоматически становится общей...» (Олсон, Адоньева 2016: 201).

нирования, а также соотнести по возможности с аналогичными материалами в прошлом.

Хронологически первой стала реакция на появление в Институте рядом с вахтершами вооруженных охранников из фирмы «Каскад» – в начале июля 2013 г. В знак протеста 3 июля в Александровском саду – в сотнях метров от Зубовского – были проведены Уличные чтения, а сотрудники, встречаясь у крыльца Института, приветствовали друг друга возгласом *Хенде Кох!*

Новых работников, которых нанимала администрация, конечно же, окрестили *палочками Кох*. Фольклорное понимание «палок» также подразумевалось, поскольку в подавляющем большинстве это были сотрудники мужского пола (а до конца сентября – исключительно мужчины). Впоследствии некоторые удостоились прозваний: зам. по кадрам – *Брежнев*, длинноногая секретарша – *Цапля*, длинный сумрачный юрист с повадками «следака» – *Кошцей* или *Таракан*.

Как очередную «палочку» восприняли и коллегу Ольги Борисовны Кох по развалу Санкт-Петербургской академии культуры и искусства Юрия Ивановича Бундина. Он появился в начале августа и сперва, по застарелой профессиональной привычке, держался незаметно. Поговаривали, что он обладает даром сливаться с любой мебелью.

С первых же собраний нам стало понятно, кто в этой «команде» коренной, а кто – пристыжная. В Институте устанавливался новый режим: *бундизм-кохинизм*, внешне выглядевший как *кохриархат*. В сентябре-октябре активно обсуждался вопрос, что приемлемей: *бундó кохучее* или *кохнó бундючее*? Почти все сходились на том, что запах примерно одинаковый.

Места обитания новых «хозяев» и их приспешников получили названия *бундиáрий* и *кохендрáрий*. Шепотом передавали, что парочка не отражается в зеркалах, а Бундин вообще не отбрасывает тени. Началось примеривание фольклорных (мифологических) образов. Персонажи однозначно воспринимались как нечисть. Саму Кох иногда представляли мойрой Атропос или Смертью:

К нам Кох пришла с кривой косой –
Над нею нимб мединский...²⁰

В «Живом журнале» была предложена более современная художественная параллель – Долорес Амбридж из 5-й части «Гарри Поттера»:

Ну просто один к одному. Злобная садистка и бюрократка на службе Темного лорда, пытающаяся уничтожить школу магии и волшебства изнутри, но любящая при этом розовые кофточки и картинки с котятками²¹.

В дальнейшем акцент в создаваемых текстах сместился на языковую игру, каламбур. Различные фонетические и семантические преобразования отдельных слов и формул позволяли выразить отношение к возникавшим ситуациям, обыграть их. Стандартным ответом на вопрос, как дела в Институте, стало: *И кохельбекерно, и тошно*.

Всплыла песня «Каховка»²². Ее напевали, подчеркивая в первом слоге звук [o]: «Каховка, каховка...». Переслушивали, радуясь строчке «Мы – мирные люди, но наш бронепоезд стоит на запасном пути» (текст песни не был изменен).

Промелькнуло прозвище «*Кохщей* бессмертный» (в дальнейшем Кошеем стал называться другой персонаж – юрист). «Вонзила в нас свои кохти, – вздыхал народ, – *кóхнулись*». «Нас *накóхлили*», – вторили им другие сотрудники. Был поставлен диагноз: *общееинститутская пандемия кохлюша*.

Многие действия новоявленной и. о. директора вызывали смех: *обкохочься!* Однако случались и физиологические реакции:

²⁰ А., сообщено в феврале 2014 г.

²¹ См.: [<http://cleofide.livejournal.com/753372.html?mode=reply>] (размещено 3 сентября 2013 г.).

²² Песня из к/ф «Три товарища» (1935). Музыка И. Дунаевского, слова М. Светлова.

выкохнито... Поначалу все-таки пытались работать. Появилось и предложение – согласно требованию времени устроить в Zubovskom арт-центр *Кохлома*. Было и другое – организовать здесь новое *Скохково*²³.

Режим становился все более жестким. Вот уже никакие действия невозможны без санкции сверху. Разрешит ли и. о. директора провести семинар? конференцию? – *А Кох его знает...*²⁴ Стали раздаваться ругательства: *Ну и Кох с тобой!; Иди ты на Кох!* и – жестче: *Пошел на Кохер!*

Сама Кох, прознав о хождении всех этих выражений, в сердцах кричала одному из сотрудников: «Ты мне тут не хохми!» – *Ты мне тут не кохми!* – отзывалось в кулуарах.

По понедельникам проводились унылые, долгие *кохедральные соборы* – учрежденные новой администрацией малый и административный советы. И₁ охарактеризовал их так: «Они называются совещаниями, но никакого “со-” там нет»²⁵. Никто никого ни о чем не спрашивал. Устойчивым к нейро-лингвистическому программированию оказались немногие, большинство же сотрудников, просиживавших на этих собраниях, не могли вспомнить, что же им говорили.

Кабинет директора прозвали *кохня*, *кохтильня* или *кохетерий*, где ожидает *гуена кохненная* и где для нас (вариант: из нас) готовится *кохль-мохль*. Многим сотрудникам после его посещения требовалась психологическая поддержка. Неудивительно, что,

²³ Сколково – инновационный центр (в 2010–2011 гг. часто описывался как «Российская Кремниевая долина»), первый в постсоветское время в России строящийся «с нуля» наукоград. После серии уголовных дел интерес к нему угас. В 2013 г. его будущее представлялось неопределенным: «Скорее всего, сольют тихо и постепенно», – считали эксперты (Каныгин 2013).

²⁴ Сотруднику В. поначалу отказывали в праве организовать конференцию, анонсы которой уже были разосланы заранее, в начале года. Когда же, наконец, администрация объявила о положительном решении, измученный В. ответил: «Я хотел провести в Zubovskom институте, а в Kohovskom не хочу». Мероприятие состоялось под крышей другого учреждения.

²⁵ Столь же удручающими оказались заседания вновь организованного Ученого совета. Один из его участников, Е₄, на вопрос «Ну как Ученый совет?» воскликнул: «Вот именно, что не Ученый совет, а “как”!»

когда в одном из номеров журнала «Дилетант» была опубликована статья о белокурой ведьме Бухенвальда Эльзе (Ильзе) Кох, жене коменданта концентрационного лагеря Бухенвальд, затем переведенного в Майданек²⁶, Институт стали называть *Кохенвальд* и *Кохвенцим*. Когда я переписывала эти новые слова в свой альбом²⁷, стоявший рядом Д₁ покачал головой: «Тут надо продолжить: “Оставь науку, всяк сюда входящий”». Так одним штрихом – отсылкой к дантовскому «Аду» – социальные коллизии были спроецированы в этическую плоскость.

Сопоставления с однофамильцами были не единичным явлением. В марте 2014 г. А₁ передал мне текст «послания», написанного от имени Карла Отто Коха, мужа Эльзы:

Кох – для Кох

Кох поглядел на Кох
Из огненного далека –
И вырвался вздох из груди его:
«Кох!
Как мы с тобой нехороши!
Глупость наша нас привела
К злому концу –
Все ненавидят нас...
Ох!
Прокляты мы в веках!...
И это при том, что мы
Были слишком честны!
Свой исполняя долг!
Я –
Гитлеру верно служил...

²⁶ См.: Аристов 2013: 51–55

²⁷ Невероятных размеров альбом в зеленом переплете был сделан на заказ в мае 2007 года. В него вклеивались фотографии сотрудников и гостей Института, многие из которых оставляли свои подписи, вписывали стихи или пожелания. К 2013 году альбом был заполнен примерно наполовину. Понимая неизбежность своего увольнения, я сдала его в Кабинет рукописей РИИИ.

Черт!
Я – солдафоном был,
Как самый последний дурак!..
Ты –
О! у тебя все впереди!
Все покинут тебя!..
Проклята ты в веках
Так же – как я,
Кох!!!»

Начиная с 2013 года оптимизация проводилась по всем пяти научным институтам, подчиненным Министерству культуры; готовились и утверждались документы по реорганизации Российской академии наук²⁸. Происходящее в Институте привлекло внимание коллег и журналистов. Имя Кох стало известным далеко за пределами Zubovskogo. Судья Октябрьского районного суда во время процесса по восстановлению одного из уволенных сотрудников, забыв фамилию, сказала: «Ну этот ваш – с короткой фамилией... – *который на три буквы...*».

В январе 2014 г. *фрау Кох* стала звездой в одном московском институте. Вот как сообщили нам коллеги:

Вашу директрису представили в капустнике мойрой Атропос, которая в образе государственной певицы (типа Барсовой) поет про то, как хорошо и пусто в разогнанном институте. Изображает ее при этом прекомичный мужик. То есть – повеселились²⁹.

В «Новогодней частушке» несколько строк посвящены описанию внешности Кох, выведенной в окарикатуренном виде:

На башке пархатый кок,
Глаз слепой косится вбок³⁰.

²⁸ Хронику событий этой реорганизации, документы и интервью с участниками акций см.: Губарев 2014.

²⁹ Сообщил Ю., февраль 2014 г.

³⁰ Поначалу Кох говорила о своем якобы чрезвычайно плохом зрении, объясняя, что просто не видит собеседника и невольно повышает голос, а люди принимают это за

Узкий рот, как нитка зла,
Смех, как бляеные козла,
Постоянно нагло врет
И бессмыслицу несет.

Ключевыми для прочтения в процитированном отрывке являются последние строки, показывающие, что пейоративное изображение здесь – следствие коммуникативного сбоя. Выставление противника в негативном свете напоминает об архетипическом защитном поведении, оно сродни дразнилкам, шаржированным рисункам в светских альбомах, эпиграммам³¹.

В некоторых собранных нами текстах в качестве шаблона выступают детские стихи и песенки, которые, как известно, призваны формировать навыки правильного социального поведения. Обращение к ним могло быть спровоцировано повторяемыми как внутри Института, так и в прессе словами о «наведении порядка», «вытаскивании Института из ямы» и др. Одним из образцов стала хрестоматийная новогодняя песенка:

В Кульке трудилась Палочка,
К нам в Зубовский пришла
И много-много гадостей
Ученым принесла. <...>

«Мой долг из ямы выволить
Гнилой сей Институт.
Так за него душа болит,
Что “кушать не могу”. <...>

Неправильно устроено
Здесь все от “А” до “Я”.
Как надобно, как правильно,
Я знаю лишь одна.

крик. В дальнейшем от этого толкования она отказалась, а переход на повышенные тона объясняла привычкой, выработанной в период, когда ей «приходилось работать с детьми».

³¹ См. об этом, например: Корнилова 1979: 373–391; Рыбакова 2009.

Как двор мостить, как окна мыть³²,
Как проложить трубу³³,
Сам Леонардо крутится
От зависти в гробу»³⁴ –

Подошли в качестве шаблона и дидактические строчки Маяковского:

Крошка Кох в Москву пришла,
И сказала кроха:
«Быть гэбистом – хорошо,
А ученым – плохо»³⁵.

Совершенно очевидно, что тематика, связанная с Кох, в собранных нами материалах доминирует. В то же время очевидно, что к этой же доминантной группе следует отнести тексты и выражения, так или иначе относящиеся к Ю. И. Бундину (мы видели, что некоторые неологизмы строятся на сопряжении обеих фамилий). О «сотрудничестве» Кох и Бундина в Академии культуры мы были слышаны. «Х... и п... из одного гнезда», – прокомментировал ситуацию в «Фейсбуке» один из сотрудников. В «Новогодней частушке» есть такой куплет:

Парочка шагает в ногу,
Даже завидно, ей-богу,
На собрание, на обед,
Вместе дружно в туалет.

³² При мытье огромных окон было разбито одно из фасадных стекол. «Каплан опять промахнулась», – вздыхали, собравшись у крыльца, сотрудники, намекая на одно из первых мест работы Кох – Музей революции (сегодня Государственный музей политической истории России).

³³ Увидев во дворе лужи, Кох объявила, что надо проложить фановые трубы. «Может, дренажные?» – подсказали ей. «Нет, фановые. Я лучше знаю!», – ответила она.

³⁴ «Песенка о Палочке» состоит из 35 куплетов, автор И₂, ноябрь-декабрь 2013 г.; первый из процитированных куплетов присочинил Е₁ в феврале 2014 г. «Кушать не могу» – цитата из к/ф «Мимино». «Песенка» сочинялась в течение нескольких месяцев; отдельным людям автор периодически зачитывал написанные куплеты. Насколько мне известно, ее никогда не пели.

³⁵ Автор неизвестен, зафиксировано в августе 2013 г.

Именно этот фрагмент убеждает нас, что «Частушка» создавалась внутри учреждения. Кох, будучи назначена и. о. директора, плохо представляла себе, с кем ей предстоит иметь дело. Она искренне боялась физического насилия и достаточно долго приходила в Институт только вместе с Бундиным; он сопровождал ее повсюду, в том числе и в туалетную комнату.

Эпически-ироничны былинные строки:

У окна сидит и. о. девицы-красавицы,
Змей Бундинович ей прислуживает...³⁶

Оба персонажа фигурируют и в стихе, являющемся парафразой знаменитой частушки 1920-х гг., призывающей кару на голову «злого гения» Института Я. Назаренко:

В Институте РИИИ
Обвалилась стенка.
Стенка-стенка, задави
Яшку Назаренко!³⁷

А вот ее современная версия:

В Зубовском переполох:
Задавила стенка Кох,
А другая – вот те на –
Придавила Бундина!

Ёксель-моксель, посмотри,
Сколько стенок в РИИИ!
Раз такая се ля ви, –
Всех их, гадов, раздави!³⁸

³⁶ Автор неизвестен, зафиксировано в начале марта 2014 г.

³⁷ Эта частушка и сегодня известна, и не только сотрудникам Института. Например, фольклорист Е. Н. Разумовская знает ее от своего отца, заканчивавшего в Зубовском Высшие государственные курсы.

³⁸ Записано в конце января 2014 г., автор Е.. Об устойчивости образа «стенки» свидетельствует следующий эпизод. Готовясь к конференции «Ситуация постфольклора: городские тексты и практики» и записывая новые тексты, я не сообщала о теме

В 20-х числах августа 2013 г. Д₁ принес мне текст, который распевался на мелодию финальной песенки из кинофильма «Приключения Буратино» (музыка А. Рыбникова). Пара строчек в этом тексте при участии разных людей неоднократно переделывались. В результате получилось следующее:

Кто страш-ной сказ-кой вхо-дит в дом, с и - ю - ня каж-до - му зна - ком,
кто пы - жит - ся, что он у - чен, а сам ни в зуб но - гой ни в чем, кто
раз - ва - лил наш ин - сти - тут - ска - жи - те, как е - го зо - вут?
Кох! Па-па-па - па - па - пам! Кох! Па-па-па - па - па - пам!
Кох и Бун - дин! Кох и Бун - дин!

Кто страшной сказкой входит в дом,
С июня каждому знаком,
Кто пыжится, что он учен,
А сам ни в зуб ногой ни в чем,
Кто развалил наш Институт –
Скажите, как его зовут?
Кох!
Кох!
Кох и Бун-дин!
Кох и Бун-дин!

Первое, что постарались обозначить сотрудники при появлении Юрия Ивановича в Институте, – его место среди ученых и должность. Официально он был представлен как «помощник по

предстоящего доклада. Каково же было мое удивление, когда буквально накануне поездки С₁ позвонил со словами: «Я знаю, что за доклад ты готовишь» – «???» – «Упади еще раз стенка!».

международным связям», на вопрос о владении языками сказал, что немного – английским. Его прошлое загадкой не было, а поиск хоть каких-то следов якобы имевшейся диссертации или автореферата в области юриспруденции результатов не дал³⁹. Закономерным было появление определений: *генерал искусствоведения* (многим хорошо памятли советские «искусствоведы в штатском»), *кандидат юридических наук в отставке*. Еще одно – *замКох* – указывало на его место в официальной иерархии.

Как-то двое проходивших по Исаакиевской площади мужчин поинтересовались у вышедшего из Института И₂, не здесь ли работает Юра Бундин. «Здесь». – «А кем он работает?» – «Заместителем директора. А что?» – в свою очередь поинтересовался сотрудник. – «Да он у меня когда-то *лейтенантом по земле бегал*»⁴⁰, – ответил один из прохожих.

Через некоторое время И₂, рассказав мне эту историю, приправил ее четверостишьем:

Юра Бундин по земле
Бегал лейтенантом,
А теперь с утра в «Буше»
Кофе глушит франтом⁴¹.

Как-то получилось, что первые серьезные проблемы с администрацией возникли у сотрудников, молодых людей, в прошлом имевших в паспорте не очень удобную для жизни запись в графе «национальность». *Бундисемит, бундераст*, – разнеслось по Институту, –

Если мальчик не блондин, –
Берегись, идет Бундин!⁴²

³⁹ Сведения о наличии ученой степени содержатся в статье: Лебедева 2011. Кандидатом юридических наук Бундин был назван и на официальном сайте РИИИ.

⁴⁰ «Бегать по земле» – так говорят о работающих «в наружке» – в наружном наблюдении.

⁴¹ Записано 22 февраля 2014 г. «Буше» – дорогое кафе, расположенное на Почтамтской ул. в трех минутах ходьбы от Института.

⁴² А₂, август-сентябрь 2013 г. В то же время прежде среди сотрудников Института принадлежность к сексуальным меньшинствам не становилось причиной особенного

Деятельность «отставного юриста» поначалу сводилась к представлению – один за другим – нелепых приказов, причем в последующих исправлялись ошибки, допущенные в предыдущих. Перед сотрудниками замаячили разные кары за неисполнение вводимых абсурдных норм. *Бундиотизм*. Впечатление от витиевато-бессмысленных речей и предъявляемых коллективу все новых документов очень точно передавало слово *обундэть*! Все более вероятной становилась опасность *пробундиться* – однажды очнуться завербованным в агенты ФСБ. А глагол *бундить* (или *бундеть*) стал обозначать саму манеру Бундина разговаривать – бесцветно-обтекаемую, наполненную канцеляризмами и отсылками в никуда («известно», «согласно нормам», «по документам мы должны»). Пожалуй, это единственный случай ономотопеи (называние предмета одновременно с имитацией характерных для него звуков). Новое слово оказалось сходным с привычными уху *бухтеть* и *бубнить*.

Наряду со словесной игрой, в Институте было распространено цитирование устных и письменных высказываний новых руководителей. «Нам всем придется лечь под реформу»⁴³, – поясняла свои действия и. о. директора. В марте 2014 г. в одном из секторов она собственноручно проводила «*мониторинг столов*» (т. е. определяла, какие из них следует отправить на свалку)⁴⁴. Подобная «научная» деятельность Ольги Борисовны была отнесена к области *кохнитивного искусствоведения*.

Бережно сохранялись распоряжения, акты, уведомления, пестревшие грамматическими и стилистическими ошибками⁴⁵.

внимания и тем более осуждения.

⁴³ Осень 2013 г., сообщил И1.

⁴⁴ 21 марта 2014 г., сообщил И1.

⁴⁵ Тут-то и стала понятной фраза, произнесенная Кох при ее оформлении в Институт в ответ на предложение написать заявление: «Я ничего писать не буду. Писать будете вы, а я – подписывать» (сообщено Е₃). Месяцами в документах проставлялись неверные названия секторов и самого Института. Неудивительно: сам заместитель министра Г. П. Ивлиев, дважды приезжавший к нам в мае и июне, на собраниях именовал учреждение то «Институтом культуры», то «Институтом культурологии», то «Институтом искусствознания», а окончательно запутавшись, предложил «вернуть

Особенное удовольствие доставляло чтение статей Ю. И. Бундина, например, о том, что с заключением Константинопольского договора от 18 августа 1700 г. были «прекращены разбойничьи набеги кочевников, подогреваемые затяжной войной с Турцией и затем мирным договором, за которым торчали уши будущих неминуемых войн» (Бундин 2005: 61). Приведем еще несколько ярких цитат из его работ: «17 ноября 1700 года следует поражение русских войск под Нарвой, и шведский король начинает гонять Августа по Польше» (там же); «1 октября 1702 г. русские войска разрушили первую крепость в “шведской стенке”, загораживающей вход в Европу» (Бундин 2005: 62); «...Военная удача, знания, напористость сопутствуют Петру каждый год по несколько раз – и на суше, и на море» (там же). И – характеристика одного из строителей Успенского собора в Тихвине Федора Сыркова: «К архитектурному творчеству он имел такое же отношение, как кирпич» (Бундин, Райков 2005: 38).

С точки зрения содержания, в собранном нами материале можно выявить доминантную, периферийную и окказиональную тематику. К первой группе, на наш взгляд, следует отнести все, что касается двух главных персонажей, поставленных во главе Зубовского института: Ольги Борисовны Кох и Юрия Ивановича Бундина. Периферийная тематика охватывает весь административный корпус в широком смысле – от Министерства культуры и возглавляющего его с мая 2012 г. В. Р. Мединского до набранных в штат Института новых уборщиков. Наконец, окказиональная тематика включает весьма незначительное число сотрудников Института. Несмотря на постепенно нарастающие разногласия в их среде, а порой и противостояние, коллеги становятся персонажами эпиграмм чрезвычайно редко и, как правило, это связано с полной потерей человеком авторитета.

родовое название “Зубовский институт”. Это было не просто демонстрацией полного незнания истории (граф Валентин Платонович Зубов нарек свое детище «Российский институт истории искусств»). Для всех, собравшихся в тот день в Зеленом зале, было очевидным, что если в ведомстве, руководящем работой учреждения, не могут запомнить его названия, – ничего хорошего ждать не приходится.

Так, буквально в одночасье почти весь коллектив определился со своим отношением к молодому и, казалось бы, перспективному сотруднику музыковеду Дмитрию Шумилину. Переломным моментом стала даже не его внезапная поездка в Москву, из которой он – неожиданно для всех – вернулся заместителем директора. Тогда за ним закрепилось прозвище *Кохáнчик*⁴⁶. Уменьшительный суффикс придавал ему статус чего-то незначительного, игрушечного. Однако примерно месяц спустя, в пятницу, 19 июля, Кох не пустила в Москву на совещание официально приглашенную Анну Федоровну Некрылову (на тот момент зам. директора по научной работе), а поехала на него сама – в сопровождении Шумилина. В середине дня Дмитрий позвонил Некрыловой – она была в Институте – и заботливо спросил: «Ну как вы, Анна Федоровна? Вам *уже лучше?*» Не станем воспроизводить здесь ответ. А в понедельник в середине дня практически одновременно в разных местах появились плакат, постеры и флаеры разного формата с фотографией «коханчика», обработанной в графическом редакторе⁴⁷. На его профиле пощечиной алело: «Лжец!», внизу – тоже красным – шла надпись: «Тебе здесь не место!» Постеры были вывешены на досках объявлений, лежали в научном отделе и в библиотеке, одну из наклеек И. обнаружил в мужском туалете (и забрал для своей коллекции). Вопрос авторства был предметом довольно долгого обсуждения. В разговорах со мной изготовление плаката приписывалось Т., С., Д. Мало того, *несколько экземпляров* очень скоро стали описывать как *несколько разных* плакатов: якобы на одном было написано «лжец», на другом – «подлец».

⁴⁶ В прозвище совмещаются фамилия и. о. директора Института *Кох* и глагол *кохати* (укр. 'любить', ср. польск. *kochać*). Одновременно есть коннотации с прозвищем сотрудника дорожной полиции, задержанного в Кызылорде за взятки в январе 2012 г. – Паханчик (от «пахан» – в криминальной среде «авторитет», «главарь», «руководитель»).

⁴⁷ В 1920-е годы в Институте также бывали использованы визуальные средства. В одной из сносок в статье «Гимн формалистов» упоминается плакат с лозунгом-каламбуром «Лучше Шпет, чем никогда»; см.: Кумпан, Конечный 2008: 283, сноска 75.

На следующий день администрация обыскала весь Институт. Были перекрыты все помещения, проверены компьютеры, заказаны новые средства слежения. Пару недель – пока на стоянку во дворе не поставили камеру – Шумилин приезжал в Институт на общественном транспорте: опасался, что попортят его авто...

В дальнейшем «коханчик» уже встречается в стихах наряду с членами вновь набранной администрацией команды, т. е. фактически он перешел из окказиональных персонажей в разряд периферийных.

Так, в «Песенке о Палочке» министр культуры говорит:

«Да, там, среди сотрудников
Мальчонка⁴⁸ есть – Димон, –
Мне кажется, в подручные
Вполне сгодится он».

В «Новогодней частушке»:

С ними Дима – квелый зам
(суть понятна по глазам).

А дальше – следует перечисление людей из «новой команды»:

...И племянник с помелом,
и военный управдом.

Пришибеев кадровик
Рядом с ними шибко сник.
Не осиливший ликбез
Не в свою тарелку влез.

Вертухаи и кульки
И охранники-братки.
Посторонние коблы
Топчут графские полы. <...>

⁴⁸ *Мальчонка* – еще одно прозвище Д. Шумилина.

А ее бойфренд Кощей –
Саблезубый Бармалей,
Он лубянский свой запал
С тех времен не растерял.

В «Песенке о Палочке» этот ряд короче:

С энтузиазмом Палочка
«Зачистку» начала
И редкостный паноптикум
В команду набрала. <...>

Охранники, помощники,
Вояка-старичок,
Уборщик классный и стукач
Зовется Игорёк. <...>

Такую грязь поразвели, –
Не уберешь за год!
Смотрите: вон у Игорька
Свело от пыли рот.

Все это совершенно конкретные персоны: сотрудники охранного предприятия, вставшие у дверей с оружием рядом с вахтершами, а затем и вытеснившие их, уборщик Игорь, без стеснения подслушивающий разговоры и просматривающий содержимое мусорных корзин, – почему-то молва зачислила его в племянники Кох. Многие из вновь взятых на работу в прошлом были военными. Алексей Ефремов – молодой человек с бравой выправкой – был принят в Институт на должность инженера. В Интернете есть ролик, на котором Алексей выставляет журналиста из Института со словами: «Вы же видите, сколько у нас здесь *блин-культурных ценностей*»⁴⁹. Что он делал как инженер, неведомо, зато в его обязанности входило позвать сотрудника к директору, удостовериться, что сотрудника нет на месте, стоять и наблюдать, как собирает книги и вещи уволенный. Чаще всего его так и именовали: «*Блин-культурная ценность*» или

⁴⁹ См.: [http://vk.com/buzinsky?w=wall235987_17578%2Fall].

палочка Кох. Пришибеевым назван Владислав Олегович Соколов – человек с военным прошлым, который заведовал канцелярией и кадрами, а по совместительству подписывал акты на неугодных сотрудников. Количество делаемых им в бумагах ошибок и описок неимоверно велико. Прозвище *Пришибеев* не прижилось, – чаще его величали *Брежневим*.

Кошеем назван адвокат Феликс Евгеньевич Яковлев, ранее делавший карьеру как следователь, сохранивший и перенесший на новое поприще блатные привычки. У него единственного сохранилось «инфернальное» прозвище.

Еще один текст, в котором появляется конкретный сотрудник Института, зафиксирован нами в начале февраля 2014 г.:

В Институте РИИИ
Непростые будни,
Завелись у нас внутри
Ольга Кох и Бундин.

И поскольку, так сказать,
Слова молвить не с кем,
Ходит жопы им лизать
Игорь Мациевский.

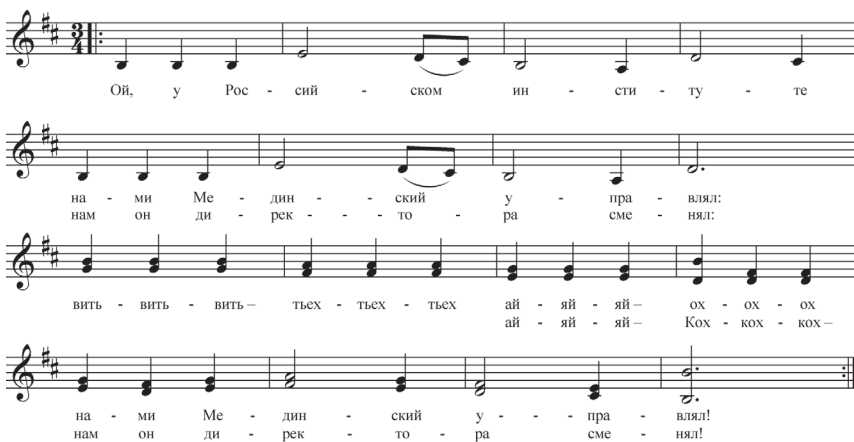
К сожалению, я в этот период была поглощена судебными разбирательствами и не смогла отследить, какое событие стало толчком к появлению этого текста. Полтора месяца спустя мне сообщили еще одну фразу: «Мациевский что-то совсем *окоханился*», – она дошла до меня через четвертые руки, причем не все люди в этой цепочке имели прямое отношение к Институту. Примерно в то же время прозвучало прозвище «*Мацаивелли*»⁵⁰.

Отметим, что периферийные персонажи в основном появляются в стихотворных произведениях «крупной формы», – в них практи-

⁵⁰ Автором первого из приведенных выражений являлся Ю., автор второго неизвестен. Руководителю сектора инструментоведения И. В. Мациевскому и раньше случалось быть персонажем «капустных» текстов. Ходили и другие прозвища: *Эмоциевский*, *Инструменталиссимус* и др.

чески все члены новой «команды» названы поименно и охарактеризованы. Особняком в этом ряду стоит «Ода Великому Институту»⁵¹, в которой фигурирует лишь минкульт и дана отсылка к знаменитой фразе министра культуры В. Р. Мединского «Мы хобби оплачивать не будем»⁵².

Подведомственным институтам предписывалось зарабатывать деньги, – минкульт превратился в *минкульт-торг* и – в связи с некоторой новой тематикой – *мин-оккульт-торг*. Щедрые посулы министра и его заместителя Г. П. Ивлиева доверия сотрудников не вызывали. Примерно так же реагировала на увещевания казака дивчина в украинской народной песне «Ой, у вишневого садочку». Вот вариант ее подтекстовки (ее распевали на два и даже на три голоса в фойе и на парадной лестнице Института):

Ой, у Российском институте

Нами Мединский управлял:

Вить-вить-вить – тьех-тьех-тьех

Ай-яй-яй – ох-ох-ох

Нами Мединский управлял!

⁵¹ «Ода» состоит из 10 строф. Была вывешена на доске приказов в начале сентября 2013 г., автор С.

⁵² Фраза была произнесена в Zubovskom институте, достоянием широкой общественности стала 12 июня 2013 г.

Ой, у Российском институте
Нам он директора сменял:
Вить-вить-вить-тьех-тьех-тьех
Ай-яй-яй – *Кох-кох-кох* –
Нам он директора сменял!⁵³

Фигуру Мединского все воспринимали как декорацию (все основные действия исходили от его заместителя Г. П. Ивлиева, который не только несколько раз приезжал в Институт, но и лично представил коллективу и. о. директора). Однако в текстах фигурирует именно министр, покровительствующий новой команде, – вдохновитель «культурной реформы» и всего, что с ней связано.

В «Песенке о Палочке»:

Министр культуры Палочке
Заданьице дает:
Очистить надо здание,
Уж покупатель ждет. <...>

В Москве искусствознание
Под корень я скосил, –
Гнилых гуманитариев
Терпеть уж нету сил.

В тексте, озаглавленном «Текущие настроения»:

Улыбка Мединского все осветила –
И Солнце погасло...
Тут Кох отворила
Рукой безобразной
Ворота в Аид
И грозно сказала:
«Всем ставлю на вид:
Люблю я стихию порядка солдата,
С которым Адольф к нам ломился когда-то!...»⁵⁴

⁵³ Записано в августе 2013 г., в сочинении участвовали Е₁, Е₂, Д₁.

⁵⁴ А₁, сообщено в феврале 2014 г.

В «Новогодней частушке»:

Им министр-педераст
За развал награду даст.
Но ведь есть и высший суд –
И иконки не спасут⁵⁵.

Один из ученых, ознакомившихся с собранным мной материалом, прокомментировал: «Фольклор академической науки *мединского периода*». Наряду с широко распространенной вариацией фамилии *Мудинский* (ее я впервые услышала от немецкого коллеги) известна также *Смердинский*. Кроме того, фамилия министра хорошо вписалась в ряд «металлистов у власти»: Сталин – Железняк – Мединский...⁵⁶

В течение нескольких месяцев в Зубовском институте сочинялся устный детектив. Инициатором был Н., который пригласил к обсуждению других сотрудников. Предлагаемые идеи всесторонне рассматривались. Постепенно вырисовывались основные сюжетные ходы, детали, персонажи. Главная интрига – замурованный графом Зубовым клад, местоположение которого отмечено на некоем плане. Фрагмент этого плана случайно обнаружен в фонде и попал в телепередачу А. В. Караулова⁵⁷. Кох получает задание найти сокровище, но ей не очень доверяют, за ней назначают

⁵⁵ Новая администрация усиленно демонстрировала приверженность православной обрядности. В Институт пригласили православного священнослужителя для проведения молебна. «*Иноверцам разрешается не участвовать*», – разрешила Кох, ранее говорившая, что принадлежит к лютеранской вере.

⁵⁶ Сообщил Е., начало октября 2013 г. Сергей Владимирович Железняк – депутат Государственной думы РФ VI созыва от партии «Единая Россия», зам. Председателя Госдумы, член комитета Госдумы по информационной политике, информационным технологиям и связи. Известен законодательными инициативами о санкциях за нецензурную брань в средствах массовой информации, о налогообложении блогеров и др.

⁵⁷ 27 мая 2013 г. в авторской передаче А. В. Караулова «Момент истины» был показан сюжет о Зубовском институте. Ложными были не только факты, сообщенные телезрителям, но даже «зрительный ряд»: вместо интерьеров Института демонстрировались посторонние обшарпанные помещения. Единственным подлинным документом был поэтический план, предоставленный в августе 2012 г. в Министерство культуры советнику Н. А. Степанову.

приглядывающих. Почти сразу все условились, что на десятой странице Кох должна быть убита. М. предложил «орудие убийства» – постное масло, разлитое на ступенях довольно крутой лесенки, ведущей в уборную. Дружно искали «спасителя» Института, распределяли «роли». К сожалению, никто не взял на себя функции летописца, и текст остался устным нарративом (не увенчались успехом и мои просьбы к Н. зафиксировать его).

Более счастливым оказалась судьба «либретто» «Кохцарт и Мацильери» (варианты подзаголовка: «маленькая трагедия», «камерная опера в одном половом акте»). Е₂, его автор, безжалостно эксплуатируя пушкинский текст, постарался вставить в него все мотивы, актуальные для сотрудников Института, и известные ему на тот момент высказывания и. о. директора. Например, *Кохцарт* отдает распоряжение:

Бундини, ухожу сейчас я на обед,
Но перед тем мне нужно в туалет,
Сопроводи меня иль прикажи охране,
Боюсь ходить один: прирежут россияне.

В «кохетерии» он признается:

А вот и я. Немного задержался...
Подписывал приказ. Ах, Мацильери,
Тебе могу лишь я открыться:
Пишу я Requiem для всей науки...

Приготовившись исполнить реквием, сокрушается:

Ах, если б знал, что нет здесь фортепиано,
а только этот старенький рояль⁵⁸...

С гордостью замечает:

⁵⁸ Описываемая ситуация произошла со мной в сентябре 2013 г. Будучи руководителем научного семинара «Среды в РИИИ», я подала заявку на проведение заседания в Белом зале. «Зачем вам нужен зал?», – спросила О. Б. Кох. «Докладчику для иллюстраций требуется фортепиано». – «Но в Белом зале нет фортепиано». – «???» – «В Белом зале нет фортепиано. Там – рояль».

И оркестровкой я могу гордиться!
Для новизны звучанья в партитуру
я ввел три фановых
и пять дренажных труб⁵⁹.

Наконец, объявив судьбу Зубовского особняка –

Давно уж все в Минкульте решено:
Ученых переучат в официантов,
В крупье, а здесь откроют казино –

– он подбадривает собеседника и излагает свое *credo*:

Я – гений, и ты – гений, Мацильери!
Зачем тебе с подносами ходить,
Позволю я тебе в мой кохетерий
Меня бесплатно на обед водить. <...>

Как опытный и хитрый органиолог,
Способен ты на многое, поверь,
Для гения злодейство – только повод
Пред недругом закрыть входную дверь.
И мы ее закроем – будь спокоен, –
Европы загнивающий проем,
А после снова Родину отстроим
Вдвоем!⁶⁰

Представленный в данной статье материал нельзя считать устоявшимся, – во время фиксации он находился в непрерывном обновлении. Какие-то тексты, словосочетания забывались, сохранялись лишь в записи, другие находились в постоянном употреблении,

⁵⁹ См. сноску 33.

⁶⁰ Текст получен в начале апреля 2014 г., однако его фрагменты Е₂ пересказывал и раньше. Г. А. Левинтон, ознакомившись с текстом настоящей статьи, оставил примечание: «Подозреваю, что финальные строки возникли под влиянием анекдота: женщина спасла жизнь Ульбрихту (или Хоннекеру – зависит от года рассказывания). Он говорит: “Просите у меня, что угодно!” – она: “уберите Берлинскую стену” – он: “Ах, проказница, вы хотите, чтобы мы остались во всей ГДР вдвоем”».

к некоторым из них сотрудники возвращаются, порой что-то исправляя, дополняя. Почти всегда можно указать литературную основу: вирши XVII в., классическая поэзия, детская литература. Порой четырехстопный хорей напоминает о советской политической частушке («Кто там лезет в Мавзолей с раскладушкой своей?»).

По-видимому, с противоположной стороны существовала своя словесная игра. Мне известно лишь одно свидетельство: чтобы запомнить мою фамилию, сотрудники охранной фирмы «Каскад» придумали мнемоническую рифму: *В-глаз-дám!*

Не все собранные нами образцы совершенны в литературном отношении, что вполне понятно: эстетическая функция здесь не является ведущей. Однако во всех случаях в них усилена экспрессивная нагрузка высказывания. Появление текстов вызвано несколькими факторами, в числе которых, помимо уже упомянутой нами вербальной защиты, направленной на то, чтобы поставить под сомнение установленную иерархию, безусловно, важными являются:

- стремление автора кратко выразить мысль (окказионализм может заменить словосочетание и даже предложение, фактически содержит в себе свернутое высказывание);
- потребность подчеркнуть свое отношение к предмету речи, дать ему оценку;
- желание своеобразным обликом слова обратить внимание на его семантику, дезавтоматизировать восприятие⁶¹;
- совмещение денотатов: при словесной игре передача аллюзивного смысла нередко происходит при помощи элементов не только лексического, но и грамматического, фонетического, метрического уровней. Например, в случаях двойной аллюзии, когда новое слово образовано от фамилии (исначальный денотат) и какого-либо обценного слова, оба денотата связываются, что подразумевает их уравнивание.

Закончить статью хотелось бы оптимистически, например, строфами из «Оды Великому Институту»:

⁶¹ См. об этом: Попова 2005: 28.

И пусть кто-то выгодно сдался,
А кто-то где надо смолчал,
Но дух Института остался
И этим Минкульт напугал. <...>

И как бы нас дальше ни били,
И кто бы про нас ни писал,
А наш Институт полон силы –
Он гордо спасет себя сам!

Однако, по-видимому, более точным станет другое завершение:

Тут науке всей – конец,
Кто в РИИИ, тому – *бундец!*

БИБЛИОГРАФИЯ

- Адоньева С. Б. 2004. Прагматика частушки. – Адоньева С. Б. Прагматика фольклора. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет. С. 137–195.
- Аристов С. 2013. «Каждому свое». Судьба Эльзы Кох. – Дилетант. № 6. С. 51–55.
- Бахтин М. М. 1965. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература.
- Бундин Ю. И. 2005. О триумфах в России. – Летописец. Тихвинский краеведческий альманах. Вып. 6. Тихвин: Редакционно-издательский дом Алаборг. С. 59–69.
- Бундин Ю. И., Райков Г. П. 2005. Некто «Мастер Фрязин» и Дом Богородицы на Тихвине. – Летописец. Тихвинский краеведческий альманах. Вып. 2. Тихвин: Редакционно-издательский дом Алаборг. С. 33–41.
- Богомолов Н. А. 1992. Шуточные стихотворения к двухлетию факультета словесных искусств РИИИ. – Шестые Тыняновские чтения: Тезисы докладов и материалы для обсуждения. Рига; М.: [Б. и.] С. 19–25.
- Богомолов Н. А. 1999. Русская литература первой трети XX века: Портреты, проблемы, разыскания. Томск: Водолей.
- Вацуриана 2001. Вацуриана: Искусство веселого научного общения / Автор проекта А. Глассэ; сост. Т. Селезнева; ред. И. Чистова, И. Райскин. СПб.: Итака.

- Вацуро 2005. В. Э. Вацуро: Материалы к биографии / Сост. Т. Ф. Селезнева. М.: Новое литературное обозрение.
- Гинзбург Л. Я. 2003а. Вспоминая институт истории искусств... – Российский институт истории искусств в мемуарах / Под общ. ред. И. В. Сэпман. СПб.: Российский институт истории искусств. С. 55–64.
- Гинзбург Л. Я. 2003б. Записи 1920–1930-х годов. – Российский институт истории искусств в мемуарах / Под общ. ред. И. В. Сэпман. СПб.: Российский институт истории искусств. С. 92–101.
- Голицина В. Г. 2003. Наш Институт, наши учителя... – Российский институт истории искусств в мемуарах / Под общ. ред. И. В. Сэпман. СПб.: Российский институт истории искусств. С. 68–77.
- Губарев В. С. 2014. Убийство РАН. Новейшая история науки в России. М.: Алгоритм.
- Дандис А. 2003. Фольклор: семиотика и/или психоанализ: Сборник статей / Пер. с английского. М.: Восточная литература.
- Дедова О. В. 2003. О гипертекстах: «книжных» и «электронных» – Вестник Московского университета. Сер. 9: «Филология». № 3. С. 106–107.
- Дианова Т. Б. 2003. Формы фольклорной трансмиссии. – Актуальные проблемы полевой фольклористики. Вып. 2. М.: Издательство Московского университета. С. 7–11.
- Иванова А. А. 2010. Метатекстовые единства в локальной фольклорной традиции. – Фольклор: Текст и контекст. Сборник статей. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора. С. 12–29.
- Исмагулова Т. Д. 2012. Институтская стенка и «Яшка» Назаренко. – Временник Зубовского института. Вып. 8: Зубовский институт: Страницы истории. СПб.: Российский институт истории искусств. С. 25–38.
- Каныгин П. 2013. Кислый инноград. – Новая газета. № 54 (22 мая) [<http://www.novayagazeta.ru/economy/58229.html>].
- Кириллов А. 2013. Выбирайте для себя новую систему измельчения. – Комбикорма. № 7. С. 30–31.
- Китаев-Смык Л. А. 2005. Сексуально-вербальная защита и агрессия (матерная речь и матерная ругань). – Речевая агрессия в современной культуре: Сборник научных трудов. Челябинск: Издательство Челябинского государственного университета. С. 17–21.
- Копытова Г. В. 2012. Хроника реорганизаций и переименований Российского института истории искусств (1912–2012). – Временник

- Зубовского института. Вып. 8: Зубовский институт: Страницы истории. СПб.: Российский институт истории искусств. С. 144–148.
- Корнилова А. В. 1979. Кавказское окружение Лермонтова в альбомах современников. – М. Ю. Лермонтов: Исследования и материалы / Отв. ред. М. П. Алексеев; ред.: В. Э. Вацуро, А. Глассе. Л.: Наука. С. 373–391.
- Крюков А. Н. 2012. Две блокадных поэмы. – Временник Зубовского института. Вып. 8: Зубовский институт: Страницы истории. СПб.: Российский институт истории искусств. С. 88–93.
- Кумпан К. А. 2014. Институт истории искусств на рубеже 1920–1930-х гг. – Конец институций культуры двадцатых годов в Ленинграде. По архивным материалам: Сборник статей / Сост. М. Э. Маликова. М.: Новое литературное обозрение. С. 8–128.
- Кумпан К. А., Конечный А. М. 2008. Гимн формалистов / Публикация, сопроводительный текст и комментарии Ксении Кумпан и Альбина Конечного. – *Natale grate numeras?* Сборник статей к 60-летию Георгия Ахилловича Левинтона / Ред. А. К. Байбурин, А. Л. Осповат. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. С. 266–294.
- Лебедева К. 2011. Знакомьтесь: Проректор Ю. И. Бундин. – Газета Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. № 17 (1356), декабрь. С. 2.
- Лопатин В. В. 1973. Рождение слова. Неологизмы и окказиональные образования. М.: Наука.
- Лыков А. Г. 1976. Современная русская лексикология. Русское окказиональное слово: Учебное пособие для филологических факультетов университетов. М.: Высшая школа.
- Лыков А. Г. 1990. Русское окказиональное слово в аспекте теории и методики. – Лексикология: Тезисы 2-й межвузовской конференции. М.: Московский педагогический государственный университет. С. 76–80.
- ЛЭС 1987. Литературный энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия.
- Максимов В. И. 2014. Триумф и разгром Российского института истории искусств. – Максимов В. И. Из истории теории театра и науки о театре. СПб.: Издательство «Чистый лист». С. 98–111.
- Налепин А. Л. 2009. Два века русского фольклора: Опыт и сравнительное освещение подходов в фольклористике в России, Великобритании

- и США в XIX–XX столетиях. М.: Институт мировой литературы Российской академии наук.
- Неклюдов С. Ю. 1995. После фольклора. – Живая старина. № 1. С. 2–4.
- Некрылова А. Ф. 2012. Наталья Павловна Колпакова: Стихи студенческой поры. – Временник Зубовского института. Вып. 8: Зубовский институт: Страницы истории. СПб.: Российский институт истории искусств. С. 13–24.
- Олсон Л., Адоньева С. 2016. Традиция, трансгрессия, компромисс: Миры русской деревенской женщины. М.: Новое литературное обозрение.
- Попова Т. В. 2005. Русская неология и неография: Учебное электронное текстовое издание. Екатеринбург: ГОУ ВПО УГТУ–УПИ [<http://www.unizd.hr/portals/35/2011-12/neol.pdf>].
- Рыбакова А. А. 2009. Экспрессивно-семантическая структура русской эпитафии XVIII–XIX веков и ее лексические, фразеологические средства. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Армавир.
- Успенский Л. В. 1983. Абсолютный вкус. – Воспоминания о Тынянове. Портреты и встречи. М.: Советский писатель. С. 109–115.
- Хадаев А. 2013. Палочку Коха можно сломать. – Российская газета. № 6178 (202), 11 сентября. [<https://rg.ru/2013/09/11/tuberkulez.html>].
- Чистов К. В. 2005. Фольклор в культурологическом аспекте. – Чистов К. В. Фольклор. Текст. Традиция: Сборник статей. М.: Объединенное Гуманитарное издательство. С. 11–25.
- Чуковская Л. Г. 2000. В поисках мировоззрения. – Чуковская Л. К. Сочинения: В 2-х тт. М.: Гудьял-Пресс. С. 391–395.

КРИТИКА

**РЕЦ. НА КН.: АНТРОПОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ:
ВЫП. 5. К 85-ЛЕТИЮ АКАДЕМИКА РАН
ВЯЧЕСЛАВА ВСЕВОЛОДОВИЧА ИВАНОВА.**

М.: Институт мировой культуры МГУ, 2015. 462 с. 400 экз.

Дарья Дорвинг
(Таллин)

Елена Земскова
(Таллин)

Мария Последова
(Таллин)

Анна Рубцова
(Таллин)

В рецензируемом – пятом – выпуске «Антропологии культуры» – четыре раздела: «Архетип – символ – знак», «Образ в культуре и истории», «Из наследия научного и литературного авангарда» и «Диакритика». Первые три раздела включают 18 научных работ, в том числе – две работы, переведенные на русский язык специально для этого выпуска.

Вяч. Вс. Иванов

ВВЕДЕНИЕ К ПРОЕКТУ СИМБОЛЯРИЯ (СИМБОЛЯРИУМА)

Во вступительной статье к сборнику «Антропология культуры» излагается содержание масштабного проекта по созданию словаря графических символов – «Симболярия», замысел которого принадлежит еще П. А. Флоренскому. По словам Вяч. Вс. Иванова, в настоящее время возможно существенно развить мысль Флоренского и превратить «Симболярный» в некоторое собрание всех универсальных символов разных культур, времен и народов. Структура «Симболярия» будет состоять из нескольких частей. Одними из первых предполагается создать части, посвященные

первичным геометрическим, цветовым, абстрактным и языковым символам. Планируется также создать раздел, предназначенный для изучения возникновения знаковых систем науки. Отдельное внимание будет уделено формированию раздела, посвященного способам семиотического осмысления исходного материала с целью превращения его в знак. Итоги проекта будут размещены в интернете, чтобы облегчить использование базы данных, а также привлечь к проекту как можно больше ученых из разных областей.

Андре Леруа-Гуран

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ДОИСТОРИЧЕСКОМ ИСКУССТВЕ

(РЕЧЬ, ПРОИЗНЕСЕННАЯ 25 ИЮНЯ 1981 ГОДА НА ВРУЧЕНИИ ПРЕМИИ
ФОНДА ФИССЕНА) / Пер. с французского Анны Мурадовой

Речь Андре Леруа-Гурана (1911–1986) посвящена размышлению о месте художника в обществе палеолита. Ученый отмечает очень высокий уровень изображений, что свидетельствует о важности искусства в доисторическом обществе. Это подтверждается также семантикой наскальных рисунков. Леруа-Гуран сопоставил сотни изображений того времени и пришел к выводу, что в их основе лежит анималистическая триада. Чаще всего это – лошадь, бизон/зубр и третье, сопровождающее их животное. Изображения животных образуют сложные сочетания, которые Леруа-Гуран называет «мифограммами», так как их значение не зависит от смысла, придаваемого им в языковом выражении. Независимость сюжетов изображений и их повторяемость на определенных территориях говорит о том, что они могли обозначать этническую идентичность, присущую обществу. Если в функции художника входило отображение общественного социального устройства, то можно предположить, что его деятельность была тесно связана с религией и властью. Таким образом, Леруа-Гуран приходит к выводу, что художник в обществе палеолита обладал высоким социальным статусом.

Д. М. Сегал

ЗНАК КАК ВЫЗОВ: СИМВОЛ «ЗЕЛЕНОГО ЛУГА»

В статье Д. М. Сегала рассматриваются моменты становления в культуре знакового комплекса «зеленого луга»: от древнейших времен до нашего времени. «Зеленый луг» принадлежит к группе универсальных, примитивных (первоначальных), естественных (натуральных, природных) и положительных символов. Для того чтобы выделить образ зеленого луга из группы возможных сходных образов, автор последовательно рассматривает сначала визуальные истоки комплекса: наскальные рисунки, скульптурные изображения, а затем словесные – Библию и восходящие к ней тексты.

Анализируя артефакты и сравнивая их с современными объектами, Сегал приходит к выводу, что символ «зеленого луга» всегда содержал в себе диадду из основ человеческого «психе»: зова и вызова. Как правило, зов несет в себе объединяющий (инклюзивный) аспект, а вызов – состязательный (адверсариальный), однако по мере развития культуры эта диада может демонстрировать функциональное перевертывание или даже приобретать противоположные черты.

Н. В. Злыднева

ДВА ОЧЕРКА О ВИЗУАЛЬНОМ НАРРАТИВЕ

Статья Н. В. Злыдневой – это два очерка, посвященных рассмотрению проблематики визуального нарратива. В первом очерке «Куда бежит крестьянин: Загадки позднего Малевича» исследуется комплекс всех особенностей поэтики картины К. С. Малевича «Бегущий человек» (1932–1934). Тщательный структурно-семантический анализ картины позволяет Злыдневой сделать вывод, что на ней запечатлено автометаописание жизненного и творческого пути самого художника.

Во втором очерке – «Нарратив городской окраины в фотографии Б. Михайлова» – рассматривается серия снимков «Неоконченная диссертация» (1998) Б. А. Михайлова, на которых изображены городские окраины Харькова. Работы фотографа также

проанализированы с точки зрения комплекса особенностей поэтики, однако на этот раз семантические категории описаны в понятиях семиотического квадрата Альгирдаса Греймаса. Это позволило Злыдневой наглядно продемонстрировать, что серое в снимках «Неоконченной диссертации» имеет тетрарную структуру (в обычной фотографии серое тернарно), и «вбирает в себя признаки, дополняющие противопоставленность черного и белого – импликацию и отождествление». Таким образом, рассказ о сером можно трактовать как рассказ о призрачной действительности города.

Дагмар Буркхарт

МОДА КАК ТАНАТОТОП: НЕКРОФИЛЬСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ

В МОДЕ И ФОТОГРАФИИ / Пер. с немецкого Галины Потаповой

В своей статье Д. Буркхарт обращается к широко исследованной теме «мотив смерти в произведениях искусства» и предлагает взглянуть на нее в контексте проблемы «мода и смерть». В начале статьи автор описывает танатологический знаковый комплекс, а затем анализирует его проявления в визуальных текстах, посвященных моде: от Средневековья до наших дней. Исследовательница приходит к выводу, что знаковый комплекс сохранил свою функцию напоминания о скорой смерти (“*memento mori*”), однако его изображение со временем приобрело иную прагматическую значимость. Если на средневековых картинах изображение смерти должно было оттолкнуть от пустого увлечения сиюминутной модой, ибо жизнь слишком скоротечна, то на современных фотографиях, наоборот, оно призвано убедить человека насладиться всем, что предлагает модная индустрия, так как жизнь слишком коротка, чтобы отказывать себе в этом удовольствии.

М. В. Завьялова

ОБ ОДНОЙ НЕОЖИДАННОЙ РЕАЛИЗАЦИИ
ТРАДИЦИОННОГО ЦЕПНОГО ТЕКСТА

Статья посвящена выявлению причин необыкновенной популярности итальянской песни “Pulcino Pio”. В результате подробного анализа, автор статьи выделяет факторы, служащие интересу к песенке о цыплёнке. Среди них форма детского стишка, напоминающая кумулятивные сказки и отсылающая к ритуальным текстам; цепная структура текста и видеоряда, возвращающая зрителя в беззаботное детство; запоминающийся ритм, также, по мнению автора статьи, отсылающий к ритуальным пляскам; неожиданный (подсознательно ожидаемый) финал, отсылающий к архетипическим представлениям о ритуальных жертвоприношениях. Автор приходит к выводу, что механизм и назначение проанализированной песни в том, чтобы при помощи примитивного и первобытного освободить разум от тревог, активизировать архетипы коллективного бессознательного.

Оле А. Ханзен-Лёве

МЕТАМОРФОЗЫ МУЗ: ОТ МИФО- ДО МЕТАПОЭТИКИ

В статье, которую можно условно разделить на две части, рассматриваются разные традиции интерпретации мифа о музах. В первой части кратко описывается эволюция образа и роли муз в античности, представлена оппозиция аполлинистического и дионисийского концепта поэтического «дара». Автор уделяет большое внимание точке зрения Платона, который считал, что первостепенное право на муз принадлежит философам, а вовсе не поэтам. Платон девальвирует поэзию, называя поэтическое творчество претензией на сотворение мира, дерзким конкурированием с делом Творца. Из философии Сократа следует, что понятия генеративного зачатия в творчестве нет. В его понимании, никакого вмешательства свыше не происходит, а имеет место диалог, при котором учитель/мастер пробуждает в ученике внутренние процессы знания и понимания. При такой точке зрения Музы только вдохновляют, побуждают к творчеству, но вовсе не созидают.

Во второй части статьи автор рассматривает оппозицию интерпретаций образа женщины-вдохновительницы у Пушкина и Гоголя, эротический утопизм символистов, проблему гендерной гомогенности Музы и поэтессы и, кратко, «амазонок» русского авангарда.

В. Н. Топоров

О ГРАНИЦАХ И МЕРЕ «ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО» И О ВСТРЕЧЕ ЧЕЛОВЕКА
СО ЗНАКОМ САМОГО СЕБЯ (ОБРАЗ СТАТУИ У АННЕНСКОГО)

/ Предисловие А. Е. Аникина. Подготовка текста и публикация

М. В. Акимовой и Т. В. Цивьян

Данный текст представляет собой статью с предисловием – речь идет о незаконченном исследовании В. Н. Топорова, которое было обнаружено в его архиве Т. В. Цивьян. В вводной статье А. Е. Аникина «Неоконченная статья В. Н. Топорова о статуе в творчестве Анненского» отмечается, что эта находка интересна в первую очередь потому, что работ именно по Анненскому у Топорова немного, однако, к сожалению, до нас дошла только меньшая часть его замысла. Для того чтобы читателю было проще представить, о чем идет речь, в вводной части приведена таблица, которая позволяет проследить, как мотив статуи отразился в творчестве Анненского. Аникин также поясняет некоторые фрагменты статьи Топорова и рассказывает, какие характерные черты его исследовательской манеры отразились в этом тексте.

Несмотря на то, что статья Топорова не окончена и раскрытие ее основной темы осталось за рамками дошедшей до нас части, доступный текст позволяет представить глубину поставленного вопроса. Перед тем как приступить к анализу трагедии Анненского «Лаодамия», Топоров определяет тему исследования – статуя как знак человека при наращивании смыслов приобретает вид двойника, отражения человека с условными границами реальности, поэтому мотив оживания статуи чрезвычайно интересен для анализа. Для Анненского миф о статуе имеет значение, отличное от трактовки Пушкина (ср. статью Р. О. Якобсона «Статуя в поэтической мифологии Пушкина»), более личное – статуя в вер-

сиях античного мифа о Лаодамии второстепенна, однако в трагедии Анненского она занимает центральную смысловую позицию. Топоров связывает интерес Анненского к разработке этой темы с глубокими личностными мотивами, идеей о преодолении собственной объектности, однако исследователя интересует не просто опыт выражения образа в текстах Анненского, а модус, «бытийственное», определение границ человеческого. Судьба самого текста статьи удивительно созвучна этому замыслу – найденный среди черновиков, незавершенный, он своим появлением символизирует сложность определения границы между бытием и небытием.

М. Евзлин

МИФ О ТРЕХ СОЛНЦАХ У В. ХЛЕБНИКОВА

В статье автор уделяет пристальное внимание мифу о трех солнцах, который характерен для орочей. Он приводит многочисленные выдержки из книги В. П. Маргаритова 1886 г. «Об орочах Императорской гавани», из которой, очевидно, Хлебников и почерпнул идею об этом мифе. М. Евзлин также обращается к сходным мифам и в других культурах – китайской и индейской. В сказаниях орочей выделены оригинальные элементы путем сопоставления вариантов мифа о трех солнцах и преданий о происхождении человечества. Представив читателю краткие, но исчерпывающие сведения об оригинальном мифе и народе, которому он принадлежит, Евзлин обращается к тексту Хлебникова, проводит его семиотический анализ. В результате автор приходит к выводу, что Хлебников десакрализует миф: в его интерпретации он оказывается искусственным и неорганичным, что, впрочем, не отрицает поэтических достоинств текста Хлебникова.

А. М. Лидов

ОБРАЗ-ПАРАДИГМА КАК НОВОЕ ПОНЯТИЕ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ

Статья посвящена введению понятия «образ-парадигма», который является развитием теории иеротопии, рассматривающей создание сакральных пространств как особого вида творческой деятельности.

В качестве одного из основных противоречий иеротопического творчества и традиционной истории искусств выделяется включение зрителя в художественное пространство, которое разрушает оппозицию образ – зритель. Пространственный образ рассматривается как динамическая структура, которая зависит от индивидуального восприятия, зритель – как участник создания художественного произведения, что сближает византийские «пространственные иконы» с современными нам перформансами и мультимедийными инсталляциями. Введение понятия «образ-парадигма» мотивировано не недостаточностью позитивистского описания артефактов или изучения стоящих за ними понятий, но необходимостью интерпретации на уровне образов-идей или «образов-парадигм», напоминающих по структуре метафору, теряющую смысл при пересказе или расчленении. В статье особое внимание отведено анализу такого образа-парадигмы как иконная завеса. Предлагаемое автором статьи понятие обозначает узнаваемый образ, который несет в себе символические смыслы, вызывает разнообразные ассоциации, при этом, не являясь иллюстрацией или повествующим изображением. Иными словами, понятие «образ-парадигма» помогает описать те феномены визуальной культуры, которые не могут быть описаны в традиционных терминах истории искусств.

С. И. Лучицкая

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ И ВОПРОСЫ ИСТОРИКА

Представленный очерк предлагает вниманию читателя краткий обзор новых тенденций в исследовании средневековых изображений историками. Изображения теперь не рассматриваются исследователями исключительно в качестве иллюстрации исторических реалий, либо сопровождения текстов. Современные историки привлекают исследование изображений к изучению взглядов христианского общества на искусство. В числе актуальных вопросов: анализ церковных взглядов на изображение, концепция сакрального образа, дискуссии о статусе изображения, граница между образом и прототипом. Произведения искусства становятся важным

элементом социальных отношений, создают и поддерживают иерархию в обществе, выполняют различные функции, заложенные заказчиком, художником, или публикой. Автор очерка указывает на важность междисциплинарного подхода, который позволяет поставить перед историками новые вопросы, прежде находившиеся за рамками дисциплины.

Д. В. Вальков

ЛАТИНСКАЯ ЭПИТАФИЯ 1718 ГОДА

ИЗ МОСКОВСКОГО ЗАИКОНОСПАССКОГО МОНАСТЫРЯ

В своей статье Д. В. Вальков рассматривает латинскую эпитафию философа Василия Выговского, датированную 1718 годом. Стоит отметить, что в русской эпиграфической практике памятники на латинском языке – явление исключительное и характерное в основном для надгробных плит проживавших в России иностранцев.

Анализируя орфографическую специфику надгробной надписи Выговского, автор статьи приходит к выводу, что она наследует традиции западноевропейской гуманистической эпитафии, по-русски описанной А. И. Хоментовской (1881–1942), а ее изобразительные параметры во многом предвосхищают общие системные изменения, свойственные русской эпиграфике XVIII века.

Д. В. Вальков

ЭПИГРАФИКА ВОРОТ СРЕДНЕВЕКОВОГО ИТАЛЬЯНСКОГО ГОРОДА

Вторая статья Д. В. Валькова, помещенная в этом выпуске «Антропологии культуры», посвящена рассмотрению наворотных эпиграфических памятников XI–XVI веков, находящихся в городских центрах Северной, Центральной и Южной Италии. Проведенный семантический анализ позволил исследователю сделать выводы о том, что наиболее распространенными типами эпиграфических записей являются: «монолог славы», «ключевые вехи истории» и «номинация». Ученый также обращает внимание на то, что городские ворота всегда стремились отразить внутреннюю сущность города. Это особенно заметно при сопоставлении ворот

из Южной и Северной Италии. Если в Северной Италии город зачастую противопоставлял себя верховной власти и поэтому текст памятника мог иметь черты апотропея, то в Южной Италии город был полностью подчинен королю, поэтому эпиграфика ворот несла имперский смысл, а сами ворота воспринимались как «державные».

Ф. Н. Двинятин

«ТЫ ПРОБУЖДАЕШЬСЯ, О БАЙЯ, ИЗ ГРОБНИЦЫ...»

БАТЮШКОВА СОРОК ЛЕТ СПУСТЯ

Статья Ф. Н. Двинятина – идеальный пример преемственности филологической традиции. Автор продолжает анализ стихотворения К. Н. Батюшкова «Ты пробуждаешься, о Байя, из гробницы...», начатый Ю. М. Лотманом, и задается целью выяснить, «не таит ли разбираемый текст какие-то значимые неучтенные ресурсы». И выясняет это Двинятин мастерски, хотя и скромно при этом подчеркивает, что не обладает столь мощным аналитическим даром, как Лотман. Помимо интереснейших наблюдений над «неучтенными ресурсами» самого стихотворения, читателю, наверняка, будет любопытна и коротко описанная автором статьи полемика «эстета-консерватора» В. В. Вейдле со «структуралистом» Лотманом о подходе к разбору литературного материала и конкретно стихотворения Батюшкова. Не вдаваясь в подробности пересказа статьи, стоит, однако, отдельно отметить, что своими наблюдениями и замечаниями Двинятин смог убедить в неслучайности выбора Лотманом стихотворения «Ты пробуждаешься, о Байя, из гробницы...» для заглавного разбора в «Анализе поэтического текста» и выявить особую роль стихотворения для русской поэтической традиции.

И. А. Пильщиков

НАСЛЕДИЕ РУССКОЙ ФОРМАЛЬНОЙ ШКОЛЫ И СОВРЕМЕННАЯ
ФИЛОЛОГИЯ

Автор статьи, ссылаясь на «недооценку вклада <Московского лингвистического кружка> в современное развитие дисциплин филологического цикла», посвящает свою статью обзору общих идей

МЛК и описанию подходов и их эволюции у конкретных ученых. Некоторые малоизвестные факты, историко-биографический комментарий и сравнения тезисов и идей МЛК и ОПОЯЗа, безусловно, создают достаточно полную картину существования и деятельности сообщества. Особое внимание И. А. Пильщиков уделяет фигуре и теории Б. И. Ярхо, и некоторые отдельно описанные постулаты учения Ярхо вписывает в общую канву подходов МЛК. В статье также представлена обширная библиография по заданной теме.

Автор смело полагает, что «переосмысление современных взглядов на формализм может стать началом революции в гуманитарной науке». Согласиться с этим тезисом или нет – читателю стоит решить самому, однако предоставленный статьей материал, безусловно, поможет в принятии решения.

М. В. Акимова

ТРАДИЦИИ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО СТИХОТВОРНОГО СИНТАКСИСА:

О. М. БРИК И М. Л. ГАСПАРОВ

Статья М. В. Акимовой представляет собой подробный, полный архивными находками, обзор-сравнение двух подходов к стихотворному синтаксису – О. М. Брика и М. Л. Гаспарова. Статья особенно интересна тем, что автор последовательно описывает эволюцию идей Брика и поясняет, какие из взглядов и тезисов Гаспарова восходят к предшественнику. Наблюдения Акимовой о некоторых научных «случайностях», а именно о схожих результатах, полученных учеными в разное время и разными путями, подчеркивает и величину и актуальность научной мысли Брика и Гаспарова, и правомерность и необходимость изучать, сравнивать, брать за отправную точку и развивать их идеи сегодня.

Петер Гржибек

«ОПЫТ ВВЕДЕНИЯ В ТЕОРИЮ ПРОЗЫ»: 3. ЗАБЫТОЕ НАСЛЕДИЕ

М. О. ЛОПАТТО С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ КВАНТИТАТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Автор статьи рассказывает о «полузабытой» работе М. О. Лопатто, который почти 100 лет назад затронул важнейшие и на сегод-

няшний день вопросы о «законах» теории прозы. Небольшая биографическая справка об авторе статьи «Повести Пушкина: Опыт введения в теорию прозы» позволяет познакомиться с молодым ученым, чьи идеи можно считать немаловажным элементом в реконструкции истории русского формализма. Подробное описание идей квантитативности, использованных Лопатто для изучения специфических черт пушкинской прозы, позволили П. Гржибеку передать читателям сообщение о безусловном значении работы молодого Лопатто. Актуальность идей Лопатто находит свое отражение не столько в результатах проделанной им работы, сколько в научной ценности и перспективности озвученных им проблем, для решения которых, по мнению автора статьи, сегодня наступило подходящее время.

Т. М. Двинятина, А. В. Крусанов

ПЕРЕПИСКА А. В. И М. В. ТУФАНОВЫХ КАК ИСТОРИЧЕСКОЕ
СВИДЕТЕЛЬСТВО 1920–1940-х ГОДОВ

Статья посвящена судьбе поэта-заумника Александра Васильевича Туфанова (1877–1943). В качестве материала исследования была взята переписка поэта с женой, продолжавшаяся более двадцати лет с момента их знакомства. В статье приводятся как фрагменты, так и полные тексты писем Туфановых. На примере биографии Туфанова показывается, как личная переписка становится свидетельством истории России. Центральное место отведено проблеме изменения человеческого сознания под воздействием тяжелых обстоятельств: тюремного заключения, ссылки, невозможности публиковать свои произведения и т. п. Авторы статьи показывают, как стремление добиться признания на литературном поприще приводит Туфанова к принятию метода соцреализма и коммунистической идеологии, что, впрочем, не приносит результатов.

Последний раздел – «Диакритика» – включает некролог А. Е. Кибрику (А. В. Архипов, М. А. Даниэль, Н. Р. Добрушина, Е. А. Лютикова, С. Г. Татевосов, О. В. Федорова), рецензию Д. В. Валькова на

двухтомник эпиграфических памятников Кипра «*Lacrimae Cypriae. Les larmes de Chypre ou Recueil des inscriptions lapidaires pour la plupart funéraires de la période franque et vénitienne de l'île de Chypre*» под редакцией Брунгильды Имхаус, обзор выставки «Петербургский текст Владимира Николаевича Топорова: История сотворения» (Т. В. Двинятина), обзор летней школы 2011 г. «SYMBOLARIUM» и круглого стола того же года, посвященного поэтике семантического перевода (Д. В. Вальков), обзор конференции 2013 г. «Живой камень в картине мира: От минералогии к мифопоэтике» (Д. В. Вальков, Л. О. Зайонц), а также семинаров, проходящих в Институте мировой культуры МГУ им. М. В. Ломоносова (А. М. Лидов и А. В. Архипов).

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ: ПРИНЦИПЫ И ГРАНИЦЫ (Хроника конференции в Санкт-Петербургском государственном университете, 21–22 апреля 2016 года)

Ф. Н. Двинятин

(С.-Петербург)

С. О. Леоненко

(Беркли / С.-Петербург)

Своего рода «второе рождение» – удел многих филологических дисциплин: то, чем, казалось бы, занимались всегда, с появлением некоторых ключевых работ достигает принципиально новой полноты и точности, окончательно оформляясь в особую область и/или метод исследования. Так было с русским стиховедением после появления первых статей Андрея Белого, с нарратологией после «Discours du récit» Жерара Женетта, с исследованием поэтической грамматики после работ Романа Якобсона. В этом году (или в следующем: научные перевороты трудно датировать с совершенной точностью) можно отметить полувековой юбилей одного из подходов, преобразивших нашу науку. Хотя поиск и упорядочение «параллельных» и «общих мест» – одна из древнейших основ (наряду с описанием метрических схем, толкованием темных мест ключевого для данной культуры текста, первыми опытами составления грамматик и словарей) прото-филологического и собственно филологического анализа, хотя задачи академического комментария всегда требовали обращения к поиску цитат, заимствований и общих мест, все же именно работы пятидесятилетней давности положили начало осознанию межтекстового анализа как одного из основных разделов и методов поэтики и филологии вообще. Одни прежде всего назовут здесь

первые публикации К. Ф. Тарановского, посвященные вскрытию и толкованию подтекстов мандельштамовских стихотворений, почти сразу поддержанные ахматоведческими наблюдениями Т. В. Цивьян и В. Н. Топорова, работами О. Ронена, З. Г. Минц, Р. Д. Тименчика, Г. А. Левинтона, и чуть позже – А. К. Жолковского, Б. М. Гаспарова, И. П. Смирнова, М. Л. Гаспарова и их коллег; для других основной вехой будет «Bakhtine, le mot, le dialogue et le roman» Юлии Кристевой, где был введен ключевой термин «интертекстуальность». Как бы то ни было, полстолетия прошло. Двадцать лет тому назад «конец цитаты» был констатирован М. В. Безродным в полигенетическом («конец Ренаты», «конец прекрасной эпохи», «смерть автора» и др.) названии его книги. «Девальвационные процессы», чутко подмеченные В. Н. Топоровым применительно к другой, некогда модной области исследования (поиску анаграмм), вполне сказались и в области интертекстуальных штудий. В российском литературоведении (где, в отличие от французской и американской традиций, осознание огромной роли межтекстовых связей не привело к катастрофическому переходу к постструктурализму, а стало одним из направлений обогащения и расширения структурной и семиотической поэтики) общий принцип поиска интертекстуальных соответствий объединяет авторов, ориентирующихся на традиционные историко-литературные подходы, на формальный и структурный анализ, на цивилизованно постструктуралистские прочтения; однако – наряду с влиятельными и новаторскими работами – он используется и в тысячах вполне проходных и неубедительных исследований. Можно если не оправдать, то понять тот скепсис, который иногда вызывают уже не только несовершенства и преувеличения отдельных гипотез, но и сам подход как таковой.

На кафедре истории русской литературы СПбГУ работает научный семинар «Интертекстуальный анализ: принципы и границы» (руководитель – профессор А. Д. Степанов). Его участники выступили инициаторами проведения международного семинара под тем же названием, для участия в котором были приглашены преподаватели кафедр, ее давние научные партнеры, многие

классики интертекстуальных исследований в области русистики и общей теории литературы. Не все званные смогли принять участие в семинаре, но и с учетом некоторых лакун состав докладчиков оказался более чем представительным. Пожалуй, столь широкий круг признанных специалистов впервые был объединен в рамках конференции с четко сформулированной теоретической программой – по крайней мере, за многие последние годы. Предлагая «идеологию» семинара, организаторы обращались к гостям с предложением ответить на вопросы о границах между верифицируемыми и необязательными межтекстовыми параллелями, о применимости понятий «топика» и «топос» к литературе Нового времени, о современном состоянии и перспективах «мифопоэтического» анализа – то есть о самой общей теоретической программе, способной объединить исследователей интертекстуальных связей из разных школ и направлений. Участники по-разному отозвались на эту преамбулу. Одни использовали ее как теоретическую рамку различных case studies, которые, по их эксплицитному или имплицитному мнению, составляют тело интертекстуальных исследований; другие поделились теоретическими и/или полемическими размышлениями. Тех и других объединяло близкое понимание целей и принципов филологического, историко-литературного, поэтического исследования, знание истории интертекстуальных изысканий, их идеологического контекста и современного, во многом кризисного, состояния.

Открывавший первое пленарное заседание П. Е. Бухаркин (СПбГУ) начал с тезиса о том, что уже давно не открывающая новых теоретических горизонтов интертекстуальная проблематика чрезвычайно свойственна литературе эпохи готового слова. Однако в риторической словесности непрерывное заимствование никогда не преследует цели диалога с претекстом. Воспринимаемый как образец совершенства формы, к которому следует стремиться, он становится всеобщим достоянием, и цитация происходит уже не из конкретного текста-источника, но из некоего «общекультурного резервуара». Таким образом, по вполне резонному замечанию докладчика, здесь уместнее говорить о топике (в классической

терминологии Курциуса), а не о «мозаике цитат» в духе Кристевой или Барта. Отметим, что для целого ряда участников именно критика постструктуралистского понимания ключевого термина конференции становилась поводом для общетеоретического пессимизма.

Ф. Н. Двинятин (СПбГУ) в своем докладе «Поэтическая традиция – топики – интертекстуальность» предложил последовательно различать три явления, названия которых вынесены в заглавие сообщения, как своего рода три концентрических круга: разовые, сильные межтекстовые связи (доказанные либо предполагаемые); топики, понимаемая в целом в духе Курциуса, и примыкающая к ней по большинству показателей микротопики формульности; поэтическая традиция как особым образом организованный язык поэзии, – межтекстовый, межличностный, диктующий поэту некоторые стандартные ассоциации, и в то же время в практике каждого поэта непрерывно видоизменяемый, развивающийся и как будто создающийся заново. Особое внимание в докладе было уделено поэтической традиции и взаимодействию всех типов межтекстовых связей – в первую очередь, тем случаям, где отдельные межтекстовые связи осложнены и дополнены развитием большой поэтической традиции (грамматический род слова *чинар/чинара* и глагольный вид в ремарках *отвечал/ответил*, кольцовский пятисложник в квазичитате Горького из Берга/Нефедова, динамика глагольных времен в русской лирике, поэтические перечисления благовоний и др.). Обосновывалось также предложенное соавторами этого обзора (в развитие идей В. Н. Топорова) понятие «интертекстуального поля» – особого типа контекстов, делающих весьма вероятным наличие в данном месте сильных межтекстовых связей, топики либо явлений круга поэтической традиции.

Ю. Б. Орлицкий (РГГУ) выступил с докладом «К вопросу об интертекстуальном потенциале редких стиховых форм в русской поэзии: античных (гекзаметр и логоэд) и восточных (хайку, рубаи)». На материале русской лирики XX века было показано, как метрическая и строфическая форма «подсказывает» современному автору, какие смыслы и ассоциации заложены в ней имманентно. При этом авторы могут либо полностью опираться на принятый

в национальной традиции смысловой ореол конкретной стиховой формы, тем самым поддерживая его, либо вступать с традицией в более или менее конструктивный диалог. Основным материалом доклада послужила новейшая история русского гекзаметра (Стратановский, Шварц, Дашевский, Амелин и др.), в качестве дополнительных примеров привлекались опыты аналогичного использования различных логоэдических форм, так или иначе соотносимых с античной топикикой и тематикой, а также нерифмованных трехстиший (русских хайку) и рубаи, отсылающих к дальневосточной и среднеазиатской экзотике соответственно.

М. Н. Виролайнен (ИРЛИ РАН, СПбГУ) в докладе «Поэтическая география как интертекст» вновь обратилась к собственной концепции словесной культуры Золотого века как периода особого отношения между словом и денотатом. Виролайнен показала, что топонимы в литературе Золотого Века не обозначают объекты в реальной географии – их появление в тексте всегда обусловлено уже сложившимся поэтическим словарем эпохи. С некоторыми оговорками (жанр дружеского послания) можно сказать, что связь между топонимом и географическим местом полностью разрывается, и топоним получает метонимическое («брега Невы» – Петербург) или эмблематическое (Новгород – свобода) значение. В случаях первого появления нового географического понятия в поэтическом тексте авторы либо апеллируют к уже существующей связи локуса с поэтической традицией (ссылный Пушкин влачит «мрачны дни» подобно Овидию, по наблюдению Б. М. Гаспарова, воспринимая вслед ему данный локус в том числе и как северный), либо включают его в устоявшуюся поэтическую формулу. Входя в стихотворный текст, географическое название становится словом поэтического языка, а географический локус – поэтическим топосом.

В. М. Паперный (Университет Хайфы) начал сообщение «Интертексты Льва Толстого (к проблеме различения адресованной и неадресованной интертекстуальности)» с теоретических замечаний. Адресованная интертекстуальность предполагает знание читателем претекстов, что обеспечивает более глубокое и полное понимание нового текста, вступающего с ними во взаимодействие.

При неадресованной интертекстуальности, напротив, связь с текстами-источниками не важна, поскольку новый текст переписывает (причем как в эпигонском, так и в блумовском смысле) или вовсе отменяет их. Именно эту мощную редакторскую интенцию докладчик акцентировал в поэтике Толстого. Манипулятивная интертекстуальность, образчиком которой, по мысли Паперного, может быть борхесовский Пьер Менар, лежит в основе толстовского «Соединения и перевода четырех евангелий», где автор разрабатывает изощренную процедуру превращения чужого текста в «свой».

Выступление И. Н. Сухих (СПбГУ) «О границах интертекста (Чеховский текст и “интертекст”)» носило характер методологического напутствия. По мнению докладчика, инструментальным ключевой термин конференции становится лишь в том случае, если признается свойством лишь некоторых авторов и произведений (ср. «цитатных» и «нецитатных» поэтов в трактовке В. Л. Маркова). Необходимо описать градацию интертекстуальных совпадений, тогда связь нескольких текстов может рассматриваться как слабая или сильная валентность. И только во втором случае интертекст становится инструментом в интерпретации данного текста. Доклад иллюстрировался, главным образом, примерами из А. П. Чехова.

В докладе А. Д. Степанова (СПбГУ) «Чехов и Баранцевич: К вопросу о критериях интертекста» был поставлен вопрос о сочетании «внешних», историко-литературных (обстоятельства работы над текстом Чехова и история его печатных выступлений о Баранцевиче) и «внутренних», структурных критериев (совпадение актантной структуры «субъект – предикат – объект»), позволяющих связать тексты, соотнесенность которых не зафиксирована документально. При анализе рассказов А. П. Чехова «Супруга» (1895) и К. С. Баранцевича «Котел» (1888) докладчик показал, что знакомство Чехова с текстом Баранцевича было весьма вероятно, убедительно объяснив возможный мотив обращения к сходному сюжету. Чехов, критиковавший своего коллегу за «неколоритность» стиля, в рассказе «Супруга» продемонстрировал, как добиться яркости в трактовке стертой и заезженной темы.

Секционное заседание конференции, посвященное интермедиальности, было открыто сообщением О. Славиной (Гамбургский университет) «Русско-немецкая арабеска: Интертекстуальность визуального у В. А. Жуковского». Акварель немецкого художника Герхардта фон Рейтерна 1831 г. была рассмотрена в докладе как в рамках романтического представления об арабеске, сформулированного Гёте и потому в обсуждаемый период широко известного, так и в соотношении с биографическими реалиями (дружеские и творческие связи с В. А. Жуковским) и актуальной для художника идеей романтического житнетворчества. Делая наброски фронтисписа для своего собрания сочинений, Жуковский создает эскиз, напоминающий композицию акварели Рейтерна. Так арабеска становится каналом трансляции интермедиальности в эпоху романтизма.

В докладе С. Д. Титаренко (СПбГУ) «Интертекстуальность vs. интермедиальность в поэтике символистов: Стратегии репрезентации» был рассмотрен особый тип внутритекстовых взаимосвязей в художественном произведении, основанный на взаимодействии кодов различных искусств. Образ в поэтике символистов – событие внутреннего опыта, а не просто «мимесис реальности»: его основой может послужить и интертекст (имя, цитата, реминисценция), и интермедиальный образ (картина или впечатление от нее, музыка или музыкальный мотив, памятник архитектуры). Докладчица обратилась к итальянским стихотворениям Блока, в которых экфрасисы объединяются с отсылками к поэтическим текстам Данте, Петрарки и Пушкина. Художественные коды литературы и других искусств, входя в символистский текст, оказываются в ситуации взаимообогащения, и в этом смысле интермедиальность поэтики символизма сопротивляется интерпретации с точки зрения постструктуралистской теории интертекстуальности.

Проблеме взаимодействия искусств у символистов было посвящено и выступление Н. Ю. Грякаловой (ИРЛИ РАН) «От экфрасиса к интертексту. Вокруг стихотворения Вяч. Иванова “Нарцисс. Помпейская бронза”». Стихотворение 1904 г. из сборника

«Прозрачность» представляет собой экфрастическое описание скульптуры из коллекции помпейской бронзы Национального археологического музея в Неаполе. Вопреки определенности заглавия экфразируемый образ выстраивается принципиально неоднозначно, представляя одновременно Нарцисса и Диониса, что находит источник в истории искусствоведческой рецепции артефакта. Бронзовая скульптура юноши, найденная в Помпеях в 1862 г. и приобретающая эпохальную известность как «Нарцисс», в ходе искусствоведческих дискуссий получила другую атрибуцию – «Дионис» и вошла в специальную литературу под обозначением «Дионис (так называемый Нарцисс)». Таким образом, созданный Ивановым оригинальный вариант экфрасиса был инспирирован в том числе и ситуацией атрибутивной неопределенности артефакта.

Завершившая заседание секции Л. Д. Бугаева (СПбГУ) обратилась к феномену аудиовизуальной метафоры. Интертекстуальные операции и механизм метафоризации были рассмотрены на примере романа Виктора Пелевина “S.N.U.F.F.” (2011), ориентированного, среди прочего, на «китайскую комнату» Дж. Серла и научно-фантастический роман канадского писателя Питера Уоттса “Blindsight” (2006). Аудиовизуальная метафора, по Бугаевой, предполагает когнитивный эксперимент, осуществляющийся в сознании читателя/зрителя и требующий проведения ментальных операций по распознаванию пространств в их концептуальном смешении в литературном или кинотексте.

Секцию «Интертекст в поэтическом тексте» открыл Е. М. Матвеев (ИЛИ РАН, СПбГУ). Сообщение «Интертекстуальность как риторическая доминанта: Стихотворение Георгия Иванова “Свободен путь под Фермопилами...”» содержало риторический анализ текста знаменитого ивановского центона. В стихотворении были выявлены различные способы включения чужого слова: ритмическая цитата, переключка риторических доминант (ивановский текст и блоковская «Незнакомка», его главный претекст, имеют общую риторическую доминанту – антитезу), цитата в узком смысле, аллюзии и реминисценции различных типов.

В докладе «Горацианский центон М. Н. Муравьева: Стихотворение “К Хемницеру”» Р. Л. Шмараков (НИУ ВШЭ, С.-Петербург) представил анализ рецепции горациевской поэзии в юношеском стихотворении М. Н. Муравьева. Начиная стихотворение 1776 года «К Хемницеру» интертекстуальной работой с одой Горация «К Помпею Гросфу», далее Муравьев сменяет модель, обращаясь уже к материалу вергилиевых «Георгик». Смена ориентира дает возможность корректировать один классический авторитет другим. Особо примечательно, что за пределами своего текста Муравьев оставляет появляющиеся и у Горация, и у Вергилия приамели – перечни альтернатив, кульминацией которых является выбор самого поэта. На уровне тематики же Муравьев отказывается от горацианской концепции жизни здесь и сейчас в пользу устремленности в будущее.

С. И. Монахов (СПбГУ) в докладе «“Осенняя воля” А. А. Блока: Еще раз к вопросу о подражательном потенциале ритмической структуры стихотворного текста» говорил о необходимости скорректировать подход к изучению проблемы семантического ореола размера. «Осенняя воля» Блока была выбрана для анализа как представитель традиции использования пятистопного хорея, с исследования которой начинал К. Ф. Тарановский. По мнению докладчика, уязвимость концепции Тарановского заключалась в том, что тот исключил из рассмотрения ритмику исследуемых текстов, в то время как подражательный потенциал стихотворной речи наиболее естественным образом должен реализовываться именно на этом уровне. Из множества текстов, характеризующихся общностью стихотворного размера, комплекса мотивов и синтаксических формул, докладчик предложил выделить подкорпус текстов, в которых эти совпадения носят не случайный, а ритмически обусловленный характер.

Ряд докладов был выполнен в жанре интертекстуального комментария, и два из них касались пушкинской эпохи. Е. В. Кардаш (ИРЛИ) в докладе «Стихотворение А. С. Пушкина “Из А. Шенье”»: Перевод как интертекстуальная проблема» обратилась к вольному переводу Пушкиным идиллии А.-М. де Шенье «*C'est, mont ennobl*

par cette nuit ardent...» («Эта, гора, облагороженная той пылающей ночью...») из однотомника 1819 года. Среди произведений, на которые предположительно мог ориентироваться Пушкин, были названы французские переводы «Метаморфоз» Овидия, «Приключения Телемака» Фенелона и либретто Ж.-Ф. Мармонтеля к опере Антуана Доверня «Умиравший Геркулес» (1761). Помимо этого, пушкинский текст обнаруживает образные и мотивные отсылки к другим произведениям Шенье из указанного сборника (идиллии «Слепец» и элегии XXXV «Hier, en te quittant, enivré de tes charmes...» – «Вчера, когда я шел, тобою упоенный...»), а также автореминисценции, указывающие на связь перевода «Из А. Шенье» с замыслом стихотворения «Не дай мне бог сойти с ума...». По замечанию докладчицы, ни одна из аллюзий в отдельности не может рассматриваться как безусловная; между тем, взятые вместе, они вступают во взаимодействие и подтверждают друг друга, образуя сложно устроенное интертекстуальное пространство.

В докладе А. А. Карпова (СПбГУ) «Интертекстуальное поле “классической повести” В. Ф. Одоевского “Жизнь и похождения одного из здешних обывателей в стеклянной банке, или Новый Жоко”» был выявлен ряд новых источников сборника «Пестрые сказки». Докладчик продемонстрировал, что, помимо прямо названных автором историй Эдипа и Энея, «Поэтического искусства» Буало и повести французского писателя Пужана «Жоко, анекдот, извлеченный из неизданных писем об инстинкте животных», Одоевским были использованы приемы, образы, ситуации сочинений Гофмана («Золотой горшок»), Свифта («Путешествие в Бробдингнег»), Вольтера («Микромегас»). Особенно значимой стала группа разножанровых претекстов, объединенных темой голода, – входящая в роман Метьюрина «Мельмот Скиталец» история двух влюбленных, чувство которых оказалось побеждено инстинктом самосохранения, эсхатологическое стихотворение Байрона «Тьма», описания естественнонаучных экспериментов над паукообразными, а также «Опыт о законе народонаселения» Мальтуса. Используя метафору «пауков в банке», Одоевский гротескно обнажает суть мальтузианских представлений о животной природе человека,

разрабатывая свой сюжет в духе «неистой словесности» с ее редуccionистским представлением о человеке и характерной поэтикой «ужасного» (Жюль Жанен и др.).

Сообщение Е. А. Филонова было посвящено проблеме топики в литературе постриторической эпохи. Предметом доклада стала романтическая формула/топос «морщины на челе», появляющаяся в составе портретной характеристики героя в русской поэзии и прозе первой трети XIX века. У поэтов элегической школы эта формула получает устойчивое значение: морщины – печать всеуносящего времени, след отрицательно оцениваемых утрат; в рамках «байронической» традиции формируется другой смысл: ранние морщины – признак «отмеченности», знак мистического опыта, возвышающего героя над остальными. В литературе постромантической эпохи формула продолжает функционировать, сохраняя и модифицируя эти значения. Смыслы, восходящие к жанровому мировоззрению унылой элегии, получают дополнительный обертон: морщины – символ напрасно растраченной жизни, утрата не оправдавшихся надежд юности (например, у С. Я. Надсона, И. З. Сурикова и др.). Значение, восходящее к байронической традиции, особым образом преломляется в портретных характеристиках «героя из народа», где морщины оказываются знаком специфического жизненного опыта, недоступного повествователю-интеллигенту и возвышающего этого героя – не над остальными (как у романтиков), но до остальных. Подобные примеры, по справедливому замечанию докладчика, обнаруживают актуальность топики как одной из форм интертекстуальных отношений в литературе Нового времени.

Е. Д. Толстая (Еврейский университет, Иерусалим) обратилась к генезису венецианского эпизода в романе Тургенева «Накануне». Тургенев воспроизводит стереотипы венецианского мифа, сложившегося в позднеромантическую эпоху: среди его претекстов – «Паломничество Чайльд-Гарольда» Байрона, «Консуэло» Жорж Санд и, возможно, «Камни Венеции» Джона Рескина. Однако мотивно и лексически ближайшим источником тургеневской Венеции (географически неожиданно) оказывается гоголевский «Рим».

Будучи недоволен засильем «натурализма», Тургенев мог таким образом переосмыслять художественные возможности поэтики романтизма.

В докладе Б. В. Аверина (СПбГУ) «Голоса европейских философов в “Войне и мире”» речь шла о сюжетной структуре романа о духовном становлении главных героев, их переходе от неверия к вере. Проанализировав сюжетные линии, связанные с главными героями (Пьером, Андреем, Наташей, княжной Марьей) и их духовным становлением, докладчик показал, как Толстой вводит в роман философские подтексты (от Франциска Ассизского и Фомы Кемпийского до Канта и Гегеля). В реплике на этот доклад М. Н. Виролайнен остроумно отметила, что в толстовской религиозной философии необычайно, на первый взгляд, позитивная идея единства оказывается реализуема только через небытие и смерть.

И. Э. Васильева (СПбГУ) в докладе «О крокодилах, барышнях и сумеречной действительности (к вопросу о границах интертекста)» на примере произведений Батюшкова, Лермонтова и Достоевского показала, как заимствованное из «Аталы» Шатобриана сравнение неизбежного разочарования с таящимся на дне водоема крокодилом варьируется в зависимости от контекста. Образ приобретает коннотации, обуславливающие возможность соотнесения с первоначально не входившими в его смысловое поле функционально-семантическим вариантами – с аллегорическим и фольклорно-смеховым образами крокодила. Формальный характер интертекстуальной отсылки был продемонстрирован на примере выражения «тургеневская девушка». В массовом и биографическом нарративе второй половины XX в. оно оказывается связанным не столько с женскими образами И. С. Тургенева, сколько с поведенческим стереотипом, утверждаемым дидактическим и идеологическим дискурсом. Тезис о столь позднем закреплении хрестоматийной формулы вызвал бурную дискуссию.

А. М. Грачева (ИРЛИ РАН) в докладе «Повесть А. М. Ремизова “Странница” (границы интертекстуального анализа)» продемонстрировала, что одно из наиболее герметических произведений писателя следует целому ряду до сих пор не отмеченных источ-

ников: Библии, древнерусским оригинальным и переводным апокрифическим памятникам (апокалипсисы, видения, хождения), житиям, посланиям и даже посвященным их описанию и исследованию трудам медиевистов XIX–XX вв. Интертекст в повести «Странница» осуществляет ряд функций. Прежде всего – в условиях большевистской цензуры он дает возможность адекватно выразить историософские взгляды писателя и его политическую позицию. Также активизируется огромный пласт эсхатологических претекстов, придающих истории хождения по мукам героини эмблематический характер.

М. В. Рождественская (СПбГУ) выступила с докладом «“Жена бела” и “Жена румяна” (об одном общем фрагменте в древнерусских апокрифических текстах)». Был рассмотрен сюжет, появляющийся в ряде апокрифов («Сказание о 12 пятницах», «Беседы трех святителей», «Сказание от евангельских чудес»), сохранившихся в списках XV–XVI вв. Таким образом, данные тексты не просто основываются на общем источнике; превращаясь в своего рода топос, образ двух жен находит свое отражение и в позднейшей литературе (примером здесь послужил «Разговор с Анакреоном» М. В. Ломоносова). Стоит отметить, что история топоса со сходным лексическим наполнением (*полная, белая, румяная*) в литературе Нового времени была прослежена в докладе Ф. Н. Двинятина.

Н. С. Демкова (СПбГУ) в докладе «Отражение одного из мотивов “Слова о полку Игореве” в романе Бориса Пастернака “Доктор Живаго”» предположила, что в рассказе о бегстве заглавного героя из лагеря партизан Пастернак переосмысляет мотив бегства князя Игоря из половецкого плена, акцентировав прежде всего любовную линию: среди прочего, обращаясь к рябине, напомнившей ему о Ларе, Юрий Живаго называет ее княгиней. Таким образом, как показывает Н. С. Демкова, Пастернак вступает в интертекстуальный диалог с «плачем Ярославны».

М. Я. Вайскопф (Еврейский университет, Иерусалим) представил фрагмент из готовящейся к печати книги о Бабеле. Докладчик говорил о сюжетных мистификациях, объединенных общим принципом скрытого нарушения пространственно-временных и

каузальных связей (здесь Бабель наследует Гоголю). Приведенный материал охватывает тему «посмертного существования» в рассказе «В подвале», монтаж взаимоудаленных географических и бытовых реалий в «Истории моей голубятни», параллельное время в «Конце богадельни» и всевозможные логические курьезы, иронически собранные писателем в новелле 1924 года «Ты проморгал, капитан!».

Роберт Ходель (Гамбургский университет) в докладе «Опосредованная интертекстуальность»? (А. Платонов и упрек в “каратаевщине”)» предложил способ верификации межтекстовых связей: интертексты могут выявляться (или же «вчитываться») такими литературными институтами, как публика и критика. Упреки Платонова в «каратаевщине» являются для Ходеля весомыми аргументами для поиска у писателя толстовского интертекста, несмотря на отсутствие прямых цитат. Впрочем, в теоретической преамбуле докладчик высказал сомнение в возможности полноценной верификации интертекстуальных связей, вспомнив в этой связи термин Витгенштейна «семейное сходство».

Ю. В. Доманский (РГГУ) в докладе «Эпическое событие в лирическом сюжете (рассказ Чехова “Тоска” и стихотворение Евгения Карасёва “Бессилье”») обратился к случаю, когда интертекстуальная связь устанавливается через границы литературных родов (лирика – эпос). Основанием для сопоставления текстов Чехова и Карасёва становится тождественная ситуация – в обоих случаях человек стремится рассказать сокровенное любому, кто готов слушать. Однако эпос и лирика в этом отношении проявляют себя различно: рассказ Чехова представляет внешнее происшествие, через которое возникает возможность показать заглавное состояние персонажа. Стихотворение Карасёва же делает событием саму рефлексия субъекта, оказавшегося в состоянии бессилия.

Сообщение А. И. Жеребина (РГПУ) было посвящено функциям русского интертекста в новелле Т. Манна «Тонио Крегер». Действительно, логично предположить, что за тезисом о «святой русской литературе» должен просматриваться и русский интертекстуальный фон. Докладчик указал на то, что сам образ русской классической

литературы формировался у Манна под влиянием русского романа (прежде всего – романов Мережковского), а история заглавного героя – опыт реализации теургической программы (русской по преимуществу). В обсуждении доклада Б. М. Гаспаров отметил, что слова о «святой русской литературе» могут быть парафразой гимна «святому немецкому искусству» в финале «Нюрнбергских мастерзингеров» Вагнера. Ю. В. Доманский также усомнился в наличии у этой новеллы Манна русских подтекстов. В теоретическом послесловии А. И. Жеребин, как и многие другие участники семинара, говорил о сомнительности перспектив теории интертекста: модернистская по духу, идея вечного соприсутствия текстов друг в друге сегодня воспринимается в ряду концепций «вечного возвращения» Ницше, палимпсеста человеческой психики Фрейда и «большого времени» Бахтина.

Б. М. Гаспаров (Колумбийский университет, Нью-Йорк; НИУ ВШЭ, С.-Петербург) в докладе «Потомство Ницше в XX веке: Роман Айн Рэнд “Источник” между социалистическим реализмом и маккартистской Америкой» выявил примечательные параллели между написанным в 1943 году романом Рэнд “The Fountainhead” и поэтикой соцреализма. В центре повествования – идеологический конфликт между героем-новатором, архитектором Говардом Рорком и историком искусства Элсвортом Тухи. Рорк проповедует крайний индивидуализм сильной личности в выражениях, почти дословно взятых из Ницше. Его антагонист, напротив, исповедует коллективизм и сострадание к ближнему, в котором угадывается наследие толстовства и Владимира Соловьева. Уехавшую из СССР в 20-летнем возрасте Алису Розенбаум вряд ли можно заподозрить в сочувствии к идеалам коллективизма. Однако делая своего героя бескомпромиссным фанатиком утопической идеи, она парадоксальным образом сообщает ему черты героев социалистического реализма. Таким образом, по Б. Гаспарову, роман Рэнд выявляет родство нищезанятия, в особенности в том популистском воплощении, какое оно получило у Горького («На дне») и в революционной идеологии начала века, с советским моральным и эстетическим каноном.

Конференцию завершил Г. А. Левинтон (Европейский университет, С.-Петербург) докладом «К истории и терминологии “интертекстуальных” исследований (1960-е – 1970-е годы)». На правах представителя классической «школы подтекстов» (К. Ф. Тарановский, О. Ронен, З. Г. Минц, Т. В. Цивьян, В. Н. Топоров, Р. Д. Тименчик, Е. А. Тоддес) докладчик рассмотрел – историографически и мемуарно – начальный период ее становления, контекст и терминологию. Справедливо отметив ложность и непродуктивность связи интертекстуальной проблематики исключительно с постструктуралистской и постмодернистской парадигмой, Г. А. Левинтон указал на ряд актуальных для Тарановского и его школы источников: устное мандельштамоведение и эмигрантская критика (П. М. Бицилли и др.), ОПОЯЗ, отчасти Бахтин. Новация Тарановского состояла в выведении проблемы цитирования из области генезиса в область семантической мотивации. Докладчик напомнил и о своем известном функциональном разграничении «цитаты» и «заимствования», которые также различаются именно влиянием на семантику цитирующего текста. Весьма ценна «мемуарная» ремарка: Левинтон заметил, что воспринимал занятия цитацией как нечто внеположное структурализму (и скорее продолжающее ОПОЯЗовскую традицию) – в то время как для Тарановского это было вполне структуралистским упражнением. В заключение докладчик в очередной раз призвал отказаться от самого понятия «интертекст» в пользу терминологии остзейской (острота М. Л. Гаспарова) «школы подтекстов» как более строгой и учитывающей направление цитации, а постструктуралистские интертекстуальные штудии сравнил с марровскими этимологиями, которые, по выражению В. Н. Топорова, плохи тем, что слишком легкие.

Позволив себе некоторое преувеличивающее обобщение, отметим, что все участники чтений явно или неявно опирались на одну (или несколько одновременно) из следующих теоретических программ: традиционную, восходящую к поэтической практике и теоретической рефлексии доромантической эпохи (поэтики и риторики, манифесты, полемики и разборы, автокомментарии и т. д.); академическую историко-литературную, вершина

которой – комментирование текстов XIX века, отдельные заметки об источниках и фронтальные сопоставления текстов этого времени; формалистскую и структуралистскую (работы В. В. Виноградова, В. М. Жирмунского, Б. В. Томашевского во многом объединяют этот и предыдущий подходы), представленную в школах К. Ф. Тарановского, В. Н. Топорова и др.; постструктуралистскую, восходящую к идеям Ролана Барта и Юлии Кристевой (методология Майкла Риффатерра и Жерара Женетта, в свою очередь, нейтрализует этот и предыдущий подходы). Что-то попадает в кругозор исследователя как «своя», разделяемая программа, что-то – как «чужая», отрицаемая, что-то может вообще не замечаться. Между тем именно и только одновременный и полный учет теоретической рефлексии в области межтекстовых взаимодействий может приблизить к пониманию всей сложности обсуждаемой исследовательской области, и спустя полвека не перестающей вызывать вопросы. Скажем, почему в утверждении неоригинальности, вторичности, традиционности вновь создаваемого текста сошлись предельно – в кавычках или без кавычек – левые Р. Барт и Ю. Кристева и – в кавычках или без кавычек – довольно правые Т. С. Элиот, Э. Р. Курциус, о. Павел Флоренский (в своих искусствоведческих работах, *mutatis mutandis* применимых и к словесным текстам)? Ясно, что их объединило отрицание романтического индивидуализма, культа неповторимости, личной гениальности – но как и почему?

По многим теоретическим вопросам участникам состоявшегося семинара не удалось выработать общей платформы. Но можно отважиться на предположение о возможном направлении дальнейшего поиска. Он состоит в сближении, условно говоря, «исторического» и «теоретического» подходов. Первый настаивает на дробности наблюдаемой нами «истории интертекстуальности»: межтекстовые отношения представляются совершенно различными применительно к разным эпохам, к разным жанрам и традициям, к творчеству разных авторов, к разным уровням и режимам текста. Второй ищет если не общих ответов, то хотя бы общих критериев. Перифразируя великого лингвиста, можно сказать, что выявлению

подлежат не столько «принципы», общие для всех случаев – их-то, возможно, и не существует – сколько «параметры» (общие для всех случаев вопросы, ответы на которые будут различными, но соотносимыми, результатами «по одной шкале»). Если теоретический подход будет способен учесть историческую дробность материала, а исторический допустит возможность выработки общих параметров описания, позиции могут быть существенно и плодотворно сближены.

По итогам прошедшего семинара планируется издание коллективной монографии, посвященной проблематике межтекстовых взаимодействий в теоретической и исторической перспективе.

БИБЛИОГРАФИЯ

КАФЕДРА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ТАЛЛИНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА: МАТЕРИАЛЫ К БИБЛИОГРАФИИ (1993–1997)¹

1993

27.0. БУЛГАКОВСКИЙ СБОРНИК. [ВЫП.] I: МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XX ВЕКА / СОСТ. И. БЕЛОБРОВЦЕВА, С. КУЛЬЮС. ТАЛЛИНН: ТАЛЛИННСКИЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ, 1993. 154 с.

- 27.1. [И. З. Белобровцева, С. К. Кульюс.] От составителей. С. 3–4.
- 27.2. С. Митюрёв, Р. Санжаровский. Достоевский и Булгаков: «Двойник» и «Дьяволиада». С. 5–15.
- 27.3. С. Доценко. Гелла – кто она? С. 16–21.
- 27.4. Л. В. Спроге. Передоновский кот и Бегемот из свиты Воланда. С. 22–29.
- 27.5. И. З. Белобровцева, С. К. Кульюс. «Мастер и Маргарита» М. Булгакова как «эзотерический» текст: «Масонский» слой романа. С. 30–39.
- 27.6. О. Г. Костанди. Архитектоника романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита». С. 40–47.
- 27.7. Ю. Гельперин. М. Булгаков и Честертон. С. 48–51.
- 27.8. А. Мейер. Музыка в романе «Мастер и Маргарита»: Заметки к теме. С. 52–56.
- 27.9. Е. Невоструева. «Аида» в «Мастере и Маргарите» (заметки к теме «Музыка в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита»). С. 57–61.

Публикации

- 27.10. В. И. Лосев. Предисловие. С. 65–69.
- 27.11. Михаил Булгаков. Блаженство. Подготовка текста В. Волкова. С. 70–119.
- 27.12. В. И. Лосев. Комментарии [и публикация черновой булгаковской рукописи перед основным текстом пьесы]. С. 120–147.

¹ Продолжение. Начало – в выпуске “Slavica Revalensia” за 2015 год.

1994

28.0. БУЛГАКОВСКИЙ СБОРНИК. [ВЫП.] II: МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XX ВЕКА / СОСТ. И. БЕЛОБРОВЦЕВА, С. КУЛЬЮС. ТАЛЛИНН: АЛЕКСАНДРА; АВЕНАРИУС, 1994.

- 28.1. [И. З. Белобровцева, С. К. Кульюс.] От составителей. С. 3.
- 28.2. Ю. Смирнов. Реминисценции мифа в «Мастере и Маргарите»: Источники, память жанра и пределы интерпретации. С. 5–19.
- 28.3. С. Кульюс, В. Хютт. О поэтике М. Булгакова: «Мастер и Маргарита» как «трансцендентальный» роман. С. 20–25.
- 28.4. И. Белобровцева, С. Кульюс. Автомодель творчества Михаила Булгакова: М. Булгаков – читатель Гофмана. С. 26–36.
- 28.5. О. Костанди. К проблеме западных источников романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита». С. 37–46.
- 28.6. И. Белобровцева. Мотив гомункулуса в творчестве Михаила Булгакова. С. 47–57.
- 28.7. Ф. Балонов. На перекрестке литератур: Михаил Булгаков и Руперт Хамерлинг. С. 58–69.
- 28.8. С. Кульюс, С. Туровская. Гастрономические артефакты в творчестве М. Булгакова: Постановка проблемы. С. 70–79.
- 28.9. С. Кульюс, С. Туровская. Поэтика à la carte (Роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита»). С. 80–95.
- 28.10. А. Рабинянц. М. А. Булгаков и пушкинисты. С. 96–102.
- 28.11. А. Грубин. О спектакле «Багровый остров» в Париже и о пьесе Михаила Булгакова. С. 103–113.
- 28.12. Б. Мягков. Последние дни Михаила Булгакова (фрагменты литературно-биографической хроники). С. 114–135.

Вокруг Булгакова

- 28.13. [И. З. Белобровцева, С. К. Кульюс.] [«Открытие нового раздела “Булгаковского сборника” продиктовано назревшей необходимостью расширить круг материалов, тем и аспектов изучения творчества писателя...»]. С. 139.
- 28.14. А. Орлинский. Против булгаковщины. С. 140–143.
- 28.15. [И. З. Белобровцева, С. К. Кульюс.] О статье П. Пильского «Ирония и фантастика». С. 144.

- 28.16. Петр Пильский. Ирония и фантастика. С. 145–148.
28.17. [И. З. Белобровцева, С. К. Кульюс.] О фельетоне В. Чернойрова «Сборная команда». С. 149–150.
28.18. В. Чернойров. Сборная команда. С. 151–153.

29.0 ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС И РАЗВИТИЕ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ:
МАТЕРИАЛЫ И ТЕЗИСЫ КОНФЕРЕНЦИИ 30. III–2. IV 1992 /
СОСТ. С. Н. ДОЦЕНКО. ТАЛЛИНН: ALEKSANDRA, 1994. 104 с.

- 29.1. С. Н. Доценко. Предисловие. С. 3–4.

I. Статьи

- 29.2. Э. Эгеберг. Русская поэзия и проза середины XIX в. С. 5–11.
29.3. Л. Аллен. Н. С. Гумилев и французская школа. С. 12–22.
29.4. С. К. Кульюс. «Жизнь человека» Л. Андреева глазами русских символистов – «неохристиан». С. 23–30.
29.5. И. З. Белобровцева. Стекланные дома Е. И. Замятина и С. М. Эйзенштейна: Тема гомункулуса в русской культуре 1920-х годов. С. 31–36.

II. Тезисы и заметки

- 29.6. О. Н. Скачкова. Пушкинское стихотворение «Шумит кустарник... на утес...» (К вопросу о датировке и источниках). С. 37–39.
29.7. Е. Дмитриева. Пушкиньянство начала XX века как одна из разновидностей мифа о золотом веке русской литературы. С. 40–42.
29.8. Д. Н. Крыстева. Литературный быт в России на рубеже XVIII–XI[X] вв. и коммуникация. С. 43–44.
29.9. М. В. Безродный. «Жезлом по лбу». С. 45–48.
29.10. С. Митюрёв, Р. Санжаровский. «Всечеловеческое» в творчестве Ф. М. Достоевского. С. 49–51.
29.11. С. В. Белов. Бунт Ивана Карамазова. С. 52.
29.12. И. И. Середенко. Этическое и идеологическое в произведениях Ф. М. Достоевского 1860 – начала 1870-х годов. С. 53–54.
29.13. Л. Вийдерфельд, А. Лехмускаллио. Значение эстонско-русских литературных связей в финно-угорской аудитории. С. 55–56.
29.14. В. [Н.] Невердинова. «Мещанин» как персонаж творчества А. П. Чехова. С. 57–62.

- 29.15. **Л. В. Спроге.** Творчество А. Белого: Топос лабиринта и сема круга. С. 63–64.
- 29.16. **С. Н. Доценко.** Русская Ленора: Литературный и фольклорные источники А. М. Ремизова. С. 65–68.
- 29.17. **А. Меймре.** Тема смерти в ранних сборниках А. Ахматовой. С. 69–75.
- 29.18. **Э. М. Свенцицкая.** Культурологическая роль мифа и времени в поэзии А. Ахматовой. С. 76–77.
- 29.19. **А. Губергриц.** Русские детские журналы и научно-популярная литература для детей в конце XIX – начале XX века. С. 78–79.
- 29.20. **А. Губергриц.** О репертуаре детских театров России в двадцатые годы. С. 80–81.
- 29.21. **С. Н. Доценко.** Встреча на вокзале (из комментария к «Кукхе» А. М. Ремизова). С. 82–85.
- 29.22. **В. Е. Багно.** Стихотворение Верлена «Le Bruit des Cabarets...» как архетип поэзии Ходасевича 1920-х годов. С. 86.
- 29.23. **С. Г. Шиндин.** Об одном мотиве в русской поэзии начала XX века. С. 87–92.
- 29.24. **С. Г. Исаков.** О позиции М. Горького во второй половине 1919 – первой половине 1920 г. С. 93–94.
- 29.25. **В. И. Хазан.** «Маяковский» подтекст в цикле «реквием» Мандельштама, посвященного А. Белому (к проблеме творческого диалога Мандельштама и Пастернака). С. 95–97.
- 29.26. **Н. В. Кононова.** Рецепция и интерпретация поэмы Д. С. Самойлова «Сон о Ганнибале». С. 98–100.

1996

- 30.0. БАЛТИЙСКИЙ АРХИВ: РУССКАЯ КУЛЬТУРА В ПРИБАЛТИКЕ / [РЕД. И. З. БЕЛОБРОВЦЕВА; ТЕХНИЧЕСКИЙ РЕД. О. Г. КОСТАНДИ]. Т. I. ТАЛЛИНН: АВЕНАРИУС, [1996]. 304 с.
- 30.1. [И. З. Белобровцева.] [«Альманах “Балтийский архив”, первый выпуск которого держит в руках читатель, – это попытка представить историю русской культуры трех стран Прибалтики – Латвии, Литвы, Эстонии – в исследованиях и документах...»]. С. 3–4.

Материалы к истории культуры

- 30.2. **Т. Шор.** Личные фонда русских деятелей в эстонских архивохранилищах. С. 7–25.
- 30.3. **С. Исаков.** Русская периодическая печать в Эстонии в XIX в. С. 26–56.
- 30.4. **М. Салупере.** К биографии «Императорского безумца». Т. Э. фон Бок (1787–1886) в романе Я. Кросса и новонайденных архивных материалах. С. 57–79.
- 30.5. **П. Лавринец.** Очерк П. В. Кукольника «Путешествие по Замковой улице в Вильне». С. 80–94.

Из истории общественных движений

- 30.6. Мартиролог. Представители русской интеллигенции Латвии, подвергшиеся репрессиям после установления советской власти. Сост. **Ю. Абызов, Б. Плюханов, Г. Тайлов.** С. 97–121.
- 30.7. Мартиролог. Перечень деятелей русской культуры в Эстонии, подвергшихся репрессиям после установления советской власти. Сост. и публикация **В. А. Бойкова.** С. 122–153.
- 30.8. **И. Белобровцева.** Русская эмиграция: Ось Тарту – Оксфорд – Харбин. С. 154–186.

Из истории литературной жизни

- 30.9. **Ю. Абызов.** Петр Пильский. Опыт столичной и провинциальной биографии. С. 189–201.
- 30.10. **А. Меймре.** П. М. Пильский в Эстонии: 1922–1927. С. 202–217.
- 30.11. П. Пильский. Первое декабря. [Перевод статьи П. М. Пильского “Esimene detsember” А. Меймре; комментарии **А. Меймре**]. С. 217–222.
- 30.12. П. Пильский. Валерий Брюсов о Ревеле. Русский дом – общий кров. Рецензия о публице. [Публикация и комментарии **А. Меймре**]. С. 223–230.
- 30.13. **Э. Б. Мекш.** Марина Цветаева в «Перезвонах». С. 231–236.
- 30.14. **Л. Спроге.** Беллетристика Т. Д. Клименко-Ратгауз на страницах газеты «Сегодня». С. 237–243.
- 30.15. Т. Клименко-Ратгауз. Человек с черной повязкой: Рассказ. [Публикация **Л. Спроге**]. С. 243–251.

- 30.16. **Г. М. Пономарева**. Б. Тагго-Новосадов в газете «Новое время» (1941–1944). С. 252–260.
- 30.17. Б. Н. [Б. Тагго-Новосадов]. Русские в Эстонии. Публикация **Г. Пономаревой**. С. 260–263.
- 30.18. **Ю. Абызов**. О Юрии Галиче. С. 264.
- 30.19. Н. Ю. Гончаренко. О моем отце. Публикация [и примечания] **Ю. Абызова**. С. 265–276.

Varia

- 30.20. [Генрих Дайбер]. Письмо репатрианта. Публикация, [вступительная статья и комментарии] **Ю. Абызова**. С. 279–285.
- 30.21. Именной указатель. С. 286–300.
- 30.22. Abstracts. С. 301–302.

1997

- 31.0. БАЛТИЙСКИЙ АРХИВ: РУССКАЯ КУЛЬТУРА В ПРИБАЛТИКЕ / [РЕД. И. З. БЕЛОБРОВЦЕВА; ТЕХНИЧЕСКИЙ РЕД. О. Г. КОСТАНДИ]. Т. II. ТАЛЛИНН: АВЕНАРИУС, 1997. 336 с.

Из истории общественных движений

- 31.1. Мартиролог. Перечень деятелей русской культуры в Эстонии, подвергшихся репрессиям после установления советской власти. Сост. и публикация **В. Бойкова**. С. 5–56.
- 31.2. Судьбы деятелей культуры, репрессированных советской властью. Предисловие и публикация **Ю. Абызова**. С. 57–79.
- 31.3. **Ю. Зинин**. Несколько замечаний к вопросу о предыстории заключения Тартуского мира. С. 80–92.

Материалы к истории культуры

- 31.4. **П. Лавринец**. Образ «Вильны стародавней». С. 95–113.
- 31.5. **С. Дауговиш**. Фотография и царь. С. 114–118.
- 31.6. **А. Меймре**. Пять сезонов Таллиннского русского театра глазами одного критика. С. 119–126.
- 31.7. **Т. Власова**. «Тень большой режиссерской руки...» (режиссер Р. Унгерн). С. 127–139.

- 31.8. **Ю. Абызов.** «Русское печатное слово в Латвии». [Исправления и дополнения к стэнфордскому изданию]. С. 140–144.

Из истории литературной жизни

- 31.9. **О. Костанди.** Литературные особенности сборника «Новь». С. 147–157.
- 31.10. **Л. Спроге.** А. М. Ремизов в Латвии: В. Дамбергс, В. Эглитс, В. Гусев, И. Павлов, В. Гадалин. С. 158–194.

Мемуары

- 31.11. **Ю. Абызов.** Былая Россия – Борис Александрович Энгельгардт. С. 197–199.
- 31.12. Т. Ридзинь. Б. А. Энгельгардт. Публикация **Ю. Абызова**. С. 199–201.
- 31.13. Б. Энгельгардт. Воспоминания камер-пажа. “Atminiet. Savu pirmo skolu”. 1. [Публикация **Ю. Абызова**]. С. 202–268.
- 31.14. С. Н. Сидяков. Летопись беженства. Публикация, [вступительная статья] **Ю. Сидякова**. С. 269–318.
- 31.15. Н. Сидяков. Думы у камина. Публикация **Ю. Сидякова**. С. 318–319.
- 31.16. Именной указатель. С. 320–332.
- 31.17. [Summaries]. С. 333–334.

32.0. БАЛТИЙСКИЙ АРХИВ: РУССКАЯ КУЛЬТУРА В ПРИБАЛТИКЕ / [РЕД. И. З. БЕЛОБРОВЦЕВА; ТЕХНИЧЕСКИЙ РЕД. О. Г. КОСТАНДИ. Т. III. ТАЛЛИНН: АВЕНАРИУС, 1997. 320 с.

К истории общественных движений

- 32.1. **С. Исаков.** П. А. Богданов и дело эстонской группы Русской трудовой крестьянской партии. С. 5–21.
- 32.2. **А. Вейсс-Вендт.** Кому принадлежит Нарва? К вопросу о территориально-административной принадлежности города 1858–1917 гг. С. 22–46.

Материалы к истории культуры

- 32.3. **Н. С. Андреева.** Прибалтийские немцы и Петербургский университет в первой половине 19 века. С. 49–57.

- 32.4. **Ю. Абызов.** Борис Вильде. Рижский эпилог. С. 58–59.
32.5. **Б. В. Плюханов.** Борис Владимирович Вильде (8/21. 07. 1908 – 23. 02. 1942). Письма к матери. Публикация **Ю. [И.] Абызова.** С. 59–109.
32.6. **Шор Т.** Воспоминания бывшего эстляндского губернатора. С. 110–117.
32.7. **Шор Т.** Архив Ю. М. Лотмана и З. Г. Минц. С. 118.

Из истории литературной жизни

- 32.8. **Ю. Абызов.** Ю. И. Галич (Гончаренко) (1877–1940). [Дополнение к публикации 30.18: републикация двух писем Ю. И. Галича по книге И. Д. Шевеленко «Материалы о русской эмиграции 1920-х – 1930-х гг. в собрании баронессы М. Д. Врангель»]. С. 121–125.
32.9. Петр Пильский. День с Ив. Серг. Шмелевым под Ригой. [Публикация **Ю. Абызова**]. С. 126–133.
32.10. **Л. Спроге.** Игорь Северянин в альбомах Татьяны Ратгауз. С. 134–140.

Мемуары

- 32.11. Б. Энгельгардт. Воспоминания камер-пажа. [2. Публикация **Ю. Абызова**]. С. 143–256.
32.12. Н. В. Синайская. Круг жизни. Воспоминания о профессоре В. И. Синайском <...>. С. 257–304.
32.13. Именной указатель. С. 305–316.
32.14. Summaries. С. 317–318.

33.0. И. БЕЛОБРОВЦЕВА. РОМАН МИХАИЛА БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА»: КОНСТРУКТИВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ОРГАНИЗАЦИИ ТЕКСТА. ТАРТУ: TARTU ÜLIKOOLI KIRJASTUS, 1997. 168 С. (DISSERTATIONES PHILOLOGIAE SLAVICAE UNIVERSITATIS TARTUENSIS. [VOL.] 4).

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абызов Ю. 30.6., 30.9., 30.18., 30.19., 30.20., 31.2., 31.8., 31.11., 31.12., 31.13., 32.4., 32.5., 32.8., 32.9., 32.11.
Аллен Л. 29.3.
Андреева Н. 32.3.
Багно В. 29.22.
Балонов Ф. 28.7.
Безродный М. 29.9.
Белобровцева И. 27.0. (ред.), 27.1., 27.5., 28.0. (ред.), 28.1., 28.4., 28.6., 28.13., 28.15., 28.17., 29.5., 30.0. (ред.), 30.1., 30.8., 31.0. (ред.), 32.0. (ред.), 33.0.
Белов С. 29.11.
Бойков В. 30.7., 31.1.
Вейсс-Вендт А. 32.2.
Вийдерфельд Л. 29.13.
Власова Т. 31.7.
Волков В. 27.11.
Гельперин Ю. 27.7.
Грубин А. 28.11.
Губергриц А. 29.19., 29.20.
Дауговиш С. 31.5.
Дмитриева Е. 29.7.
Доценко С. 27.3., 29.0. (ред.), 29.1., 29.16., 29.21.
Зинин Ю. 31.3.
Исаков С. 29.24., 30.3., 32.1.
Кононова Н. 29.26.
Костанди О. 27.6., 28.5., 31.9.
Крыстева Д. 29.8.
Кульюс С. 27.0. (ред.), 27.1., 27.5., 28.0. (ред.), 28.1., 28.3., 28.4., 28.8., 28.9., 28.13., 28.15., 28.17., 29.4.
Лавриниц П. 30.5., 31.4.
Лехмускаллио А. 29.13.
Лосев В. 27.10., 27.12.
Мейер А. 27.8.
Меймре А. 29.17., 30.10., 30.11., 30.12., 31.6.
Мекш Э. 30.13.
Митюрёв С. 27.2., 29.10.
Мягков Б. 28.12.
Невердинова В. 29.14.
Невоструева Е. 27.9.
Плюханов Б. 30.6., 32.5.
Пономарева Г. 30.16., 30.17.
Рабинянц А. 28.10.
Салупере М. 30.4.
Санжаровский Р. 27.2., 29.10.
Свенцицкая Э. 29.18.
Середенко И. 29.12.
Сидяков Ю. 31.14., 31.15.
Скачкова О. 29.6.
Смирнов Ю. 28.2.
Спроге Л. 27.4., 29.15., 30.14., 30.15., 31.10., 32.10.
Тайлов Г. 30.6.
Туровская С. 28.8., 28.9.
Хазан В. 29.25.
Хютт В. 28.3.
Шиндин С. 29.23.
Шор Т. 30.2., 32.6., 32.7.
Эгеберг Э. 29.2.

ABSTRACTS

Alexei Balakin

WHY AND WHEN DID PUSHKIN LEAVE MARGINALIA ON HIS COPY OF KONSTANTIN BATYUSHKOV'S *OPYTY V STIKHAKH I PROZE*?

The present article is aimed at explaining the pragmatics of Alexander Pushkin's marginalia on the second volume of *Opyty v stikhakh i proze* (1817) by Konstantin Batyushkov. Alexei Balakin's hypothesizes that it is likely Pushkin's remarks were those of a person engaged in preparing *Opyty* for republication. It is possible that the idea of republishing Batyushkov's book came from Sergey Uvarov, an influential dignitary, who—in order to complete the project—employed an experienced publisher and his protégé Peter Pletnyov. Pletnyov, in turn, asked Pushkin to evaluate the first edition, make deletions, corrections, etc., yet rejected Pushkin's suggestions at the final stage of the project.

KEYWORDS: 19th-Century Russian Literature, Alexander Pushkin (1799—1837), Konstantin Batyushkov (1787—1855), Textual Criticism, History of Literature.

Fyodor Dvinyatin

MUSK AND CAMPHOR. PUSHKIN'S POEM "OT MENIA VECHOR LEILA...": THE STRUCTURE OF THE TEXT AND POETIC TRADITION

The article analyzes the structure of one of Alexander Pushkin's last poems—"Ot menia vechor Leila..." (1835—36): from the level of phonetics to the levels of grammar and lexis. After completing the formal analysis, Fyodor Dvinyatin moves on to the poem's semantics: he singles out the opposition *musk* vs. *camphor*, and focuses on the description of its function in Pushkin's poem and in poetic tradition.

KEYWORDS: 19th-Century Russian Literature, Alexander Pushkin (1799—1837), Poetics, History of Literature.

Pavel Uspensky

NEKRASOV AND BARATYNSKY: NOTES ON NEKRASOV'S REVIEW
OF THE *DAMSKII AL'BOM* ANTHOLOGY, NEW VISION ON MARRIAGE,
AND TWO LOVE POEMS

The focus of this article is Nikolai Nekrasov's attempt to revive the legacy of Yevgeny Baratynsky, whose poetry—mainly due to Vissarion Belinsky's criticism—was not as highly esteemed in Nekrasov's lifetime as after Baratynsky's "rediscovery" in the early 20th century. It also shows that Baratynsky's elegies could influence Nekrasov's poem "Kogda iz mraka zabluzhden'ia..." (1845), and offer an explanation of the reason why Nekrasov favored Baratynsky's poem "Priznanie" (1823, 1832—33).

KEYWORDS: 19th-Century Russian Literature, Yevgeny Baratynsky (1800—1844), Vissarion Belinsky (1811—1848), Nikolai Nekrasov (1821—1877 / 1878), Influence, History of Literature.

Yulia Krasnosel'skaia

THE IDEA OF RENT IN LEO TOLSTOY'S SOCIAL ENTERPRISES OF 1857

In her article, Yulia Krasnosel'skaia demonstrates the correlation between Leo Tolstoy's moral stance and his economic initiatives of 1857—such as Tolstoy's plan to rent Nikolai Nekrasov's *Sovremennik*, and his afforestation project, which was governed by the same idea. She emphasizes the fact that the idea of rent in these enterprises was prompted by Tolstoy's practice as a landlord in 1856—58, thus placing Tolstoy's idea of rent into a broader context.

KEYWORDS: 19th-Century Russian Literature, Leo Tolstoy (1828—1910), Biography, Social History of Imperial Russia.

Sergei Dotsenko

A LIKELY SOURCE OF REMIZOV'S FAIRY TALE "SULTANSKII FINIK"

This article attempts to determine a likely source of Alexei Remizov's fairy tale "Sultanskii finik" (1909). Sergei Dotsenko suggests that the list of possible sources of this erotic story includes Pushkin's poem "Krasavitse, kotoraiia niukhala

tabak,” and several of Gogol’s prose texts. He also argues that these allusions served the purpose of making erotic plots less scandalous for the readership of Remizov’s time.

KEYWORDS: 20th-Century Russian Literature, Alexei Remizov (1877—1957), Erotic Fiction, History of Literature.

Larissa Naiditch

THE NOTION OF *PHONEME* IN MANDEL’SHTAM’S “O PRIRODE SLOVA”

The article aims to establish the possible source of Osip Mandel’shtam’s understanding of the notion of *phoneme* as reflected in his article “O prirode slova” (1921—22). Larissa Naiditch suggests that this source should be sought in the lectures by Jan Baudouin de Courtenay, one of the precursors of structuralism. It is known that during his studies at St. Petersburg University, Mandel’shtam attended Baudouin de Courtenay’s classes, thus it is likely that Mandel’shtam could reshape his professor’s ideas.

KEYWORDS: 20th-century Russian Literature, Osip Mandel’shtam (1891—1938), Jan Baudouin de Courtenay (1845—1929), Phonology, History of Philology.

Gabriel Superfin

BARCLAY OR KUTUZOV

This article points to a likely subtext of one of the passages in Joseph Stalin’s article “Otvét tovarishchu Razinu” (1947)—a private letter from Nikolai Bukharin to Stalin dated December 10th, 1937. It is possible that the doomed Bukharin’s letter, in which he compared himself to Michael Andreas Barclay de Tolly, infuriated Stalin to such an extent that he alluded to this text in his article written almost ten years after Bukharin’s execution, and published “Otvét tovarishchu Razinu” on the tenth anniversary of Bukharin’s arrest.

KEYWORDS: 20th-Century Russian History, Joseph Stalin (1879—1953), Nikolai Bukharin (1888—1938), Subtext, History of Political Terror.

Marina Salman

IULIAN OKSMAN'S LIFE STORY: IN LIGHT OF SOME ARCHIVAL FINDINGS

This article aims at describing, in detail, the life story of Iulian Oksman, the renowned expert of Russian 19th-century literature, from his birth in 1895 to his student years in Germany (1912—1913) and St. Petersburg University (1913—1917). The study is largely based on findings from the Central State Historical Archive in St. Petersburg. The documents introduced in the article verify Oksman's exact birthdate (January 5th, 1895, O. S.), and specify some details of his university studies. They also establish as April 29th, 1916 (O. S.), the previously unspecified date in the biography of Oksman's fellow student, Osip Mandel'shtam: on that day, Oksman passed, and Mandel'shtam failed, the exam in professor Grigory Tsereteli's course on Ancient Greek Literature.

KEYWORDS: Russian Philology, Osip Mandel'shtam (1891—1938), Iulian Oksman (1895—1970), Biography, Social History of Imperial Russia.

Evgenia Khazdan

**THE ZUBOV INSTITUTE: (POST)FOLKLORE
OF THE TIME OF TROUBLES**

The article describes the lore of the Russian Institute of Art History (Zubov Institute) in the period from July 2013 to April 2014, i. e. in the beginning of a series of highly unpopular measures imposed on this institution by the Ministry of Culture. It introduces some texts mocking the new director and her aides, and tells the story of how the Russian Institute of Art History functioned during the transitional period.

KEYWORDS: Oral History, The Russian Institute of Art History (Zubov Institute).

Daria Dorving, Yelena Zemskova, Maria Posledova, Anna Rubtsova

**ANTROPOLOGIIA KUL'TURY. VYP. 5: K 85-LETIIU AKADEMIKA RAN
VIACH. VS. IVANOVA. A REVIEW ARTICLE**

This review summarizes 18 articles published on the occasion of Vyacheslav Vsevolodovich Ivanov's 85th birthday. The articles' scope varies from cultural

anthropology to structuralist poetics, and the legacy of the Russian literary and scholarly avant-garde.

KEYWORDS: Arts and Humanities, Periodicals, Vyach. Vs. Ivanov (b. 1930), Review.

Fyodor Dvinyatin, Semyon Leonenko

INTERTEXTUAL ANALYSIS: PRINCIPLES AND LIMITS. CONFERENCE
OVERVIEW (ST. PETERSBURG STATE UNIVERSITY, APRIL 21—22, 2016)

This overview is a detailed description of 29 scholarly papers presented at the conference on intertextual analysis at the St. Petersburg State University.

KEYWORDS: Literary Theory, Intertextuality, St. Petersburg State University, Conference Overview.

KOKKUVÕTTED

Aleksei Balakin

VEEL KORD PUŠKINI MÄRKUSTEST KONSTANTIN BATJUŠKOV
RAAMATU «ОПЫТЫ В СТИХАХ И ПРОЗЕ» TEISES OSAS:
PRAGMAATIKA JA DATEERING

Artikli eesmärk on uurida Aleksandr Puškini ääremärkuste pragmaatikat Konstantin Batjuškovi raamatu «Опыты в стихах и прозе» (1817) teises osas. Aleksei Balakini meelest on võimalik väita, et märkused tegi Puškin kui toimetaja seoses teose taasavaldamise plaaniga. Eeldatavalt pärines mõte Batjuškovi teos taas avaldada mõjukalt riigitegelaselt Sergei Uvarovilt. Uvarov palus plaani elluviimiseks abi oma protežeelt, kogenud kirjastajalt Pjotr Pletnjovilt. Pletnjov omakorda pöördus Puškini poole, et too «Опыты ...» esimese trüki üle vaataks, seda lühendaks ja korrigeeriks. Lõpuks Puškini redaktsioonist siiski loobuti.

VÕTMESÕNAD: 19. saj vene kirjandus, Konstantin Batjuškov (1787–1855), Aleksandr Puškin (1799–1837), tekstoloogia, kirjanduslugu.

Fjodor Dvinjatin

MUSKUS JA KAMPER. PUŠKINI LUULETUS «ОТ МЕНЯ ВЕЧОР ЛЕИЛА»:
TEKSTI STRUKTUUR JA LUULETRADITSIOON

Artiklis analüüsitakse Aleksandr Puškini ühe viimase luuleteksti «От меня вечор Леила» (1835–1836) ülesehitust foneetikast sõnavara ja grammatikani. Pärast luuleteksti vormianalüüsi arutleb Fjodor Dvinjatin ka teksti semantika üle, keskendudes vastandusele muskus vs. kamper, ning analüüsides selle rolli Puškini luuletekstis ja luuletraditsioonis laiemalt.

VÕTMESÕNAD: 19. saj vene kirjandus, Aleksandr Puškin (1799–1837), poeetika, kirjanduslugu.

Pavel Uspenski

NEKRASSOV JA BARATÕNSKI: NEKRASSOVI RETSENSIOONIST
ANTOLOOGIALE «ДАМСКИЙ АЛЬБОМ», UUTEST VAADETEST ABIELULE
JA KAHEST ARMASTUSLUULETUSEST

Artikkel keskendub Nikolai Nekrassovi katsele taaselustada Jevgeni Baratõnski pärandit. Vissarion Belinski kriitika tõttu ei pidanud Nekrassovi-aegne lugeja Baratõnskit sama tugevaks poeediks kui pärast Baratõnski „avastamist“ 20. sajandi algul. Ühtlasi näitab artikkel, et Baratõnski elegiad võisid mõjutada Nekrassovi luuletust «Когда из мрака заблужденья ...» (1845), ja selgitab, miks Nekrassovile meeldis Baratõnski «Признание» (1823, 1832–1833).

VÕTMESÕNAD: 19. saj vene kirjandus, Jevgeni Baratõnski (1800–1844), Vissarion Belinski (1811–1848), Nikolai Nekrassov (1821–1877/1878), mõju, kirjanduslugu.

Julia Krasnoselskaja

RENDI IDEE LEV TOLSTOI ÜHISKONDLIKES ALGATUSTES 1857. AASTAL

Artikli eesmärgiks on näidata seoseid Lev Tolstoi moraalsete hoiakute ja majanduslike algatuste vahel 1857. aastal. Nende algatuste hulka kuulus plaan rentida Nikolai Nekrassovilt ajakiri Современник ja samuti rendi ideega seotud metsa-istutusprojekt. Julia Krasnoselskaja rõhutab, et rendipõhimõtted neis algatustes olid seotud Tolstoi mõisnikutegevusega aastatel 1856–1858, asetades nii Tolstoi rendikontseptsiooni laiemasse konteksti.

VÕTMESÕNAD: 19. saj vene kirjandus, Lev Tolstoi (1828–1910), elulugu, Vene keisririigi ajalugu.

Sergei Dotsenko

REMIZOVI MUINASJUTU «СУЛТАНСКИЙ ФИНИК» VÕIMALIKUST ALLIKAST

Uurimus on katse määratleda Aleksei Remizovi muinasjutu «Султанский финик» (1909) allikat. Sergei Dotsenko väitel kuulub selle erootilise jutu allikate hulka Puškini luuletus «Красавице, которая нюхала табак» ja mõned Gogoli proosateksid.

VÕTMESÕNAD: 20. saj vene kirjandus, Aleksei Remizov (1877–1957), erootiline kirjandus, kirjanduslugu.

Larissa Naiditš

FONEEMI MÕISTE MANDELŠTAMI LOOMINGUS:

ARTIKLI «О ПРИРОДЕ СЛОВА» КОММЕНТААРИDEST

Artikli analüüsimaterjaliks on Ossip Mandelštami artikkel «О природе слова» (1921–1922) ning eesmärk on tuvastada Mandelštami foneemi-käsituse võimalikku allikat. Larissa Naiditši väitel võisid selleks allikaks olla strukturalismi ühe eelkäija Jan Baudouin de Courtenay loengud. Peterburi ülikoolis õppides käis Mandelštam ka Baudouin de Courtenay loengutel, mistõttu võib oletada, et tema foneemi-käsitlus on Baudouin de Courtenay materjali ümbermõtestamine poeetilisel kujul.

VÕTMESÕNAD: 20. saj vene kirjandus, Ossip Mandelštam (1891–1938), Jan Baudouin de Courtenay (1845–1929), fonoloogia, filoloogia ajalugu.

Gabriel Superfin

BARCLAY VÕI KUTUZOV

Artiklis tuuakse välja Jossif Stalini 1947. aasta artikli «Ответ товарищу Разину» ühe osa alltekst – diktaatorile adresseritud Nikolai Buhharini kiri 1937. aasta detsembrist. On võimalik, et see kiri, mille surmaotsust ootav Stalini oponent kirjutas ja milles ta võrdles end Michael Andreas Barclay de Tollyga, ajas Stalini niivõrd raevu, et veel kümne aastat pärast Buhharini mahalaskmistki on Stalin oma artiklis jätkanud poleemikat Buhhariniga. Tõenäoliselt pole juhuslik seegi, et «Ответ товарищу Разину» ilmus Buhharini vangistamise kümnenda aastapäeva ajal.

VÕTMESÕNAD: 20. saj vene ajalugu, Jossif Stalin (1879–1953), Nikolai Buhharin (1888–1938), alltekst, poliitilise terrori ajalugu.

Marina Salman

JULIAN OKSMANI BIOGRAAFIAST (PETERBURI RIIKLIKU

AJALOO KESKARHIIVI MATERJALIDE PÕHJAL)

Artikli eesmärk on põhjalikult käsitleda silmapaistva vene 19. sajandi kirjanduse uurija Julian Oksmani (1895–1970) elu varasemat perioodi: tema sünnist 1895. aastal kuni ülikoolipõlveni Saksamaal (1912–1913) ja Peterburis (1913–1917).

Uurimismaterjaliks on Peterburi Riiklikust Ajaloo Keskarchiivist leitud säilikud, mille hulgas on Julian Oksmani täpset sünniaega tõendav dokument (5. jaanuar 1895 vana kalendri järgi) ja dokumendid, mis jutustavad tema õpinguaastate seni teadmata faktidest. Dokumentidest ilmneb ka üks varem teadmata daatum Ossip Mandelštami biograafias: 29. aprillil 1916 ei suutnud Mandelštam läbida professor Grigori Tsereteli vanakreeka kirjanduse eksamit (mille Oksman samal päeval edukalt sooritas).

VÕTMESÕNAD: vene filoloogia, Ossip Mandelštam (1891–1938), Julian Oksman (1895–1970), elulugu, Vene keisririigi ajalugu.

Jevgenia Hazdan

ZUBOVI INSTITUUT: ÜLEMINEKUAJA (POST)FOLKLOOR

Artikkel käsitleb mõningaid Vene Kunstiajaloo Instituudi (Zubovi instituudi) suulisi tekste, mis tekkisid asutuse struktuurireformi algfaasis ajavahemikus 2013. aasta juulist kuni 2014. aasta aprillini.

VÕTMESÕNAD: suuline ajalugu, Vene Kunstiajaloo Instituut (Zubovi instituut).

Darja Dorving, Jelena Zemskova, Maria Posledova, Anna Rubtsova

АНТРОПОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ. ВЫП. 5: К 85-ЛЕТИЮ АКАДЕМИКА РАН ВЯЧЕСЛАВА ВСЕВОЛОДОВИЧА ИВАНОВА. RETSENSIOON

Retsensioon analüüsib 18 artiklit, mis ilmusid Vjatšeslav Ivanovi 85. sünnipäevale pühendatud väljaande «Антропология культуры» erinumbris. Artiklite teemad varieeruvad kultuuriantropoloogiast struktuuralse poetikani ning vene kirjandusliku ja teadusliku avangardi pärandini.

VÕTMESÕNAD: *humaniora*, jätkväljaanne, Vjatšeslav Ivanov (snd 1930), retsensioon.

Fjodor Dvinjatin, Semjon Leonenko

INTERTEKSTUAALNE ANALÜÜS: PÕHIMÕTTED JA MÄÄRAD.
KONVERENTSI ÜLEVAADE (PETERBURI RIIKLIK ÜLIKOOL,
21.–22. APRILL 2016)

Ülevaade sisaldab Peterburi Riiklikus Ülikoolis peetud intertekstuaalse analüüsi teemalise teaduskonverentsi 29 ettekande resümeesid.

VÕTMESÕNAD: kirjandusteooria, intertekstuaalsus, konverentsi ülevaade.

АВТОРЫ ЭТОГО ВЫПУСКА

Алексей Юрьевич Балакин – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, ученый секретарь Пушкинской комиссии РАН. Закончил русское отделение Филологического факультета СПбГУ. В 2003 году защитил кандидатскую диссертацию «Творчество И. А. Гончарова: Текстологические проблемы». Сфера научных интересов: история русской литературы XIX в., текстология.

E-mail: balakin@inbox.ru

Фёдор Никитич Двинятин – кандидат филологических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета. В 1996 году защитил диссертацию «Лингвопоэтический анализ Торжественных слов св. Кирилла Туровского». Научные интересы: история русского языка и древнерусская литература, поэтика (звуковой, грамматический и лексический уровни текста, нарратив, интертекстуальность), история русской литературы, семиотика, история филологии.

E-mail: f.dvinyatin@spbu.ru

Дарья Владимировна Дорвинг – докторант Таллинского университета. В 2015 году защитила магистерскую диссертацию на тему «Образ В. В. Маяковского в рецепции С. Д. Кржижановского». Научные интересы: история русской литературы XX в., литература советского времени.

E-mail: dorvieng@gmail.com

Сергей Николаевич Доценко – доктор философии (PhD), доцент Таллинского университета. Закончил отделение русской филологии Тартуского университета (1981), докторантуру в Таллинском университете (1995–1999). Докторская диссертация: «Проблемы поэтики А. М. Ремизова: Автобиографизм как конструктивный принцип творчества» (2000). Автор более 100 научных статей (в том числе о творчестве Н. С. Лескова, А. М. Ремизова, Вяч. И. Иванова, В. Я. Брюсова, А. А. Блока, Б. Л. Пастернака, О. Э. Мандельштама, М. И. Цветаевой, М. А. Булгакова, Вене-

дикта Ерофеева, Сергея Довлатова и др.). Сфера научных интересов: история и поэтика русского символизма, поэтика русского модернизма XX в., русская литература и фольклор.

E-mail: dotsenkosergei@hotmail.com

Елена Николаевна Земскова – магистр педагогических наук, докторант Таллинского университета (направление «Исследования культуры»). В 2013 году защитила магистерскую работу по теме «Цыганская тема в творчестве Марины Цветаевой». Научные интересы – история русской литературы XX в., литература и критика русской эмиграции.

E-mail: jelena.zemskova@tlu.ee

Юлия Игоревна Красносельская – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. В 2008 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему «Символика природы в творчестве Л. Н. Толстого 1850–60-х гг. в контексте литературных и общественно-политических полемик эпохи». Сфера научных интересов – творчество Л. Н. Толстого, русская литература в контексте Великих реформ, круг журнала «Современник».

E-mail: ji_kras@bk.ru

Семён Олегович Леоненко – аспирант Университета Калифорнии, Беркли. Выпускник Санкт-Петербургского государственного университета (2011 – бакалавриат, 2013 – магистратура). Сфера научных интересов: В. Набоков-Сирин, русский формализм, лингвистика и поэтика.

E-mail: leonenko.s@gmail.com

Лариса Эриковна Найдич – профессор эмеритус кафедры общего языкознания Еврейского Университета в Иерусалиме. Родилась в Ленинграде, в 1970 году закончила немецкое отделение филологического факультета ЛГУ. Кандидат филологических наук (диссертация по одной из проблем исторической фонологии немецких диалектов). В сфере ее научных интересов – проблемы германистики, в частности, история немецкого языка и

немецкая диалектология, общее языкознание, фольклор и теория перевода. Автор-составитель двухтомного издания, посвященного творчеству Пауля Целана, редактор и комментатор нового издания «Немецкой диалектологии» В. М. Жирмунского на немецком языке (Peter Lang, 2010). В числе ее публикаций – ряд статей и монография по диалектам российских немцев; книга «След на песке. Очерки о русском языковом узусе» (С.-Петербургский государственный университет, 1995; 2-е изд., 2011); написанная в соавторстве с Анной Павловой книга «Трубочист или лорд? Теория и практика немецко-русского и русско-немецкого перевода» (СПб.: Златоуст, 2015); сборник статей »,Und Faustens Silhouette in der Ferne“. Beiträge zu Poetik und Linguistik: Deutsch-Russisch« (Peter Lang, 2012).

E-mail: larissa.naiditch@mail.huji.ac.il

Мария Алексеевна Последова – докторант Таллинского университета, преподаватель польского языка. В 2014 году окончила магистратуру по специальности «Славянские языки и культуры»; тема магистерской работы – «Порабощенный разум» Чеслава Милоша и его рецепция». Научные интересы: жизнь и творчество Чеслава Милоша и Витольда Гомбровича, литературная рецепция, биографика.

E-mail: mariposa@tlu.ee

Анна Алексеевна Рубцова – доктор философии (PhD), лектор Академии внутренних дел Эстонии. Училась в Таллинском университете; в 2012 году получила степень магистра по специальности «Славянские языки и культуры»; тема магистерской работы – «Стихосложение Вл. Ходасевича: 1905–1927». В 2016 году получила степень доктора философии; тема диссертации – «Стихосложение Владислава Ходасевича». Научные интересы: стиховедение, точное литературоведение, поэзия русской эмиграции, В. Ф. Ходасевич.

E-mail: anna.rubtsova@gmail.com

Марина Григорьевна Сальман – родилась в Ленинграде, преподает французский язык, публикуется с 1999 года (переводы с французского в издательствах «Академический проект» и «Амфора», рецензии в журналах «Нева» и «Прочтение»). Статьи об О. Э. Мандельштаме печатались

в журналах “Russian Literature”, «Русская литература», «Вопросы литературы», в русско-итальянском журнале «Avtobiografija», в сборнике «Миры Осипа Мандельштама. IV Мандельштамовские чтения» (2009). Автор сборника рассказов «Рыба-Кит» (2012).

E-mail: fontonro@yandex.ru

Габриэль Гаврилович Суперфин (р. 1943, Кез, Удмуртия) – независимый исследователь (Бремен, Германия).

E-mail: superfin@yandex.ru

Павел Фёдорович Успенский – кандидат филологических наук, доктор философии (PhD), преподаватель Школы филологии Национального исследовательского университета Высшая школы экономики. Автор книги «Творчество В. Ф. Ходасевича и русская литературная традиция (1900-е гг. – 1917 г.)» (2014) и ряда статей по истории и поэтике русской литературы. Область научных интересов: история русской литературы, поэтика, поэзия В. Ф. Ходасевича, Б. К. Лившица, Н. А. Некрасова, Е. А. Боратынского.

E-mail: paveluspenskij@gmail.com

Евгения Владимировна Хаздан – кандидат искусствоведения, этно-музыколог, музыкальный критик. Независимый исследователь. Закончила Санкт-Петербургскую консерваторию (по классу композиции) и аспирантуру Российского института истории искусств (в секторе инструментоведения). Защитила кандидатскую диссертацию «Нигун как явление традиционной еврейской музыкальной культуры» (2008 г., Московская государственная консерватория). Член Союза композиторов Санкт-Петербурга. Сфера научных интересов: традиционная музыкальная культура восточноевропейских евреев, история еврейской музыкальной фольклористики в СССР, еврейская тематика в творчестве русских и советских композиторов.

E-mail: kle-zelmer@mail.ru

АВТОРАМ БУДУЩИХ ВЫПУСКОВ

“Slavica Revalensia” печатает ранее не публиковавшиеся исследования и материалы, затрагивающие весь спектр славистической проблематики; решение о публикации поступивших в редакцию рукописей принимается по результатам двойного анонимного рецензирования (double-blind peer review); поиски рецензентов и утверждение рукописей к печати осуществляются редакционной коллегией.

Рукописи статей не должны превышать 1 п. л. (40000 печатных знаков); печатаются работы по-русски и по-английски; к рассмотрению принимаются рукописи, оформленные в соответствии с рекомендациями б. Института славянских языков и культур к правилам оформления, действующим в издательстве Таллинского университета.

Рукописи статей принимаются ежегодно к 1 марта по адресу –

utgof@tlu.ee

– или:

Dr. Grigori Utgof
Tallinna Ülikool
Narva mnt 29, S-331
10120 Tallinn
Eesti / Estonia

Общие рекомендации к оформлению рукописей

Статьи и заметки, печатаемые в “Slavica Revalensia”, структурируются двухчастно: собственно авторский текст (с подстрочными примечаниями) и «Библиография» (после текста). Знаки сноски в тексте статьи представляются в надстрочном индексе (вручную или в режиме “Footnote”).

В библиографическом описании сокращения сводятся к минимуму (за исключением 2-х, 3-х, 4-х и т. д., *вып.* (*выпуск, выпуски*), *избр.* (*избранное, избранные*), *кн.* (*книга, книги*), *№* (*номер, номера*), *отв.* (*ответственный, ответственные*), *пер.* (*перевел, перевела, перевод, переводы*), *полн.* (*полная, полное, полный*), *ред.* (*редактор, редакцией*), *С.* (*страница, страницы*), *собр.* (*собрание*), *сост.* (*составители, составитель, составление*), *соч.* (*сочинений*,

сочинения), *ст.* (статья), *Т.* (том) и *тт.* (томах), а также *Л.* (Ленинград), *М.* (Москва), *Пг.* (Петроград) и *СПб.* (С.-Петербург) в русском тексте и *Ed.* (*edited, editor*), *No* (*number*), *Nos* (*numbers*), *P.* (*page, pages*), *Vol.* (*volume*), а также *Cambridge, Mass.* в тексте английском; на других языках сокращения делаются по аналогии).

Пример 1

Пушкин А. С. 1948. Медный всадник: Петербургская повесть. – Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16-ти тт. Т. 5: Поэмы: 1825–1833. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР. С. 131–150.

Пример 2

Emerson, C. 1994. Переводимость. – *Slavic and East European Journal*. Vol. 38. No. 1. P. 84–89.

В авторском тексте ссылки на источники даются в скобках; ср. пример оформления ссылки на «Медный всадник» –

(Пушкин 1948, 5: 131–150)

– и на статью Кэрил Эмерсон:

(Emerson 1994: 84–89)

Перечень источников в разделе «Библиография» структурируется а) по алфавиту и б) по хронологии:

Эйхенбаум Б. 1922. Мелодика русского лирического стиха. Петербург: ОПОЯЗ.

Эйхенбаум Б. М. 1924а. Как сделана «Шинель» Гоголя. – Эйхенбаум Б. М. Сквозь литературу: Сборник статей. Л.: „Academia“. С. 171–195.

Эйхенбаум Б. М. 1924б. Проблемы поэтики Пушкина. – Эйхенбаум Б. М. Сквозь литературу: Сборник статей. Л.: „Academia“. С. 157–170.

Эйхенбаум Б. М. 1927. Проблемы кино-стилистики. – Поэтика кино / Под ред. Б. М. Эйхенбаума, с предисловием К. Шутко. М.; Л.: Кинопечать. С. 13–52.

Уточнения к порядку референции, цитации и оформления библиографического описания

а) Ссылки на источник даются в статье в круглых скобках, а в примечаниях ссылка в скобки не заключается.

Ср. в тексте статьи:

Так, например, в работе К. Ф. Тарановского «Стихосложение Осипа Мандельштама» (Тарановский 1962: 97–123) отмечалось, что...

Ср. в примечаниях к тексту статьи:

^п Об особенностях ритмики мандельштамовского Х5 см.: Тарановский 1962: 110–111.

Ср. в библиографии:

Тарановский К. 1962. Стихосложение Осипа Мандельштама (С 1908 по 1925 год). – International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. Vol. 5. 's-Gravenhage: Mouton & Co. P. 97–123.

Если в тексте примечаний есть цитата, то в этом случае ссылка на источник дается по тем же правилам, что и в основном тексте статьи – в круглых скобках.

б) Ссылка на иноязычный источник оформляется по тем же правилам, что и ссылка на русский источник (за единственным расхождением: в библиографическом описании иноязычного текста после фамилии автора ставится запятая).

Ср. в тексте статьи:

...и восходят к положениям знаменитой статьи Р. О. Якобсона 1960 г. (Jakobson 1960: 350–377; см. также: Jakobson 1981: 18–51; ср.: Якобсон 1975: 193–230), в которой...

Ср. в библиографии:

Jakobson, R. 1960. Closing Statement: Linguistics and Poetics. – Style in Language / Ed. by Thomas A. Sebeok. Cambridge, Mass.; New York; London: The Technology Press of Massachusetts Institute of Technology; John Wiley & Sons, Inc. P. 350–377.

Jakobson, R. 1981. *Linguistics and Poetics*. – Jakobson, R. *Selected Writings*. Vol. III: *Poetry of Grammar and Grammar of Poetry* / Ed., with a preface, by Stephen Rudy. The Hague; Paris; New York: Mouton. P. 18–51.

Якобсон Р. 1975. Лингвистика и поэтика. – Структурализм: „За“ и „против“: Сборник статей: Пер. с английского, французского, немецкого, чешского, польского и болгарского языков / Под ред. Е. Я. Басина и М. Я. Полякова. М.: Издательство «Прогресс». С. 192–230.

с) Если в исходном тексте есть фрагменты, которые выделены курсивом и/или разбивкой, эта черта источника сохраняется при цитации.

Ср. в тексте статьи:

...а также в следующем фрагменте:

And that obscurely corrupted soldier dit of singular genius

*Nadezhda, I shall then be back
When the true batch outboys the riot . . .*

and Turgenev's only memorable lyrical poem beginning

*Morning so nebulous, morning gray-drawing,
Reaped fields so sorrowful under snow-coverings*

and naturally the celebrated pseudo-gipsy guitar piece by Apollon Grigoriev (another friend of Uncle Ivan's)

*O you, at least, do talk to me,
My seven-string companion,
Such yearning ache invades my soul,
Such moonlight fills the canyon!*

"I declare we are satiated with moonlight and strawberry soufflé—the latter, I fear, has not quite 'risen' to the occasion," remarked Ada in her archest, Austen-maidenish manner (Nabokov 1969: 437).

Ср. в библиографии:

Nabokov, V. 1969. *Ada or Ardor: A Family Chronicle*. New York; Toronto: McGraw-Hill Book Company.